

Михаил Антохин

Звон колоколов

Михаил АНТОХИН

Звон колоколов

стихотворения и поэма
1993–2007 гг.

Г. СУРГУТ

ББК 84.Р6
А 72

*От всей души благодарен
Юрию Ивановичу Важенину,
генеральному директору
ООО «Газпром переработка» города Сургута,
депутату окружной Думы ХМАО-ЮГРА,
настоящему русскому человеку,
гражданину, патриоту,
за помощь в издании моей книги
стихотворений «Звон колоколов»,
автор.*

ISBN 978-5-87247-578-1

© Михаил Антохин. 2012

Предисловие

Рукопись новой книги Михаила Антохина «Звон колоколов» составляет более 300 страниц. Она вобрала в себя огромное количество стихов, написанных с начала 90-х прошлого века по настоящее время (это целая эпоха, занимающая последние 15-20 лет). Поэт предложил своеобразный вариант документального отчета о развитии собственного поэтического творчества. Для самого автора эти годы оказались очень долгими, вместилими и выход на пенсию, и вступление в Союз писателей России, работу над большим сборником стихотворений, инфаркт, подготовку к операции на сердце, когда по Сургуту был брошен клич о сборе донорской крови. Операция была отложена, работа над стихами продолжилась, благо: врачи её не запретили.

Для внимательного читателя книга представляет большой интерес. Во-первых, впервые в таком объеме представлены его стихи в разных жанрах, во-вторых, недвусмысленность большинства произведений позволяет сделать выводы не только о мастерстве Антохина, как литератора, но и об эволюции его взглядов. Она позволяет говорить о его мировоззрении, как человека верующего и своеобразного наследника социалистического мировоззрения доперестроечного века.

Взаимопереплетение этих двух мироощущений дает себя знать и в композиции всей книги, и в крупных и мелких ее частях. Если первое заставляет автора выражать то, как он ощущает присутствие божества во Вселенной, обращает его внимание к природе, поднимает в нем чувство сопричастности каждому предмету, каж-

дому живому существу, птице, животному, растению, то второе настоятельно требует высказаться по поводу процессов, происходящих в стране, всю экономическую суть которых он, как человек, имеющий инженерное образование, прекрасно понимает, включая понимание необратимых последствий многих из них. Именно поэтому эпическое начало, присущее Антохину, как поэту, получает развитие в его мучительной и пророческой гражданской лирике на протяжении всей книги.

Весьма значимо открывает книгу программное стихотворение «Слово». Оно сразу вводит читателя в предгрозовую атмосферу современности, показывает, какой огромный вес могут приобрести не только великие поступки, но и величественные слова, не случайно обращается он к термину поэтики, связывая перед читателем строение лирического произведения со строением природы, показывая родство и взаимозависимость человеческой деятельности и процессов космического масштаба.

*Как огнеликий Юпитер,
В космосе сеющий смерч,—
Так огнегубый эпитет
Может смертельно ожечь!*

*Нет ничего выше СЛОВА,
Нет и священней его.
Дышит земная основа,
Влившись в его естество!*

Высшее выражение религиозная тема нашла у Михаила Антохина, получив лирическое воплощение в неприметном на первый взгляд стихотворении

«Молчание». Оно состоит всего из трех строф, но вобрало в себя эмоциональное напряжение множества других, более развернутых произведений, полностью выражая победу православного мироощущения.

*Я стою у подножья миров
И смотрю на мудрёный свой кров:
Как он хрупок, как низок, как хил, –
Как и тот, кто его сотворил.*

*Я стою у подножья миров
С головою поникшей,
Без слов:
Что он может, мой скверный язык,
Что лукавить да славить привык.*

*Я стою у подножья миров.
Надо мною небесный покров
Весь – сияние, весь – торжество, –
Как могуче молчанье его!*

1996 г.

Для читателя, пережившего впечатление от этого произведения, безусловно, понятна духовная позиция автора со всеми ее основаниями и напряжением, которого требует устойчивость нравственной опоры. А позиция эта далеко не проста. Неумолимое требование к самому себе пропускать через сердце все радости и боли, связанные с Родиной, с близким душе и оттого не менее суровым Севером, обязывает отзываться на самые печальные события, происходящие вокруг.

Великолепна пронзительная баллада «Город», живописующая трудности, пережитые первостроителями и незаслуженную забытость их подвига.

О город, высосавший души
Первостроителей своих:
Прикрыл глаза, заткнул ты уши
И отвернулся, чтоб не слушать,
Не видеть слёз и воплей их.

Великолепно стихотворение «Предвечернее», в котором грубая в своей прозе действительность современности как бы случайно обнаруживает в себе не то, что бы обещание грядущего, а некое предвидение этого обещания.

Но что-то в груди обозначилось к ночи;
Какие-то тонко-тугие ростки.
Нет-нет да смутили спокойные очи
Струёю холодной и жёсткой тоски.

И чем-то невнятным душа наполнялась
И всё порывалась умчаться туда,
Где в дальней дали ей одной открывалась
Ещё недоступная глазу звезда.

Хорошо «Родное» с его грустным признанием в любви к деревне,

Живя средь чуждой красоты
Цветком заброшенным и бледным,—
Я так хочу, чтоб стала ты
Прибежищем моим последним.

Хороши «Окошко» с его неправильными «Сохи борозды заволочили хрустали», «Березки» «золотые дочки — внучки патриарши», «Храм» с посвящением отцу Виктору, в котором каждый почувствует, как

гордое, глухое вдруг начинает сердце отходить, «К Вам», «Во сне» с военными картинами, «В октябре». Торжественно звучат «У Океана», «Святая Русь», «Северу», сильны «В сентябре», «Покоя бы», «Листья», «В ожиданье», «К реке»:

Ток благородной воды
Им не отдаст твою душу.

Хороша «Элегия», много объясняющая в чувствах и надеждах автора.

ЭЛЕГИЯ

Я в глубь земную заглянул,
Мой взгляд за горизонт простёрся;
Я видел, как я утонул,
Когда о край волны опёрся.

Она скользнула с-под руки –
И я остался без опоры:
Сомкнулись надо мной круги,
Надрывно задышали поры;

Умолкло сердце; мозг – как бред;
И в прах рассыпалось вниманье,
И – тьма! Как выключили свет,
И отключилось пониманье...

И я во тьме летел, скользил, –
Но не убился, не споткнулся, –
И вдруг – как на стену наткнулся:
Внезапный свет меня пронзил!

*Я стал осматриваться и –
Иль наяву, иль показалось:
Как сквозь блестящие струи –
Живое око отверзалось!*

*Оно глядело на меня,
Полно любви, успокоенъя...
(Такие странные мгновенья
Бываю на исходе дня!)*

*Нездешний свет меня манил.
Как по земле я проходил –
И предо мной века мелькали,*

*Где не толпились, не алкали,
Где лица радостью сияли,
Где нет ни плача, ни могил.*

2002 г.

В стихах «О тщеславии», «Струна», «Как жаль, я не рожден с душою тонкой...», в «Костре» налицо проникновение души поэта в сам предмет изображения. Великолепно стихотворение «О цветах». Очень хороши «Теперь живу в изнеможенье», «Выборы», «Не знают», «Славяне», «Болото», Решение», «В деревне», «Раскаяние», «На пороге», «Печаль», «Любовь», «Созерцание», «Признание», «Благодарность», «Май», «В июле», «Сила влаги», «Мгновения», «Раздумье», «Увядание», «Промелькнем», «Боль», «Журавли», «Неудача», «Глупость», «Причастность», «Искра Божия», «Горе».

«Мой край», «Кавказ», «Мелькают дни живого бытия», «Душу кое-как ташу и ногу», «Безвременье», «Э. Лимонову», «Когда приходит сил паденье», «К себе», «Облако...», «Передряги», «Сон-быль», «Опомнимся ли?», «Нет, я не верю утешеньям...», «Василек», «Ода

веку», «Погребок – 1994», «Все роли сыграны», «В памяти», «Победа», «Пырей», «О любви», «Задумайся», «О рубле», «О долларе», «Тучка», «Загадка», «Разлом», «Увиденное», «Вечером», «Опозднился», «Резонно», «Видение», «Видит око», «В лесу», «Оторопь», «Август», «Летом», «В небе», «В дождь», «За что?», «Мытарство», «Предположение», «Знаю я», «Авансы», «По колее», «Уныние», «Пророк» – все эти стихи достаточно выразительны.

Занимательна перекличка Антохина с поэтами-классиками. Слегка кощунственная фарсовость Антохина в стихотворении «Тютчев» компенсируется горькой самоиронией беседы с Дмитрием Кедриным и другим стихотворением, посвященным тому же Тютчеву.

В стихотворении «Жизнь» Михаил Кузьмич ярко демонстрирует диалектику пользы и эстетической необходимости. Материализм целесообразной деятельности тяготит его, несмотря на всю естественность, и он выбирает «бесполезную» красоту росы на цветке. Но тепло, с которым он описывает пользу как результат трудолюбия, выдает его с головой. Да ведь и трудолюбие, как мы знаем, порой бывает, к сожалению, бесполезным.

Предельно мощно в своей поэтической выразительности стихотворение «Яун-Лор». Выразительно стихотворение «За окном».

*За окном моим провода,
А за ними – неба слюда,
А за этой синей слюдой –
Одиночество и покой.*

Радует осязательностью «Зной», очень точны и зрелицы пейзажные стихотворения: «На покосе», «Утром». Лаконично-выразительны «Отбросив стя-

жанье и утлость...», «Не стало весёлого Солица...» «О жизни», «Глушь», «Сани», «Перемена» с необычной картиной тумана, Хороши «Краски» («...пьют глаза захмелевшие краски..»). Интересно субъективное «Тайна» «с углами в ладонях».

Упрямец из стихотворения «Такой вот», увлеченный поэтикой филолог из «Монтажа», увлеченный творчеством собрата по перу поэт из «Глаза в глаза», почти душевно больной из «Не отдаю», почти злобствующий во втором «Ожидании» 2001 года, почти отчаявшийся в бессилии в «Не перемог» и «Посулах», вспомнивший детство натуралист из «Земляники», даже дебошир и пьяница из стихотворения «Милость», новый Хлестаков из «Не спеши», герой Достоевского из «Как быть?» и «Как жаль расставаться...», иронический индивидуалист из «Общее» и даже флегматик-муравей из стихотворения «Муравьи» – лирические герои Антохина чрезвычайно разнообразны.

«Предосеннее» возвращает от природных дачных идиллий к реальности городского бытия, тешат надеждой «Возрождение», «Дождик», радует осень в «Переменах». «Что это?» удивляет новизной формы.

Интересен у Антохина «Восточный круг» с его выразительными в своем зоологизме стихами.

Прекрасны «Реванш», «Конь», «Не время ль», «Первые дни», «Весна», многословная и чудесная, «Расстались», «В переходе», «Солнечные брызги», «Две стихии», «К требователю» (кроме последней строки), «Связь», «Цветы земли», «День скорби», «Молитва», «Помнить», «Вера», «Не обмани», «Необузданность», «Презрение», «К брату», «К Столице», «К Грузии», «Вино», «Приметы», «Надрыв», «Волшебство», «Ослепший», «Огонь» «Как с берез бересты не соскоблить!!!», «Преодоление», «Раскаяние», «В Феврале»,

«Приобье», «Восхищенье», «Бытовуха», «К пурге», «Бегство», «Жду», «1 апреля», «Что вижу?», «Дрёма», «Крест», «Обман», элегия «В округе».

И последние стихи, завершающие книгу, почти безукоризненны. Поэма о Ленине, расположенная в конце книги, производит ошеломляющее воздействие. Кажется, что она написана сегодня, настолько органична она для стиля Михаила Кузьмича. О ней хочется говорить отдельно и долго, настолько интересна она с точки зрения замысла, композиции, эпического начала, положенного в основу.

*И прежде рушились миры,
И бились вдребезги короны...*

Так начинается первая часть поэмы, и, проникая в описание революционных событий 1917 года, о которых написано тысячи раз, ждешь нетривиального взгляда со стороны человека уже XXI века, повидавшего виды, прожившего счастливую и несчастную, богатую на исторические события и скучную на возможности повлиять на них лично.

Метод, к которому прибег Михаил Кузьмич, родствен детективному. Он до самого конца поэмы ни разу не называет главного героя по имени. Читатель уже начинает слегка сомневаться, а о том ли человеке поэма, не произошло ли подмены, как произошло это со многими литературными персонажами, да и с историческими личностями в последние годы. По разному ведь можно истолковать, к примеру, вот такое определение:

*А он всечасно,
В полной мере
В живом понятии – народ...*

И образ лирического героя, выписанного на пределе эмоционального напряжения, как бы олицетворяет натянутые до состояния тугой струны тяжей народного духа. Вот как работают на создание этого образа такие простые средства поэтики, как: перечисление, аллитерация, ассонанс.

*Все звуки:
Песни,
Марши,
Ругань,
Стрельба,
Проклятья,
Вопли,
Стон,
Шаги,
Ползки,
Пробежки –
Вьюгой
Секут меня со всех сторон!*

И концовка этой небольшой поэмы производит впечатление фейерверка, взрыва, салюта, настолько художественно точно Михаилу Антохину удалось скомпоновать и завершить воплощение задуманной идеи.

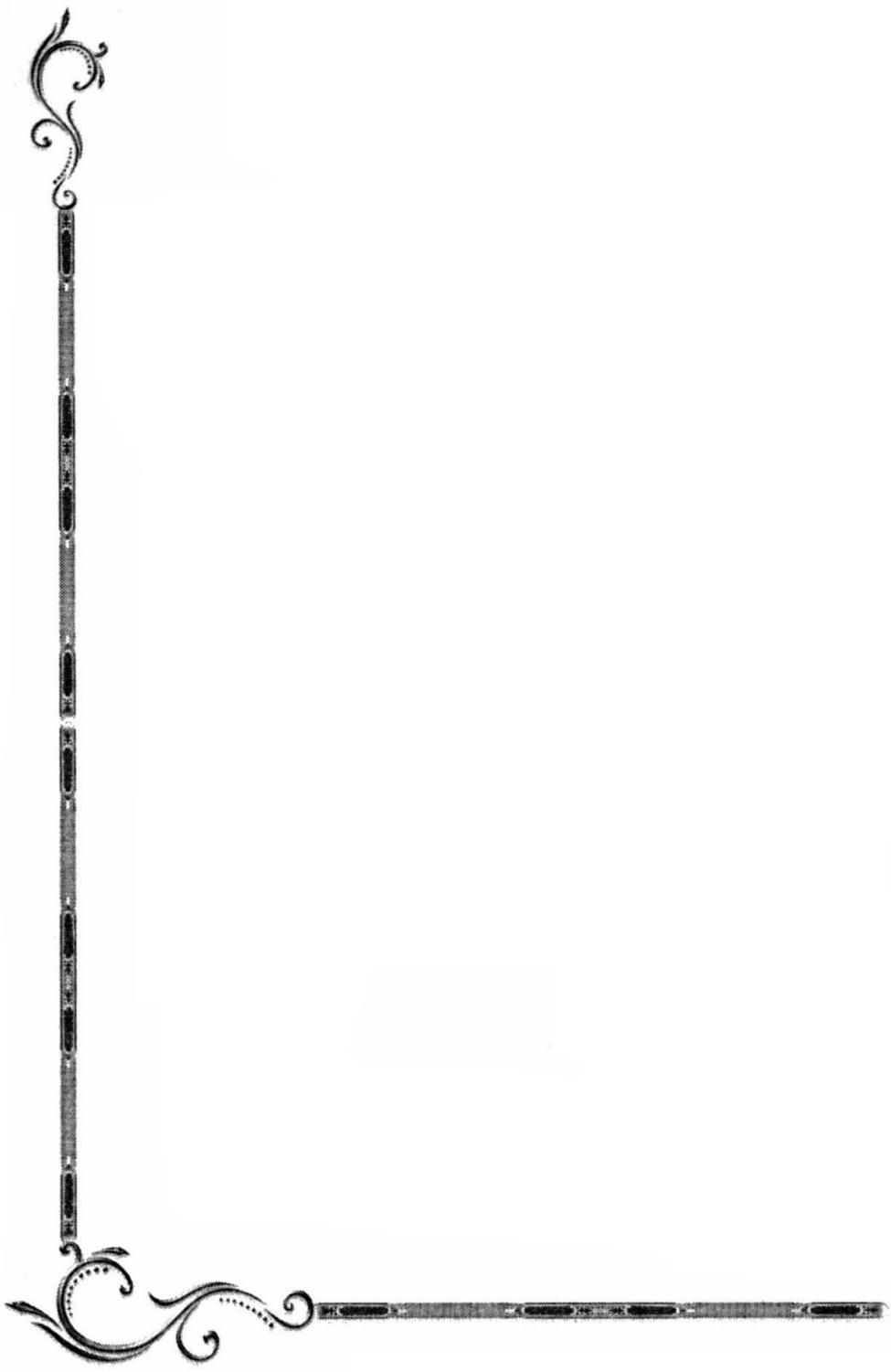
Перечитывая книгу Михаила Антохина, погружаясь в мир мятущейся, как пламя, живой души поэта и понимаешь, что именно такое ощущение мира, получившее свое эстетическое оправдание, заслуживает название художественной правды. Именно с точки зрения писателя-творца, писателя-гражданина, писателя-бунтаря видна вся могучая удаль русского духа, и провидятся далекие горизонты новой, бесконечно святой, бесконечно разумной и счастливой жизни.

Сергей СМЕТАНИН,
Член Союза писателей России.

Пронзительно,
величественно,
гордо

В злачёном храме, в церкви у села,
Как повествую о судьбе народа, —
Звонят, звонят твои колокола.

Поклон веку

Слово

Нету
Ни денег, ни славы!
Благ этих век не видать.
Выбрал себе я забаву:
Словом родным полыхать.

Как грозовые зарницы
Сквозь наслаждение тьмы, —
Слово нам в душу стучится,
Входит в сердца и умы.

Как огнеликий Юпитер,
В космосе сеющий смерч, —
Так огнегубый эпитет
Может смертельно ожечь!

Нет ничего выше СЛОВА,
Нет и священней его.
Дышит земная основа,
Влившись в его естество!

1993 г.

Извечная попутчица — печаль

О Русь моя!
Лицо твоё в печали
От чёрных дней, нужды и суеты.
Какие ветры над тобой промчали,
Какие с корнем вырвали цветы!

Ты смотришь вдаль.
Умчались?..
Навсегда ли?..
Тяжелый вздох тревожит твою грудь.
В глазах и в голове — костром скандалы, —
И кто найдётся преградить им путь?

Неужто — век за веком — плач и слёзы?
Неужто боль и страх — родимый крест?
Ты, оглянись: вокруг тебя берёзы,
Луга и пашни у тебя окрест!

Отбрось тоску, стенания, рыданья,
Да закатай повыше рукава!
Как хороша ты в пору созиданья!
А в пору «скиса» —
Жухлая трава...

О Русь моя,
Лицо твоё в печали;
Тоска окраин в крике журавлей.
В каких краях они ни побывали,
Какой слезы они ни повидали,
Но в мире нету слёз
Твоих светлей!

2007 г.

Осенний день

Нет воздуха.
Туман, и мрак... и снег.
И видимость — не далее ладони.
И полдень сжался,
Словно в горле смех
Придавленный,
И в недрах его тонет.

Куда ни глянь –
Стекло,
бетон,
забор,..

Да воронья истрёпанные тряпки
На хохлились,
Хотя до этих пор
Носились и заигрывались
В прятки.

Всех осень подогнала под одно:
Былую яркость заменила серость.
Промокший лист
Давно осел на дно;
Во всём остылость,
Сырость,
Онемелость.

1993 г.

Что творим?..

Итак,
Вы все расселись по углам,
И – каждый, – придавили свой журнальчик,
Завариваете такой бедлам,
Что выльется в неслыханный скандалчик.
Вы – как магнаты!
Дохлый плюрализм
для ваших вывертов –
Отличнейшая почва;
И не социализм, а сатанизм
В своих углах собираетесь толочь вы.

Всё перемыли;
Всё переломать –
Предел мечтаний ваших
И желаний!

Под руку попадётся мать —
И мать
Отдать, как и Россию, —
На закланье!

Но тщетно всё!
Россию Бог хранит;
Она одна любви его достойна;
Она больна,
Она пока хандрит;
А тут и ваши меж собою войны.

Что делите?
Чего вам воевать?
Не лучше ль в зеркало взглянуть украдкой,
Да поприкинуть: так ли голова
Торчит, прикрыта норковою шапкой?

В стране потеря веры и развал.
И нет того, кто б вытащил из спячки,
Кто умным словом
К делу бы призвал,
Забыв на время
Про свои болячки.

Где голос тот,
Который жизнь бы спас,
Который бы вознёсся над орбитой?
Его не слышно что-то среди вас, —
И заняты вы
Мелочной обидой.

Потейте
Над журнальчиком своим;
Носки да майки

Чаще лишь меняйте.
А коль не посетил вас Херувим –
Не на кого-то,
На себя пеняйте!

1989 г.

Усмирение

Что ж!..

Мою боевую походку
Усмирила ты взглядом своим.
Полюбил я московскую водку
И волос твоих гнущийся дым.

Полюбил –

И теперь не жалею,
Что пришлось разделить на двоих;
Только чаще и чаще хмелею
От объятий твоих огневых.

И молю,

Разнимая запястья,
Сквозь хмельной и любовный угар:
Не лишай меня, Господи, счастья,
Не пошли мне сердечный удар.

В этой жизни

Я очень недолог;
Не лишай меня, Боже, огня:
Полмгновенья – и сумрачный полог
Мир любви отделил от меня.

1993 г.

Завистники

О!

Как глаза у них горят,
Как учащённо дышат груди,
Как на зубах скопился яд,
Как руки рвутся до орудий!

О!

Как им хочется терзать,
Громить,
Топтать,
Глумиться,
Резать!
Как хочется: — Ага! — сказать
И ухватиться за железо!

Смотрю на них и говорю:

— Родимые! К чему вы рветесь?
Ужели вы не улыбнётесь
Поутру,
Глядя на зарю?!

1993 г.

В России пьют

В России пьют...

О, как в России пьют!

В овчинку небо,

В полпригорши — море!

Потом всю ночь по-пьяному поют,

И — так всю жизнь

В одной телеге с горем.

В России пьют...

Великая страна

Лежит на площадях и перекрестках,—

Как будто вновь шальная старина
Воскресла
В необузданных подростках.

Они полками лезут в кабаки;
Глаза их мутны,
Лица — словно маски,..
И не дай Бог,
Тяжелой их руки
Тебя коснутся
Дружеские «ласки».

В России пьют...
И не видать конца
Холмистой,
скользкой
И кривой дороги;
И не найдётся в мире мудреца,
Чтоб повернуть ведущие их ноги.

1993 г.

* * *

Вы обо мне сказали так красиво,
Что я такой «пройдоха и подлец»;
Я не признал, что это справедливо,
Но ясно понял: близится конец.

Любимая, зачем так истерично,
Ведь мы друг друга знали столько лет?
Расстаться можно было б поприличней:
Купить до ближней станции билет.

Конечно, есть во мне, что вы сказали.
Но это ж только около — не суть.
Мы в этом мире, словно на вокзале:
Сперва везут, потом в гробу несут.

Любимая,
Хотелось бы проехать,
Чтоб шапка набок, тройка в бубенцах!..
Но вышла жизнь, как чёрная прореха,
А рядом ни души и ни лица...

Ушёл я.
Оставайтесь. Будем живы
С улыбкой вспомним расставанья час.
Хоть были вы ко мне несправедливы,
Но я прощаюсь и прощаю вас.

1993 г.

Мой край

Ходит ветер босой по подворью,
Треплет гривы притихших коней,
И как пёс, обессиленный болью,
Он скучит у запертых дверей.

Я встаю и в потёмках на ощупь
Подхожу к нежилому окну..
На безлистую,
Голую рощу
Проливает луна желтизну.

Край, мой край!
До чего же ты смурен!
Нет просвета в просторах твоих;
Навсегда ты пропит и прокурен,
Как безродный, заезжий жених.

Он на ноги подняться не чает.
На миру он сливёт дураком.
Но невеста его откачет
И отпоит парным молоком.

Любо-дорого будет им вместе,
Словно двум перепёлкам в овсе;
Только где же ей взяться, невесте,
Если край обезлюдел совсем?

Что же...
Крышка выходит?
Погибель?
И ничто нас уже не спасёт?
Я стою у окна...
Эта выбель,
Словно червь, моё сердце сосёт!

Эта выбель мне душу мотает.
На неё я готов хоть с ножом...
Вот апрель...
Снег под окнами тает,
И капели запели чижом.

То-то будет весна в моём крае!
Вон как звёзды ночные дрожат,
Вон как вешнее солнце играет:
Коль посеем, то будет что жать.

Край, мой край!
Одолей сам напасти:
Не придут к тебе и не спасут...
Стань ты сам
Головасто-рукастей –
И воздастся тебе за твой труд!

1993 г.

Кавказ

Кавказ, Кавказ...
Блаженный край.
Подножье гор целует море.

Но слезы, кровь, людское горе
И здесь – как всюду – через край.

Я падаю к подножью гор,
Я море солоню слезами:
– Стихии, милые, –
Меж нами –
Не хватит ли уже всего?!

Но горы мудрые молчат
И лишь тесней друг к дружке жмутся.
А волны о подножье трутся
И песнь согласия урчат.

1993 г.

* * *

Мелькают дни живого бытия.
Мелькают лета, зимы, вёсны, осень...
Чего я жду,
Чего желаю я?
Кто впереди таинственен и грозен?

Дойду я до него иль не дойду?
Увижу ли глаза его,
Их строгость?
Иль суждено упасть мне на ходу?
Или попасть в железные остроги?

Не знаю я...
Но я один иду;
Дыхание всё чаще, шаг всё мельче...
И ветер мне в лицо всё злей и резче,
И я всей кожей чувствую беду.

1993 г.

Чего бы я хотел?
А... ничего!
Чего хотеть, когда вблизи ухода?
Луны,
зари,
Росы полкапельки всего,
И синевы, и солнечной погоды.

Хотелось бы,
Чтобы недуг не гнул,
Чтоб улыбались, даже если худо,
Чтобы...
Друг друга каждый помянул,
Как бывшее когда-то рядом
Чудо.

1993 г.

Демократизация

Магазины – как стойло!
Пустота, неуют;
Лишь спиртное, как пойло –
Пей, залейся –
Суют.

Пей, мужик!
Пей, российский!
Закуси рукавом!
Как скатился ты низко.
По тебе, по живом

Ходят,
Топчут кругами
Те, кого ты вознёс,
И вминают ногами

В грязь по грудь,
До волос!

Пей, мужик,
Пей, рассейский,
Заедай рукавом...
Почерк гиперборейский
В этом дне роковом.

1993 г.

* * *

Душу кое-как тащу и ногу.
Ни огня, ни звука в пустоте.
Укажи мне, Господи, дорогу, —
Я ослеп в грехе и суете.

Освети дорогу мне, Всевышний.
В волчьей схватке похоти и драк
Никому не нужен я,
Я — лишний;
Говоря по — ихнему: дурак.

Не прошу я за себя, чтоб лучше.
В мире беззакония и стуж
Помоги нам, Господи, заблудшим,
Сдёрни пелену с ослепших душ.

Крохи я собрал;
Совсем немного
На определённом мне пути...
Но и для одной беседы с Богом
Так необходимо в мир прийти.

1993 г.

Предостережение

Власть – по себе,
Народ – сам по себе.
Разъято целое,
Разлом судеб в изгибе.

Как заклинание –
Глагол с небес:
«Разъединитесь –
Будет всем погибель!»

1993 г.

Безвременье

О, безголовая эпоха!
Всё перевёрнуто вверх дном.
На пьедестале мразь да похость,
Вокруг – Гоморра и Содом.

Все славят прибыль и наживу
И на пирах, и на торгах.
А те, которым быть бы живу,
Повергнуты во тлен и прах.

Такая пагуба народу
Ниспослана за что?
И – кем?..
И как звезда по небосводу,
Слеза сползает по щеке.

1993 г.

1 мая 1993 года

Как чист,
Как ясен небосклон.
И голос пташечек вопиящих,..

И вдруг, как смерч,
Ворвался – он!
В разливе огненных знамён –
Дух солидарности
Громящий.

И – закипел кровавый час!
Дубьём, щитами люди бились,
Бежали,
Прыгали,
Валились,
Железом черепа дробились!
Как стыдно...
Страшно как за нас...

1993 г.

Романс

И не прельщай и не прельщайся,
И не волнуй младую грудь:
Любить меня не обещайся
И о моей любви забудь.

Прощай; прощаю на прощанье,
Клянусь: тебя не прокляну;
Но на случайное свиданье
Не оглянусь и не взгляну.

Пройду, как все проходят...
Мимо.
В душе не ведая стыда;
Пройду, как будто нелюбима,
Как не любила никогда.

Забудь, что было между нами,
Забудь глаза мои и речь, –
Ведь под остывшими устами
Того, что было – не зажечь.

1993 г.

Сплин

Непогода, слякоть, сырость,..
В мире мрачно, как в трубе.
Навалилась антикрылость –
И всего взяла себе.

Вырываться,
Биться,
Драться,..
Но – зачем?
Но – для чего?
И не станет ли смеяться
От такой затеи гость?

Вот опомнится стихия
Голубой моей крови,
И начну писать стихи я
О любви и о любви.

1993 г.

* * *

И разлетается стая,
И рассыпается прах;
Что-то мелькнуло и тает
Следом в небесных потьмах.

Долго стою, не отважась
Шагом виденье спугнуть;
Чувствую: сладкая тяжесть
Полнит усталую грудь.

Снежною птиц белизною
Прошлые дни мельтешат.
Вижу оконце резное
И весь в цветении сад.

1993 г.

К музе

О муз!
Тяжесть этих дней
Переживём, как пережили
То, что казалось нам видней,
Что так безоблачно любили.

Страдай, душа! Стони, душа!
И в бездне противостоянья,
Огнём и пагубой дыша,
Взойди на плаху покаянья;

Исторгни из своих глубин,
Где всё измято,
Всё сожжено,
Росток единственный
Один
Любви духовно окрылённой.

1993 г.

Помутнение

Что там ждёт:
Забота, радость?
Тихий дворик..? Кутерьма?
Ты прошла все круги ада,
Ты – детей беспечных мать.

Вот они идут,
Смеются,
Вперебой обнять спешат,
Без конца в любви клянутся,
И восторженно смешат!

Взгляды хищны,
Зубы остры;
Гул и дым пороховой...

Ты стоишь, устало смотришь,
— Господи, помилуй, — молвишь
Да качаешь головой.

1993 г.

Гроза

Когда громов железный глас,
Вбивая стрелы в темя суши,
Обрушивается на нас —
В смятении — не слух,
А души.

Мы пригибаемся к земле,
Мы шеи втягиваем в плечи.
И на испуганном челе —
Какой — то страх
Нечеловечий.

Какая -то застылость глаз,
И вопли изнутри глухие,
И тихую покорность в нас
Рождает грозная стихия.

И не скрываем мы боязнь,
И сознаём свою ничтожность...
Прошла гроза — и вновь,
Бранясь,
Летим,
Взвинтив амбициозность!

1993 г.

Евразия

Мы — не Европа и не Азия.
Едины мы, как два плеча.
А кососкулье с косоглазием
Даны родство в нас обличать.

Едины мы.
Одними соками
С рождения напоены;
И до ушей полны пороками,
Но и вселенскими пророками
Природой не обделены –
Мы – евразийские сыны!

В просторах –
Мы необозримые;
В какие дали ни смотри:
Сияют две непогасимые
Над нами сразу две зари.

Когда светла ещё закатная
На дальнем западе заря,
Уже рассветная,
Крылатая
С востока льётся на моря.

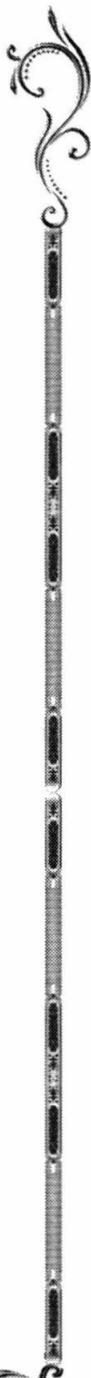
Не надо
Нас пытать и пробовать
На крепость и на чистоту:
Верны мы Богу и кресту
До вздоха,
До предела гробова
И – обожаем красоту!

1993 г.

* * *

Э. Лимонову

Не говорю тебе о ней,
Разграбленной и оскорблённой.
Из Франции оно видней, –
Но половинно, ущербленно.

От «ни двора и ни кола»,
От государственных амбалов
Ушёл ты, но колокола
Не разменял на блеск бульваров.

В угрюмой грубости твоей
Слеза провидческая бьётся:
Так по прожилкам тополей
Работа корня узнаётся.

Воспитанник московских драк,
Ты дал понять в сужденьях броских:
Что из России и «дурак»
Покруче умников заморских!

1993 г.

* * *

Когда приходит сил паденье
И исчезает интерес,—
Я жажду гроз,
Камнепаденья
И низвержения небес.

Такого жажду потрясенья,
Чтоб оборвалось всё внутри,
Чтоб всколыхнулось вдохновенье
Крылом занявшейся зари;

Чтоб мысль, как лезвие,
Сверкнула,
И камень выпал бы из рук,
И чтоб в душе душа проснулась
И осветила всё вокруг.

1993 г.

Облако...

Облако,
Тонкое облако
В полдень стоит надо мной.
Юношу светлого облика
Вижу я в нём над собой.

Вижу власы его длинные,
Шелковый белый наряд;
Очи, безгрешно безвинные,
Тихо и кротко горят.

Весь он – как света подобие,
Весь – как любви торжество.
Вмял я ладони в надбровие,
Дольше чтоб видеть его.

1993 г.

Куда идти?

Куда тебе идти? –
К себе!
И для тебя – иного нету.
Путь – начертание небес
Стране,
    пророку
И поэту.

И кто бы ни желал
Столкнуть
На путь иной –
Есть ржа и ложность.
Тебе Господь означил путь –
Одолевай подъём и сложность!

Иди к себе,
К истоку тайн.
Как нежность в ярости весенней,
Любовь,
Духовность,
Красота –
Твои надежда и спасенье.

1993 г.

Передряги

Пролетел двадцатый век.
И жизнь
Вместе с ним почти отбушевала.
По следу – грехи да грабежи,
Да скучные праздники привала.

Наотмашь ладонью по лицу
Век хлестал нас, глядя на покорность;
Чаще – праведнику,
Реже – подлецу, –
Такова у тех, кто правит,
Склонность.

Запихали нас, как воробьёв,
Под стреху,
Под пол
И под трамваи:
Окунали в дым и кровь боёв
И вбивали в землю, будто сваи.

Но, куда б нас ни заволокло
Катастроф корявыми руками –
Видится, как чистое стекло,
Юности трепещущее знамя!

1993 г.

Сон — быль

Как в глупом пьяном сне
Картина ночью снилась...
Но это наша жизнь,
Но это наша явь.
Чужими чувствами,
Чужим умом польстились —
И стали жертвами
Кликуш и воронья.

Не медля, в тот же миг
Придвинулась к нам смута:
Кровав её оскал, улыбка её зла,
Прищурен её взгляд,
Нога в металл обута —
Сметает, валит, жжёт до волоска, дотла.

Как будто нет у нас истории и жизни;
Как будто нечему учиться у себя.
Но что ни новый день,
То плоше и картинней:
Спешим, бежим, кружим,
То злобясь, то любя.

Кто в бирже, кто в торгах
Находит упоенье;
Играют, кто в трибуна,
Кто в ханжу...
Ищу вокруг себя душе успокоенье —
И ничего не нахожу.

1993 г.

Безумие

Очи, как звёзды, упали;
Мгла окружила и тьма.
Мысли о Боге пропали –
Люди лишились ума.

Мчатся они, как по ветру
Листья осенней порой...
Слёз и раскаянья нету –
Заняты скверной игрой.

Любят,
Дерутся,
Плодятся;
Сносят надгробья,
Кресты...
Дети у них народятся...
Но позавянут цветы

1993 г.

Отомнимся ли?..

Я – есть и путь, и истина, и жизнь.
Здесь, на земле,
Друзья мои – пророки.
Ты, дьявол – искуситель,
ты – страшись:
Я изведу
твои
С лица земли пороки.

Посею Я добро, как семя ячменя.
Оно взойдёт и в свой черёд созреет.
Я – сущий в небесах.
Кто хочет знать меня –

Я у дверей;
Я жду, когда прозреет
Любимых чад развратная душа,
Когда опомнится
И, радостью дыша,
Проникнется священою любовью
Ко ближнему...

Я заповедь вам дал.
А вы её забыли,
Заплевали...
Я наведу на вас девятый вал –
И от него спасётесь вы едва ли.

Я вас низрину в бездну,
В пустоту;
Польётесь пылью вы между звездами;
Я дал и отниму у вас мечту
И, как булыжники,
Столкну вас лбами.

Я многое надумал против вас;
И что надумал я, то и исполню;
Бельмом я затуманю зрячий глаз
И тело поражу летящей молнией...

Так говоря,
Стою я у дверей:
Иду из вод,
Из недр,
С пустыни Млечной...
Меня бегите вы,
Как волки егерей,
А Я вас жду
В преддверья жизни вечной.

1993 г.

«О, как порою в глубине»

О, как порою в глубине
Души измученной, измятой
Взрывается нежданный гнев
Ещё одной жестокой раной.

О, как опасен сей вулкан,
Расположившийся меж нами:
Он поднимает океан
В многоэтажное цунами;

Он всё хоронит под собой,
Он сожаленья знать не знает,
И прародителя сминает,
И сеет хаос и разбой;

Он что-то у себя крадёт,
И, озираясь диким взором,
Не удержавшись, упадёт
И захлебнётся под забором.

1993 г.

* * *

Нет, я не верю утешеньям,
Нет, я не верю чудесам,
И непосильные мученья
Я как-нибудь осилю сам.

Что утешенья, что участие,
Когда душа, как мокрый холст,
Не встрепенётся ни от счастья,
Ни от лирических стихов.

Она как бы окаменела
И тёмной глыбою легла
На обессиленное тело,
И давит, как ночная мгла.

1993 г.

* * *

Теперь живу в изнеможенье
От раздвоенья и стыда:
Вся наша сила в разрушенье,
А как бы надо созидать!

А как бы надо, слов не трята,
Не ждя, что кто-то что-то даст, —
Собрать в строительные рати
Не кто речист, а кто рукаст;

Кто зиждет честь великороссов,
Кто рад работать за двоих!..
О, сколько б отошло вопросов!
И, сколько б не возникло их!

1993 г.

Василёк

О, как печальна наша суть.
И как она необычайна.
Она, как василёк в лесу,
Расцветший бурно,
Но случайно.

Ведь под ногами этих див,
Вознёсшихся к небесной выси,
Так хрупок он,
Так сиротлив,
Так уязвим и так зависим,

Что, кажется, не место быть
Ему средь этих великанов...
О, как же надо жизнь любить,
Чтобы до срока в тьму не кануть.

1994 г.

Ода веку

Двадцатый век!
В тебя я не влюблён;
Ты мне — как в горле кость,
Ты мне противен.
О, сколько ты сожрал людских имён!
О, как кровав ты,
Как ты агрессивен!

Двадцатый век...
Нет мудрости в тебе;
Твой ум бесчеловечен,
Синтетичен;
Ты заглянул почти за край небес,
Но как безбожен ты,
Как неприличен.

Твоих усилий я не разделю:
Они ведут к насилию,
К разбою;
Двадцатый век,
Тебя я не люблю, —
Хотя рождён и выкормлен
Тобою!

1994 г.

О тебе, Москва

О тебе, Москва, по Вселенной молва!
О тебе – не только ручьи и реченьки
Ведут реченьки;
О тебе – Океан,
Когда обуян
Великим мщением,
Говорит с восторгом и восхищением!

Ты мне, Москва, как нитке – игла.
Ты все на свете превозмогла –
Сколько взлетала и падала!
О тебе, Москва, в веках молва
То смеялась, то плакала.

Ты, Москва, себя сбереги,
Сохрани кресты и булыжники.
Чьи не топтали тебя сапоги?..
Ходили князья и облыжники, –
Каждый в грудь твою вминал
Свой каблук и свой кинжал!

Ты, Москва, святыня мне,
С Долгоруким на коне.
С теми же, кто правит ныне,
Ты, Москва, мне не святыня,
Не могу тебя понять,
Хоть кинжал – по рукоять!

1994 г.

Москва-заступница

Эх, Москва – заступница, –
Бронза да рубин!
Меч твой не затупится
Головы рубить –

Кому без дела,
Кому поделом.
Обезглавленное тело
Прикрываешь подолом
И оплакиваешь слезно,
В марше траурном идя,
Однаково серьезно:
И бандита, и вождя;
И безвестных сыновей,
Что на площади своей
Пристрелила, придавила,
Чем немало удивила
Дипломатов и зевак...
Все, Москва, в тебе не так:
Сперва ты палачишь,
А потом — плачешь.

1994 г.

Выборы

Снова мы околдованы,
Снова ум наш распят:
Кандидаты, как клоуны,
На экране пестрят.

Как они эпохальны!
Как безумно умны!
Как наивно-нахальные!
Как невинно-больны!

Мы их слушаем всуе,
Улыбаясь в усы;
И — идём, голосуем
Под железо попсы.

А потом, как и прежних,
Материм, костерим,
И железные стержни
Друг на друга острим.

В Думу хочется,
В Думу
Пуделям и борзым...
Чем безмернее шуму,
Тем достойней призы!

1994 г.

Погребок-1994

1

И вот я в доме, где живёт мой брат.
Он радуется мне, как радуются гостю.
По блеску глаз он видит, как я рад,
Мы тискаем друг друга так, что кости

Трещат и стонут!..
Входят сын и внук,
С улыбкою встречая дядю-деда:
...И тихо начинается беседа
С пожатьем крепких и узластых рук.

Сноха хлопочет споро у плиты,
Доносится из кухни запах острый;
Густым вином стаканы налиты,
Шипит жаркое и щекочет ноздри;

Сейчас оно, шкворча, на стол взойдёт,
И веселей беседа потечёт.

2

Мы будем пить домашнее вино!
Холодный погреб знать ещё не знает
О том, что мы нуждаемся давно
В его очаровательном дизайне.

Он — старый сводник, дряхлый инвалид,
Прохлады накопитель и хранитель,
Целитель, искуситель, разоритель.
Идёшь в его юдоль, когда болит.

Радушно отворяет он врата
И лестницу под ноги подставляет,
И ты уже на сажень под землей,
И вот уже у самого у рта
То, что творить и грабить вдохновляет,
И так приятно летом и зимой.

3

О, как роскошно зрелище для глаз!
Бочонки, бочки, четверти, бутыли,
И всё под слоем самой тонкой пыли.
Там — алый жар! Тут полыхнул алмаз!

Да, бог вина воистину широк!
Не менее широк и бог закусок.
Замешанный на солнце винный сок —
Достоинство божественного вкуса!

Сюда спустившись, не уйти наверх,
Не замочив усов в жестяной кружке,
Не вспомнив малых и великих всех;

И сладких ласк подвыпившей подружки,
И, пересилив непрощённый грех, —
Как не предаться радостной пирушке?!

Итак, мы пьем домашнее вино!
 Пришла родня, пришли друзья и гости.
 Всё радостью вокруг озарено,
 Веселье брызжет, как вода из горсти!

Сначала редки. А потом дружней,
 Дружнее восклицанья, разговоры,
 Подколы, шутки, выходки друзей,
 Сияющей и восхищенней взоры!

И вот уже сплошной галдёж и шум,
 И музыка, и огненные танцы,
 И песни льются, как ручьи весной;
 И я сердцебиеньем их дышу,
 Ловлю счастливых глаз протуберанцы
 И наслаждаюсь шумной суетой.

Как радостен,
 Как сладок этот час!
 Как ярок день счастливого свиданья!
 К тому привёл, наверно, ангел нас,
 Предвидя за весельем –
 Расставанье.

Но мы о том не думаем теперь.
 Лишь в погребок летают наши мысли.
 Он настежь распахнул входную дверь
 И из своих богатств решил отчислить

Нам столько,
 Сколько требует душа!
 У русских душ всему своя есть мера:
 Они

Совсем не против барыша.
Но прежде —
Православие и Вера,
Но прежде — честь и совесть,
И страна,
Которая на все века
Одна!

* * *

Все роли сыграны.
Одна осталась роль.
Но, Господи, её ли я достоин?
Коль хочешь Ты,
Чтоб я сыграл, изволь
И поддержи меня — твоих дружин я воин.

Я меч беру.
Забрало ни к чему.
Витую надеваю я кольчугу.
Хочу, чтоб лик доступен был тому,
Кто хочет кровь мою пролить по кругу.

Ты дашь мне сил,
Удачу ниспошлешь.
А меч я навострю и подготовлю.
Я знаю этих призраков крутёж,
И я на них, как гром,
Обрушу их же кровлю.

Я выхожу.
Порыв мой не остыл.
И меч, как луч,
Сверкает в тьме кромешней.
Апостол Твой меня перекрестил,
И Ты меня возвзвал из пустоты нездешней.

Я замахнулся.
Меч мой загремел.
И что-то опустилось мне под ноги...
А на Востоке луч зари горел,
И кровенел росистый край дороги.

1994 г.

Но прежде...

И вновь –
Плевок в лицо народу
И ниже пояса удар.
Кто отстоит твою свободу,
Когда не сам ты?
Божий дар:
Любовь,
Рожденье,
Воля,
Воздух,
Вершины гор,
Земля,
Ручьи –
Как небо над тобой,
Как звёзды.
Они – твои
И, и – ничьи!
Они – твои.
Из тьмы холодной
Глядят Плеяды, Водолей...
Но прежде,
нищий и голодный,
Своей судьбою
Овладей.

1994 г.

В памяти

Порой, когда тоска мне душу захлестнёт,
И радость, уходя, как бледный луч, блеснет,
Скрываясь за непроглядной тучей,
Я вижу детских лет струящийся песок,
Сапог истоптанных облупленный носок –
И ничего не нахожу уж лучше.

И оттого, что слякоть вокруг меня,
Что не видать манящего огня,
Что тучи сплошь заволокли всё небо,
Так хочется вернуться в ту страну,
Где допоздна играли мы в войну
И на весь круг делили корку хлеба...

1994 г.

Победа

Великий,
Скорбный день Победы...
Ликуют медь и соловьи.
Пред всеми павшими
Полпреды
Склонили головы свои.

Склонились в трауре знамёна,
Цветы поникли головой...
Земля их знает поимённо:
Кто генерал,
Кто рядовой.

Полвеком,
веком
И веками
От нас то время не сокрыть...

Встаёт обугленная Память
И в сердце бьёт,
И – говорит.

1994 г.

Пырей

Андрею Семёновичу Тарханову

Ещё все спят,
А он уже проснулся,
Его и первый луч, и ранняя роса.
Он приподнялся, вышел, оглянулся:
Светлы округа, даль и небеса.

Росою смыв тяжелую дремоту,
Окинув мир восторженной душой,
Он весело принялся за работу
И вырос,
Непреклонный и большой.

И заспешили смять его и вырыть,
Ни корня чтоб, ни духу на версте...
Люблю его

за его жажду

Выжить
И посмеяться глупой суете.

Сумняшиесь,
Корни его смерьте
И окатитесь ключевой водой –
И вы поймёте, что его бессмертье
Посмертно слито с матерью – землёй.

1995 г.

Чаша

Никакая ты мне не чужая...
Ты своя — до кончиков ногтей!
Пред тобою чаша золотая —
Вот она, бери её, владей!

В ней не только крепкие напитки —
В ней души целительный настой:
Иван-чая золотые слитки
Да ивана-с-марьей — огнестой.

В ней не только близких поколений
Смех и горечь,.. в ней веков тоска;
Пригородных и речных селений
Плач и хохот и громов раскат.

И царей суровые обличья,
И цариц пустая суeta,
И страны высокое величье,
И родни скучая нищета.

Всё смешалось в этой дивной чаше!
Не чурайся. Пользуйся. Бери.
И к губам её, и к сердцу чаще
Подноси, благословляй, смотри.

И — пьяней! И опьяняй округу.
В ней вина на сорок сороков.
Опьянеешь — напои подругу —
Не убудет от седых веков.

А когда наступит отрезвление,
Ты её одышь и так поставь,
Чтоб семнадцатое поколение
Целовало в ней твои уста!

1995 г.

О любви

И сердце встретило любовь,
Которой прежде не встречало.
И всполошилась в жилах кровь,
Как будто начал жизнь сначала.

Как бы взошел на Эверест,
Как бы соединился с небом
И увидал, как сто невест,
Сто сосен под кристальным снегом.

Любовью к ним я воспыпал!
Но век мой короток и мал...
И я сползаю вниз,.. плыву
К той, к той, с которой век живу.

1995 г.

Не знают

Когда уйду –
Никто не может знать:
Ни мать родная,
Ни жена, ни зять,
Ни брат, ни сын ,ни дочь и ни отец, –
Когда наступит жизни сей конец,..
Лишь только Он,
Который в небесах,
Ревниво держит пульс мой на часах.

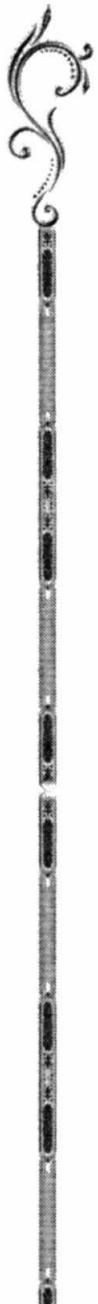
1995 г.

Славяне

Ответьте,
Вселенское чудо,
Всевидящее божество:

Неужто мы — ниоткуда?
Неужто мы — ничего?
Неужто с размахом,
С мечтою,
С любовью,
С презреньем к вражде,
С наивностью нашей святою —
НИЧТО МЫ?! — Круги на воде!?
Неужто отвратно и пресно
Беседовать: мы — сухари!..
Но что же в груди нашей тесно?
Но что же там рвёт,
Изнутри?
Но что же в крови и подкорье,
Как перержавленный гвоздь,
Точит нам душу?
Что спорят
В ней добродетель и злость?
КТО — МЫ?!
Вопрос из вопросов.
Значимей: «быть иль не быть».
Божественных великороссов
Ведет начертанье судьбы
Не по прямой и асфальтной...
Через отрог и овраг
Мчимся мы в гонке астральной,
Плюнувши: так иль не так!
Мчимся сквозь воду и сушу,
Валим дворцы, деревы,
Лишь положившись на душу,
Веря, что будет жива!
Кто — мы? Славяне!
Славяне!
Каждый в свой век и в свой час!
Если есть в мире сиянье,
То это сиянье — от нас!

1995 г.

Задумайся

За уходящим – не гонись.
Оно прошло – и вновь не станет.
Открой скорее тёмный ставень
Перед грядущим днём.
Оchnись.

Что он несёт тебе – увы!
Лишь грустный вечер подытожит.
Знай, что он гадко будет прожит,
С утра лишился б головы!

Быть может,
В том и нет вины,
Что следствие ясней причины...
Но многие обречены
Познать позор свой
До кончины.

1995 г.

Болото

Болото...
Коробит кого-то
Зеленая сырость и слизь.
Болото – и кривится кто-то,
И кто-то плюется: «Катись!»

Болото –
Бочажник да кочник
Бредущего путника – враг...
А это ведь жизни источник,
Податель целений и благ.

С болотом
Не надо бороться.

Живое – оно хочет жить.
Как ярко, как звонко смеётся
Оно в поспевающей ржи!

1995 г.

Голгофа

Толпа орет!
Беснуется по праву
Толпы и стада, – свой у них закон.
Распни Его, а нам отдай Варавву,
Варавва друг нам, как синедрион.

Распни Его!
Он в нас вливал отраву.
Закон отцов Он подвергал суду...
Когда допустишь зеленей потраву,
Что будешь жать в грядущую страду?!

Распни Его!!
И содрогались стены
От крика их,
От злобы,
От геенны,
Пылавшей в душах взвинченной толпы...
Пилат качнулся, как бы уклоняясь,
И гневом вopiaющих распаляясь, –
Отдал Его,
Не ведая судьбы.

1993–1995 гг.

О рубле

И люблю, и не люблю...
Моя хата прохудилась.
Не под силу и рублю,
Чтоб она восстановилась.

Да и что на рубль взять?
Это прежде был он звонок.
А теперь, как пьяный зять
Перед тёщею спросонок.

И раздет он, и разут.
Не штаны — одни лохмотья.
Персонаж для Голливуд
С фиолетовою плотью.

Очень он ей нехорош.
Он — слабак, она дородна,
И его не ставит в грош,
И бранит неблагородно...

«Во пошла какая жизнь, —
Над собою рубль иронит, —
Хоть возьми да удавись, —
И никто не похоронит».

1995 г.

О долларе

Подхожу — живой забор
Из рублей. А в центре — доллар..
Озирается, как вор,
Но и держится бедово.

Что он выкинул ещё?
Не франтить ему б — молиться.
Ну сейчас предъявят счёт
Раскрасневшиеся лица.

Ну, теперь несдобровать
Этой сволочи зелёной.
Вон кругом какая рать!
Вон как смотрят обозлённо!

Вчетвером подходят — хрясь!
Только доллар не качнулся...
Тут же трое — рожей в грязь,
А четвёртый не очнулся.

И рванули много тыщ,
В толчее давя друг друга.
От Москвы и до Мытищ
Ими устлана округа!

Ну а доллар подмигнул
Удивлённому «Центробанку»
И уверенно шагнул
На повышенную планку.

1995 г.

K брату

— Послушай, брат, хочу тебе сказать:
Как хорошо — с тобою рядом мать.

Как хорошо, что дочь твоя и зять
Придут к тебе о здравии узнать;

Что рядом сын и внук твой и сноха,
И хоть перемывают потроха,

Но ты на них за это не сердись:
Такая мерзопакостная жизнь.

Зато всегда с тобой, тобой полна,
Прекрасная, любящая жена.

— И хорошо, — скажу я наконец, —
С тобою рядом — наш родной отец...

И только я – твой брат – я далеко,
Не пить нам с одной кружки молоко.

В свободный вечер не хмелеть в беседе...
Я здесь один. Весь мир – мои соседи.

Но я хочу, хочу к родной душе,
Хотя мечта.. несбыточна уже.

1995 г.

Тучка

Тучка ничего не значила,
Как овчина во дворе.
С кем-то курица судачила
О беспечной детворе.

Та овчина сохла, видимо.
И неслышно и невидимо –
Тучка к ней подобралась:

И на шерсть её густую,
И на курицу орущую
Во мгновенье пролилась.

1995 г.

Загадка

О Русь – загадочное слово!
Не блудной моде дань отдать.
Пытался
И пытаюсь снова
Твою загадку разгадать.

Интеллигент ли ты,
Крестьянин –

Но изначально,
С бытия
Тебя, как донными сетями,
Скажи, какая сила тянет
В её убогие края?

Что в хмуром небе?
Что в метёлке
Серебряного ковыля?
Что в этой серой перепёлке,
Что эти редкие околки
И эти тощие поля?
Есть сказочная заграница!..
Но, словно курица в золе,
Душа готова вечно рыться
В твоей неприбранный земле.
Не из-за слитка золотого:
Всего-то и найдёт она
Обыкновенного, ржаного,
Проросшего два-три зерна;

И, умиляясь как святыне,
Неискущённа и чиста,
Лишь ими станет жить
Отныне
И до могильного креста.

О Русь! Коротенько слово.
Четыре буковки в строке.
Как жилка крови на виске...
И может, в краткости –
Основа
И смысл,
Не понятый никем?!

1996 г.

Разлом

Время жестоко и глухо,
В мире разлад и разбой.
Господи, эта старуха
Красивой была,
Молодой.

Теперь – и черна, и согбенна,
Мелок, неровен шажок.
Доверчиво и откровенно
Склоняется на батожок.

Теперь он – её спаситель,
Он – и опора, и стать;
Он – её путеводитель
И заменитель перста.

Кличет безмолвно и слёзно:
«Где вы, мои сыновья?»
Гром прорычал где-то грозно,
Рядом – грызня воронья.

Так моя Родина пала.
Правда и честь – не у дел.
Совестливым – опала,
Добрый – больничный удел.

Гордые вышли и злые.
В душах не Бог –
Сатана!
Дьявольские времена –
Правят, как будто чужие.

Мрак, нищета и попойка...
Дом разорён и забор...
Русь моя –
Вечная стройка
И бесконечный разор!

1996 г.

Увиденное

Огородом прохожу ли,
Садом,
Созерцаю ль глубину небес,
Уж на все смотрю прощальным взглядом:
Что при мне,
И что тут будет – без.

Те же будут вороны и галки,
Те же в небе всполохи огня...
И печально думать:
– Елки-палки!
Будет всё!
Не будет лишь меня.

И закону жизни повинуюсь,
За главенство
Признавая смерть,
Я все чаще захожу в пивную
День своей кончины подсмотреть.

Пиво золотисто и янтарно.
Сквозь бокал кипит холодный Нил...
Пусть я прожил жизнь не легендарно,
Но в какое «легендарство» жил!

Видел, где столичный переулок
И провинциальный переезд,
Как червей –
Кишело сонмо урок,
Кто кого – решали – переест!

Видел,
Где всегда светло и чисто,
Где играла, пела детвора,
Дряблое лицо «гекачепистов»,

Выходящих с заднего двора.
Видел,
Как «опала» зло копила
И, шипя, на площади рвалась,
Как лихой замудренный Анпилов
Втаптывал державы знамя в грязь.

Видел,
Как наращивалась рента
И нервозность под властей крылом,
И по приказанию Президента
Как расстреливали Белый дом...

И – дай Бог, вам никогда не видеть
То, что мне увидеть привелось:
Кровь, Чечня, война в зверином виде –
Грустный наших дней апофеоз!

От стыда,
Как от тяжелых сум, я
Сник, раздавлен, совестью гоним...
Что мы, кроме этого безумья,
В 21 век передадим?!

1996 г.

Молчание

Я стою у подножья миров
И смотрю на мудрёный свой кров:
Как он хрупок, как низок, как хил,
Как и тот, кто его сотворил.

Я стою у подножья миров
С головою поникшей,
Без слов:
Что он может, мой скверный язык,
Что лукавить да славить привык.

Я стою у подножья миров.
Надо мною — небесный покров,
Весь — сияние, весь — торжество.
Как могуче молчанье его!

1996 г.

У океана

Вздыхает буйный океан,
Луны покорный притяженью.
И надвигается туман,
Подобный мрачному гнетению.

Над вспаханным его челом
Дымится солнца глаз кровавый,
И небо, в золотой оправе,
Лежит всей тяжестью на нём.

Многообразен и един
Вселенский лик,
И Божий разум
Открыл неопытному глазу
Пыл юности и клад седин.

1996 г.

Вечером

Заря сгорела.
И — дотла
Седое выгорело небо.
На мир осыпалась зола
С крутыми запахами хлеба.

Нет ни звезды
И ни луны.
Едва шуршащие деревья
Нависли, словно колдуны,
Над беззащитностью деревни.

Стою, как будто уличён
В поджоге,
В тьме,
В чернильной черни –
И сам невольно увлечён
Особым запахом вечерним.

1996 г.

Непредвиденное

Улыбнулась удача –
и мимо!
Только блеск полоснул по глазам,
Только свист разодрал небо Рима,
Да ударило громом вокзал.

Зазвенели нейтронные клетки,
Кровь вскипела и пала волной,
И зелёное поле рулетки
Вдруг украсилось синевой.

Вдруг – и камни,
Что вечность лежали,
Будто стадо баранов, пошли.
Над землёю горели скрижали,
Каждой буквой кололи и жгли.

И – согбенный,
Стоял я в полроста
И смотрел, не спеша уходить,
Как костлявые руки погоста
Всё тянулись за горло схватить.

1996 г.

Усмешка над собою

Плохой я иль хороший –
Сам знаю про себя.

Я снял с ноги калоши,
Иду босой, трубя.

Калоши — как две лодки,
Два корабля больших.
Иду своей походкой
Между тузов и ших.

И не смотрю на них я,
Шагая высоко,
Как нежная слониха
Средь шавкиных щенков.

1996 г.

Решение

Никуда
Не уйду, не уеду
И скончаюсь на русской земле.
Выпью горькую сам
За победу,
Уголёк откопаю в зеле.

Прикурю и припомню впервые
За истекшие годы свои:
Как дубравы шумят вековые,
Как ночные поют соловьи;

Размечтаюсь
И душу ладонью
Разверну и увижу на ней
Восхожденье,
Восторг
И агонию
Развороченных нами дней.

Не изменишь...
Что было, то было.

Сверхнадрывно жизнь протекла.
Но душа
этую землю
Любила,
Отдавая ей капли тепла;

Отдавая ей всё, что имела,
Ничего не оставив себе;
Лишь запомнив, как липа шумела,
Как сияла улыбка небес...

И теперь, раздвигая понятья
И теряясь меж истин и строк,
Никого не хочу обвинять я,
Чтобы не было свары и склок.

1997 г.

В деревне

Гляну на север,
На юг ли;
Улицей старой пройду..
Были огни да потухли –
Крест
На крестьянском роду.

Клевером что-то не пахнет,
Не золотятся поля;
«МИГ» в поднебесье
как ахнет! –
Стоном исходит земля.

И – никого...
Хоть издохни.
Пусто... Кричи не кричи...
Словно, как чучела,
Сохнут,
Сидя на прясле сычи.

Старый
Издранный ватник
Давностью вмят в сеновал...
Где он,
    тот ястреб-стервятник,
Что всё живое склевал?!

Гляну налево, направо,
И перед собой,
И назад...
Как обнищала
Держава –
Даже огни не горят!

1997 г.

Опозднился

Один –
Во тьме и пустоте.
Сквозь стену не пробиться взору.
Как узки тропы к чистоте,
Как широки они к позору.

Позор! Позор!..
В того себя
Уж никогда не возвратиться,
Хоть даже вдребезги разбиться,
Хоть всех расцеловать любя.

Иду,
Блуждаю в темноте.
Там оскользнулся, оступился...
Ищу дорогу к чистоте,
Да, видно, поздно уж
Хватился.

1997 г.

Резонно

Грешно валить на мёртвых.
Ох, грешно!
Но мы – живые – не имеем сраму.
Нам всё одно: что глупо, что смешно,
Поболе б только
Шороху и шарму!

Нам бы пивка попить,
Поговорить
Да покурить –
Ах! Как мы славно курим!
Да походя кого-то одурить
Стараемся.
Но глядь – себя и дурим.

И начинаем тех, что отошли,
Корить, хулить, перетрясать постели...
Мы – в этом деле – истину нашли
И филигранно в ней
Поднаторели!

1997 г.

Раскаяние

И я предстал...
Прости меня, Господь,
За норов мой,
Беспечность и бес tactность.
Я не желал,
Но лезла дрянь испод –
И мне за это ада неотвратность!

Я голову склоняю и приму,
Что заслужил перед Тобой и миром,
И глаз моих вовек не отниму

От остряя карающей секиры.
На плаху
сам я
Голову кладу
И с дрожью жду последнего мгновенья...
И – вижу свет,
Вечернюю звезду,
Рябины гроздь
И сокола паренье...

О, воля, воля!
Как себя я мнил
Парящим в поднебесье
Над судьбою...
И, может быть, я сам себя убил
За то, что быть хотел
Самим собою.

1997 г.

На пороге

Я пал на церковном пороге,
Не смея стопу занести.
Меня не пустили пороки
В священное место войти.

И – приподнявшись на локте,
Хрипел я: «Святейший отец».
И мысленно видел:
Как в клёкоте
С змеею сражался птенец.

И видел я: тощую сушу
Терзали железы сохи.
В птенце я узнал свою душу,
В змее – и соблазн, и грехи.

1997 г.

Печаль

Зима на дворе.
И выюга так плачет печально.
Сижу у окна,
Как будто изгнаник опальный.

На небо смотрю:
Ни звёздочки нет, ни росинки;
А выюга всё плачет и плачет,
Как будто справляет поминки...

Поминки?
По ком же?
По ком?
Не я ли уже похоронен?
И — плачу тайком,..
И в плаче — я выюге подобен.

1997 г.

Видение

Стоял Он — солнцеликий,
Огнеглазый,
И жизни ток струился от него.
Подобно шуму вод —
Из уст плескались фразы,
И голос, словно гром,
Метался между гор.

Он говорил:
«Я — альфа и омега.
Я — первый и последний.
Запиши»...
И волосы Его — как руны снега,
Как белый облак — тень Его души.
Он голову мою покрыл десницей,—

И в голове, струясь, пронёсся ток,
Промчались молньевидные зарницы,
И мне
открылся
Тайны той исток.

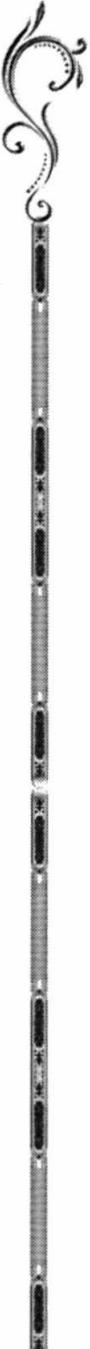
«Что видишь, — напиши, —
Сказал Он строго.
И что напишешь, — передай в народ:
Греха сотворено безмерно много,
И наказанье близко,
У ворот.

Но время есть.
Семь золотых светилен —
Есть семь церквей, — оборотитесь к ним;
Тому, кто слеп
И телом кто бессилен,
Укажет путь
Мой ангел Серафим.

Под сенью небес
Мощёной нет дороги.
Справа — скалы,
Слева — бездн оскал.
И берегущий обувь,
Тело, ноги —
Душе своей
Спасенья не искал!

И гордый,
И строптивый пусть смирится:
И клеветник злословья сплюнет яд.
Семь Ангелов —
Семь звёзд в моей деснице
Все жаждущие души
Напоят».

1994, 1997 гг.

Любовь

И в черной толще облаков,
И в нарастанье ураганов
Любить тебя я не устану.
Любить.
Но как ты далеко!

В крови –
Страстей девятый вал.
С петель срываются запреты.
В тартарапы летят портреты
Всех тех, кого я прежде знал.

Мостов колеблются устои.
Грудь – как проран!
Бурлит река...
Дай,
    дай мне самое простое:
Всели надежду –
Вот рука!

Возьми,
Освойся,
Обопрись:
Ты – хрупкая,
Ты – как былинка,
Моя вторая половинка
На час,
На день,
На век,
На жизнь!

1997 г.

Созерцание

Развится ветер за окном.
Скользящей линией – снежинки.
Я не пойду за окоём,
Остановлюсь на ближнем рынке.

Узнаю: как идут торги,
Какие цены и товары.
И, одолев напор пурги,
Зайду в пивной ларёк Тамары.

Присяду в дальнем уголке
С золотоглазой кружкой пива
И буду видеть: как счастливо
Кольцо сияет на руке.

Я буду молча говорить
И созерцать неторопливо.
Как жаль:
Любовь не кружка пива,
Её опять не повторить.

1997 г.

Признание

Опальная изба.
Луны подслепый луч.
Шуршание мышей за шторою замшелой.
Совсем сухая сельдь,
Несладкий чай к столу,
Поставленный рукою неумелой.

Коптилка бледная едва колеблет тень,
Высасывая суть подсолнечного масла...
Я – скручен, я – распят,
Меня свалила лень,

Как солнце за горой,
Душа моя погасла.

Ну что ж...
Давай винить не будем никого.
Давай сознаемся, что сами виноваты,
Что душу нам разъел всесильный алкоголь,
Что за блаженства ночь
Приходит день расплаты.

1997 г.

Благодарность

Мне жизнь дана — награда из наград.
Прекрасно всё: голубизна и зелень,
В осколках солнца мелкий перекат,
Воздушность ландыша,
Литая тяжесть ели.

Мне жизнь дана.
Я чту её Творца
Сияньем глаз и глубиной дыханья.
С рожденья
по сей день —
И до конца
Вбираю я её благоуханье.

1997 г.

Видит око

Она стояла,
Как перед распятьем.
Мгновение — и тело на кресте.
Из волосатых уст неслись проклятья,
И проклинали, и клеймили те,

Что мысленно терзали её тело,
Глазами похоть утоляли с ней,
Что — согласись — и пустят зубы в дело,
Вгрызутся в глотки
И сгорят в огне

Всего лишь за одно прикосновенье
К её цветущим бёдрам и грудям.
И отрекутся ока во мгновенье
От заповедей и разрушат храм...

Мария! Ты в веках неколебима
За то, что волосом
Отёрла стопы ног
Тому, кто проходил невозмутимо
Среди кишащих нечестью дорог.

Мария! Преклоняю я колени
Пред подвигом нечаянным твоим
И прозреваю:
В сонме поколений
Он каждому, как мне,
Необходим.

1997 г.

Май

О, май!..
Фуражка набекрень.
Из-под фуражки — рыжий кудерь!
Любимец сёл и деревень,
И городов желанный сударь.

Гуляка,
Блудень,
Фаворит...
Презрев угрозы и проклятья,

Кидаешь в душные объятья
Смиренно-строгих сеньорит.

Не зная убыли в рублях,
Язычески любя свободу,
И в наших
Северных краях
Ты не светишься, а мутишь воду.

И мутишь души и умы,
И так сердца воспламеняешь,
Что — смертный — факелом сияешь
И раздвигаешь гроздья тьмы!

О, май!
Любимец и изгой,
Рассыпав чары полнолуния,
В апреле ты — одной ногой,
Другой — на стойбищах июня.

1997 г.

Сколько еще?

Растерял и друзей, и подруг.
Одиноко приблизился к краю.
До копейки сужается круг,
Но хожу, улыбаюсь, играю!

Может, игры мои невпопад.
Но — играю — песчинка в лавине!
Так начавшийся камнепад
Не задержится на половине.

Он расхлещется в щебень и пыль,
На пути всё сомнёт и склонит,
И в конце
Громовые стопы,
Обессилев, на травы уронит.

Всё теснее сужается круг.
Ноги спихивают друг друга.
И не видно,
Не видно рук,
Что бы вытащили из круга.

1997 г.

В лесу

Уйду я в синий дым лесов,
Под их кудрявые завесы
И буду слушать с интересом
Распевы птичьих голосов.

Я буду слушать сладкий хор
Из множества чужих наречий,
И тяжкий ком противоречий,
Меня давивший до сих пор,
Сойдёт. И песня грудь излечит...

Я осмотрюсь по сторонам
И обласкаю мир древесный,
И огорчуясь, что мир словесный
Бедней, чем сей зелёный храм.

И, против правды не греша,
Я слышу, вопреки страданьям,
Как наполняется душа
И чувством, и очарованьем;

И очумелого меня
От суеты и каждодневья
Как бы выносит из огня
В непостижимые кочевья,

Где воздух — мёд,
Где ночь — как день,

Где облака легки и тонки,
И никогда не сходит тень
На сердца чистые околки.

1997 г.

В июле

Июль, Июль... Сияют небеса.
Зенит таков, что глаз, как в омуте, в нём тонет,
Недвижны белых облак яруса,
На отдых улеглись ветров гривастых кони.
Сморила всех жара,
Сморила духота...
Не колыхнётся лес, ручей не пролепечет,
И даже в воробьях заснула суэта.
О, как вы горячи, божественные печи!
Земля, как женщина, сомлела от жары,
А женщина сама праматери подобна,
Притихла на траве средь шумной детворы,
Взирая с-под руки на каждого любовно.
О Мать-Земля,
И ты, детей шумливых Мать,
У вас одно и то же предназначенье.
Чтоб не иссякла жизнь,
Рожать вам и рожать,
И славиться во всех
Весёлых песнопеньях.
Июль...
Разнеженный,
Зернистозолотой,
Весь в изумрудах
И рябиновых накрапах,
Проходишь ты на мягких лапах,
Высоким Солнцем залитой!

1997 г.

Оторопь

Огнеликое Солнце обозначилось и
Раскидало туман по кустам и оврагам,
И сочилась в леса переспелой зари
Охлаждённая за ночь вишнёвая брага.
Вышел день —
Синеглазый игрун-балагур.
Белокурые кудри оплеч опускались.
На каждой реснице его
Сидел со стрелою амур
Как сладкие воды,
В устах его речи плескались.
А под вечер
По небу
Заметались грачи
И заполнили криком пустую окрестность.
И казалось, не птицы — а небо кричит,
Предрекая погибель кому,
Кому — вечность.
Этот крик не объехать и не обойти,
И прогал между туч, как дыра,
Как прореха.
Видно, где-то сошла с мирового пути
Запряженная парой верблюдиц телега.
И стоял я,
Подавленный буйством стихий,
Поводящий глазами и дышащий еле;
И звенели на все голоса петухи
И в висках,
и в ушах,
И в смирившемся теле.

1997 г.

Август

Ещё туман уходит за куст,
Ещё не слышно холодов.
И подкатил к порогу август
Телегой, полною плодов.
Уравновешенный, упрямый,
Словесных вывихов не вьёт;
Не исподлобья смотрит — прямо
И всё без торга отдаёт.
Ширококостый,
Добролицый,
О росы вымочив подол,
Не обижается, не злится
На незаслуженный подкол.
Пустых речей не замечает;
И сам готов благодарить
Встречающих.
И как, не чает
Всех обласкать и одарить!
Его весёлому здоровью
Последовать бы каждый рад.
Но меж его и нашей кровью
Несовпадений — многократ!..
Всё круче утренняя загусть,
Всё зrimее полей печаль.
Роскошный,
Щедрый,
Милый Август,
Уходишь ты...
Как жаль,.. как жаль!..

1997 г.

Летом

Суровый Север колыхнул
Как невзначай плечом могучим,
Как бы нечаянно дохнул –
И поползли седые тучи.

И полетел холодный снег,
Хоть редкий, хоть немноголюдный,
Но приуныл весёлый стерх,
Но сник тетерев, как подсудный;

Забились мыши и жуки
В благоустроенные норы,
И матерились мужики
На всепогодные contadorы...

В июне снег не по нутру.
Но как обычна тусовка,
Зима кончалась поутру
И убегала, как воровка.

1997 г.

Что петь

Мы – каждый –
Думаем по-своему
И пишем – каждый о своём.
И молодой,
И хоть под сто ему,
Все песню времени поём.

Звенит ли песнь осою звонкою
Иль дышит загнанным конём,
В виске ли бьётся жилкой тонкою –
Всё об увиденном,

О нём...
Пой полководца или гангстера,
Или святого во грехе,
Но чтоб твоя походка мастера
Отображалась во стихе!

И чтоб твоё
В твоём увиденье,
Завуалировшись в словцо,
Цвело – невестою на выданье
Иль в плаче горестном –
Лицо.

1997 г.

Сила влаги

Как вдохновенный клич вождя
На битву войско поднимет,
Так досытая испив дождя,
Природа вновь благоухает.

Трава – как пики и клинки,
С колен поднявшись,
Смотрят в небо;
Цветов изящные полки
Застыли празднично и немо.

Деревья в гулкой вышине,
Прервав беседу меж собою,
Предались тёплой тишине
И бесконечному покою.

Прозрел заспавшийся зенит,
И Солнце сонный глаз протёрло,
И жаворонок так звенит,
Как будто льёт хрусталь из горла.

1997 г.

Мгновения

Ещё чуть-чуть –
И Солнце полыхнёт.
И день войдёт, проспавшийся и трезвый.
Кто самолётом на юга махнёт,
А кто по тропке пробежится резво.

И станут все при деле,
При труде,
И огласится мир многоголосо,
И плуг блеснёт на свежей борозде,
И прогремит состав с недальнего откоса.

Завертится,
Закрутится Земля,
Подставив грудь ветрам, дождям и грозам;
И капелька янтарная шмеля
Замечется по травам и берёзам.

1997 г.

Отдохновение

И отступил жестокий зной,
Долбивший спины, как долотьем.
Разлился синим половодьем
Вечерний воздух над Землёй.

Сквозь листья зреяла Луна
Безмолвным лицом проступает.
Ночь, как на углях, оплывает,
Очарования полна.

И зябкий шорох,
И дымок,

Лишь запахом себя предавши,
Поулеглись, как бы уставши,
И смолк случайный говорок.

И только звёздные миры,
Как золотые черепашки,
Едва ползут стезёю тяжкой,
Блестя до утренней поры.

1997 г.

* * *

Проходим по земле как невзначай,
Как посторонние –
В своей стране и в доме.
На завтрак – чай,
Обед и ужин – чай,
Чадим, как плошки, в собственной истоме.

Нас власти
Не считают за людей
И с каждого
Сдирают по три кожи!..
И мы их почитаем за...блядей,
Из холуёв пробившихся в вельможи.

Меж нами
Нет ни мира, ни вражды.
Они и мы в запасе держим камень.
Живя одним:
Друг другу мы чужды,
Как тьма и свет,
Как лёд и пламень.

1997 г.

Раздумье

Рассвет – как жар в кузнечном горне:
Ал – в сердцевине,
Сер – поверх.
Дух перехватывает в горле
От неувязок и прорех.

Ползу, придавленный громами
К земле, как утренний червяк.
Неотвратимыми грехами
Мой просвещенный ум набряк.

Они мне душу раздирают,
Мои грехи, мои грехи;
Так почву тощую терзают
Плугов железных лемехи.

Свожу удачи–неудачи
В один комок, в один клубок.
Я мог бы жизнь переиначить,
Но есть же Бог, но есть же Бог.

1997 г.

Поэты

Поэты в пространствах витают,
Гоняясь за звонкой строкой.
И только в земле обретают
Забвенье и вечный покой.

Поэты порою не видят,
Но чувствуют бедствие чьё.
И если их в давке обидят,
Так это ж пустяк, мелочьё!
У них ни богатства,

Ни счастья.
Но — как начертанье небес:
В глазах неземное участье
Ко всякой болящей судьбе.

1997 г.

Kто?

Давно я дожил до седин.
Познал я грубость кулаков и кармы.
Я — не боюсь,
Я в мире не один:
Меня хранит молитва мамы.

Не раз бывал избит я в усмерть,
В кровь.
В душе и на лице — отёки спелой вишней.
Но бережёт меня её любовь,
И в небесах благоволит Всевышний

Но — мозг печёт подобием огня
Мысль, с коей я до гроба не расстанусь:
Кто, кто молиться будет за меня,
Когда я на земле один останусь?

1997 г.

В дождь

Ну куда я пойду
По такому дождю.
Посижу у окна
И погоды дождусь.

Буду ждать я её,
Может — час,
Может — два:

Вызревает она,
Как под спудом слова;

Вызревает она
Где-то там, в облаках,
И ударит, созрев,
В ухо пением птах.

Высотой, синевой,
Изумрудом листов:
Вдоволь грудь напоит
Аратом цветов...

А пока я в окно
Буду молча смотреть
Да под шорох дождя
Песни старые петь.

1997 г.

Поэт

Ристалище поэта – жизнь.
Внимая царственному слову,
Он, как на поле колос ржи,
Корнями врос в ее основу.

По ветру века его грудь.
Он, как антenna, ловит звуки.
Он отвергает слов игру,
Идя за истину на муки.

Он чужд толпы, когда творит.
И в час скупого вдохновенья
Его устами говорит
Вселенной вечное волненье.

Болящий дух – его глаза;
Свободный стих – как стих молитвы.
Поэт – он – нежность и гроза
Над разъярённым полем битвы.

Поэт – он в руки не берёт
Пера для славы иль наживы.
Поэт восходит и поёт,
Когда от гнева вздуты жилы,

Когда захлёстывает боль
Сердец и душ светильник шаткий,
Тогда он объявляет бой,
Ни зренья не щадя,
Ни шапки...

Ристалище поэта – жизнь.
Ища родство в пространствах мира,
Его провидческая Лира
Летит на крик живой души.

1967, 1997 гг.

За что?

Где оно?
Где равноправие,
Что брали дрожащей рукой?
Как всегда – начинали за здравие,
А закончили – за упокой.

И теперь вот...
Под танки ложились
И выбрасывались из окон.
И чего же,
Чего – добились?
И каков получили закон?

Кто был нищ –
Обнищал ещё боле;
А богатый – безмерно расцвёл.
Сапогом наступили на волю
И на трон возвели произвол...

От древнейших времён
И – доселе,
И – до завтра,
И в будущем – так!
Кто-то тонет в пуховых постелях,
Большинство – как на свалке бояк.

И, довольствуясь конурою
И объедками со стола,
Снова
    выйдем
Железной рукою
Добывать себе счастья...
Со зла.

1997 г.

Увядание

Серебром моя покрылась голова,
Растерял я щёк румянец незакатный,
Побледнели, поубавились слова
О любви моей весёлой,
Невозвратной.

А какие были зори над землёй,
И какими были яркими свиданья.
Всё пропало, всё посыпалось золой
И остались лишь одни
Воспоминанья.

Помешались и зола и серебро,
На лицо нагнал морщин осенний ветер,
А веселье переплавилось в добро
И тихонько меня греет в зимний
Вечер.

Раскидал бы я печаль свою и грусть –
Да уплыли, отзвенели мои годы.
За холмом я слышу снега хруст
И желаю себе солнечной
Погоды.

1997 г.

Промелькнем

Замелькали огни,..
Промелькнули...
Так и мы невзначай промелькнём.
Кто от смерти своей,
Кто от пули,
Кто – спалённый любовным огнём.

И не то, от чего и как там
Доплелись до сырых могил?
Не останется даже факта,
Что – цветущий! – ты здесь проходил.

Заровняется след,
Как снегом
Завевается колея.
Промелькнули...
Кто шагом,
Кто бегом –
Вся, несметная рать.
«Ты» и «я».

1997 г.

Мытарство

Не раскаиваюсь,
Что я резок,
Соответствую мрачным годам.
Брошен наземь я, словно обрезок.
Снова жизнь и судьба –
Пополам!
Но я чист: не громил я крова,
Ни в лицо, ни в нутро
Не плевал...

Я

от Рождества до Покрова
По стране, как товарный, сновал.
И на станции, сбросивши скорость,
Отцепился я, словно вагон.
И корысть меня ела,
И корысть
Разжигала безумства огонь.
Видно, даже колёса устали
От немыслимой беготни.
Как язвили меня,
Как топтали
Морок, морося, туманы, огни...
Отделились,
Отпали железы
От поруганного естества,..
И остались
Живые порезы
На душе,
Уцелевшей едва.

1997 г.

O правде

Всюду – ПРАВДА!
Куда ни взгляни
И хоть левым, хоть правым
Послушай...
И черней черноты
«Справедливые» дни,
И сбиваются в гурт
Очернённые души.

Всё – от правды!
Как есть – от неё!
Замороченных ею
Под крышку набито!..
А над ними
Кружит и кружит вороньё,
С откровенной неправдой
Сближая орбиты.

И сливаются,
Словно в любви,
Две подруги – избранницы века...
И, как парус на волнах,
Ныряет в крови
Заблудившаяся
Душа человека.

1997 г.

Предположение

Умру я раннею зимой
При лёгком утреннем морозце.
Она заявится за мной –
И я не стану с ней бороться.

Что толку, что на день—другой
Оттянет доктор моё время?..
Ни колокольчик под дугой,
Ни звонко-кованое стремя

Уж не обрадуют меня,
Как сладко радовали прежде,
И златогривого коня
Уже не пристягнуть к надежде,

И он уже не понесёт,
Пространство бегом рассекая,
И, ветром выбита, скучая
Слеза в ресницах не блеснёт.

Нет! Вот и Ангел на часах
Стоит и говорит мне знаком,
Что на земле я стану прахом,
А дух пребудет в небесах.

1997 г.

Боль

Хожу и мрачен, и печален,
В лицо без боли не взгляну:
Любовь нам предки завещали,
А мы затеяли войну.

Нам предки завещали дружбу.
— Священен,— говорили,— гость!
А мы от Терека до Ушбы
Себе устроили погост.

Величья, власти, отомщенья
В кровавом ищем мы бою...
Не будет нам вовек прощенья,
Проклятья будут и презренье
За необузданность свою.

Хожу и мрачен, и печален,
Как будто кары смертной жду.
Любовь нам предки завещали,
А мы посеяли вражду.

1997 г.

* * *

Знаю я:
В стороне не останусь.
Ни один ещё не избежал.
Я пред очи Его предстану
И вопрос будет прям, как кинжал.

Что отвечу я?..
Боже, Ты знаешь,
Как всё было, как будет, как есть...
От проклятий душа, как резная,
Совесть смята, утрачена честь.

Как ни пробовал, как ни бился
Соблюдать Твою заповедь я,
Но – и крал, и – хулил, и – стервился,
Как и все на краю бытия.

Если б снова вернулся, как жил бы?
Так же, Боже, чего тут кривить...
Куролесил бы,
Пьянствовал,
Выл бы,
Не одну бы пытался любить;

Повторил бы построчно, как было.
Что хребет свой – привычки ломать.
Да и жизнь бы всё так же долбила,
Вот и стал бы я крыть её в «мать»...

Боже, вот, вот от сердца признанье:
И хочу, и боюсь говорить:
— Нет на свете страшней наказанья,
Как вернуться и всё повторить!

Потому, чтоб не стать ещё хуже
Как я есть
Перед оком Твоим:
— Насади мне наручники туже,
Прокали и смолою, и стужей,
Но оставь
Под порогом своим.

1997 г.

Журавли

Опять,..
Опять дожди заморосили,
Опять в туманах белая вода...
И журавли навзрыд заголосили,
В который раз прощаясь навсегда.

Ах, журавли!
Плыёте вы по небу,
Крылом упругим воздух вороша;
Вот так за вами вслед
Подняться мне бы,
Чтоб сверху
Прокричала боль
Душа;

Чтоб сверху,
С высоты,
В тугое ухо
Вошёл тот крик, как в доску входит гвоздь,
Чтоб сердце, уловив томленье духа,
Мгновенно на ту боль отозвалось...

Ах, журавли!
Что там за горизонтом,
На уровне кипящих облаков,
За тучею, идущей чёрным фронтом,
За головами грозных ледников?

Распах небес не скомкан,
Не заужен;
Простору столько – миром всем лети!
Но я бескрыл,
Я так земным загружен,
Уж не лететь,
Едва могу идти.
Ах, журавли!
Дай Бог вам сытых буден,
Дай Бог вам миновать картечь и клеть;
Ваш путь далёк,
опасен,
Многотруден, –
Дай Бог вам всем
Обратно прилететь.

Пусть между нами
Остаётся говор,
Основанный на выгодных паях.
Я вас дождусь
И расшифрую говор
о дальних,
О неведомых краях.

1997 г.

Неудача

Ах, Наталья – Наташка,
По заре на щеках.
И прекрасно, и тяжко
Мне с тобою в стихах.

Да и в жизни не легче.
Пусть хоть ночь, хоть заря.
Диковатые плечи
Не отдашь ты зазря.

За мои комплименты,
За весёлый кураж,
Косы – чёрные ленты –
Ты потрогать не дашь.

Вьюга ль, солнце ль сияет,
Целовать тебя рад!
Но лишь ветер спивает
Твоих губ аромат...

Ты откуда такая?
Сон ли это? Обман?
Над водой протекает
Красногрудый туман.

На зелёном, на синем
Облака да цветы.
От росы, от России
У тебя чистоты.

От неё, непокорной
Ни врагам, ни беде,
Твоя сила и гордость
На любой чёрный день.

Ты меня не заметишь...
Много нас, ты – одна,
Как звезда на рассвете,
Чар и тайны полна!

1997 г.

Глупость

В России молодость – беда;
А старость – драма и трагедия.
Вся жизнь – в работах и трудах,
Пришёл к черте – и где ж наследие?

В России за труды не чтут.
Вот если б стал ты Стенькой Разиным,
Тотчас
за несколько минут
Снабдили б славою и разумом!

А так...
Работы и труды
В моём отечестве запаренном
Дешевле дождевой воды.
И вечно ходим мы под барином.

1997 г.

* * *

Отряхнись перед домом молитвы.
И, желаньям своим вопреки,
Как ладонью по лезвию бритвы,
Обнаженной душой протеки.

Протеки, чтобы срезать наплывы
Омозоленных граней души.
Протеки, чтобы вскрылись нарываы
Нарастающей злобы и лжи.

И, раскаясь удесятеренно,
Подойди ко святому кресту,
И раскаянный, и смиренный,
Опусти очи долу Христу
И молись.

Может, будешь услышен.
А пока под завалом грехов
Сам с собою сражайся.
Там, свыше,
Знают, что ты и кто ты таков.

1997 г.

Аванс

О Мария!
Когда, расставаясь,
Тебя я целую последний раз,
То думаю: дай ещё поцелую,
Мало ль что может случиться?!

1997 г.

По колее

Когда
Последний верстовой кирпич
Уклали в историческую кладку,
Пришёл и осмотрел всё
Сам Ильич:
— Прекрасненько!
Но много беспорядку.

Но я в стране порядок наведу,
Сказал он многозначаще и броско
И вмig призвал вселенского Балду
Таскать — что кругло,
И катать — что плоско.

Ушёл Ильич,..
За ним ушёл другой...
Но их завет
В стране непререкаем!

И с новыми вождями
Всей гурьбой
Таскаем круглое и плоское катаем.

1997 г.

Уныние

Призадумались деревенъки,
Да и город сомкнул уста:
Разменяли душу на деньги,
А в итоге — кругом пустота.

1997 г.

Причастность

Как будто воду пью, когда в траве валяюсь,
Как будто вплавь плыву, когда среди цветов.
О жизнь! О свет! О мир!
Пред вами преклоняюсь,
Вас целовать, вас пить, вас благочтить готов.

Люблю вас, как любить душа моя способна
В едином слове Мать — и Родину, и дом.
Ловлю ваш каждый миг,
Дышу я вами,
Словно
Не будет больше вас
Ни завтра, ни потом.

Вы будете,
Когда и я сей мир покину,
Когда прильнут, любя, иные к вам сердца.
Но помнить, верить, знать
И в самую кончину
Хочу я об одном:
Не будет вам конца!

1997 г.

Пророк

Как презирают все его.
М.Ю. Лермонтов

И пусть его все презирают,
И пусть каменьями грозят...
Идёт пророк. Власы сбегают
На плечи, риза ниже пят;

Очей солёная слеза
Росой небесною омыта,
И аура, как бирюза,
Вокруг чела его овита.

И, как в бездонной глубине
Кипит расплавленная лава,
Душа его; как Божья слава,
Вся в клокотанье и в огне.

Горящий взор пронзает тьму,
Уста терпением сомкнуты;
Он видит страшные минуты
Насилья, крови, чёрной смуты
И нищих тощую суму.

Он видит, как пустынен храм,
И как в разврат влекутся дети;
Как шлют проклятья небесам
Попавшие в паучьи сети;

Как злобствуют свинец и меч,
Как золото скапует совесть...
И у гортани бьётся речь
Всё обозначить:
Кто и что — есть!

Но, чтя Спасителя завет
И отмеряя Его мерой,
Он в мир несёт добро и свет
Своей любовию и верой.

Да кто услышит тот язык?
Иные спят, другие горды.
И как откликнутся народы,
Когда посул земных владык
Превыше голоса Свободы!

Когда слепая суета
Их дух настолько поразила,
Что лучше кара и могила,
Чем знак Всеизынного перста!

Но ты, пророк иди...
Иди,
Как горний свет над горным камнем;
Твои победы впереди
Над их безумьем и тщеславьем.

1967, 1997 гг.

Что петь?

Кому дано что – то и пой.
Живи в любви и согласье.
Не подминай своей стопой
С тобой кружашегося в вальсе!

Ты любишь барабанный гром.
Другому флейта всех дороже...
Предупреди прошу, о Боже,
Чтоб первый помнил о втором.
А я свирель люблю.
Свирель

Кружит, пьянит, благоухает,
И всюду чудится апрель,
И кровь то вспыхнет, то стухает;

По венам носится шурша,
Готовая припасть к кумиру.
И раскрывается душа
Навстречу солнечному миру.

1997 г.

Искра божия

В непостижимые мгновенья,
Которых не дано понять,
Ко мне нисходит вдохновенье
И начинает всё менять.

И чувствую цветенье веток,
И как в земле растёт зерно;
Как неземным сияньем света
Всё сущее озарено.

В крови,
В груди, почти измятой,
Весеннее кипенье сил!..
Наверно, Бог, спеша куда-то,
Случайно искру обронил.

1998 г.

Затмение

Разудалые песни пропели
И разъехались отдыхать...
Как жестоко выходит похмелье:
Даже жизни в себе не слыхать.

А ведь пел...
А ведь силился крикнуть
Так, чтобы звоны в оконном стекле!
Так, — уж коль привелось тебе рыкнуть,
Чтобы студень дрожал на столе!

И — дрожал.
И — звенели стёкла.
А потом — никого... Тишина...
И душа, видно, так промокла,
Что не только пьяна — и больна.

Никого... Опустело застолье...
Я смотрю в дальний угол впотьмах:
И мерещится мне: через поле
В белом саване движется прах.

Он всё ближе,.. всё ближе,..
Подходит.
Подошёл — и присел на кровать...
Как жестоко похмелье выходит,
Будто волки
Нутро стали рвать!

1998 г.

Gope

Укатилось веселье за горы
И пропало в косматых горах.
Тяжело ходит грунное горе
На больных и скрипучих ногах.

Неуклюже оно и громоздко.
Век ему не догнать никого.
Но — коснётся —
И скрутишься в горстку.
Так могуче дыханье его.

Не спешит оно.
Грозно очами
Поведёт – и над нами топор,
Занесённый её палачами,
Засверкает, кровав и остёр.

1998 г.

Весы

Вот такая оказия вышла:
Позабыл взять с собою часы.
И теперь, как телега без дышла,
Я болтаюсь, смотря на Весы
Те, что в небе.

Колеблются чаши.
То добро перетянет, то зло...
А луна поразвесила пряжи
На деревьях. Ворсисто. Тепло.

Даль межзвёздная спиртом протёрта.
Девы блёстки вшивают в шитье...
Только чаши колеблются:
Кто-то
Всё уравнивает бытие.

1998 г.

Обида

Ни тоске, ни ветру
Не сдамся!
Только шею круче согну,
Подыму воротник – и подамся,
В неизвестность, как в пропасть, шагну.

Разобьюсь. Изломаю рёбра.
Раздеру и колени, и грудь...

Ты ж
останься
Красивой и доброй
И развея мимолётную грусть.

Пусть на мне ни лица, ни вида.
Я отживший почти,
Невесом.
Переехала трижды обида
Через душу мою
Колесом!

Размягчусь я подобно сметане,
Рыбой в сетях забьётся слеза,
Пёс бездомный
Навстречу мне встанет
И печально посмотрит в глаза,

И поймёт разуменьем собачьим,
Словно друг, опрокинув стакан,
Что такими слезами
Не плачут
Ни от счастья,
Ни по пустякам.

1998 г.

Со стороны

Разложу
свои годы
По полочкам
И взгляну на них со стороны...
И досталось мне счастья
Полстолечко
От всеобщего счастья страны.

Были радости,
Были возгласы
От избытка житья-бытья.
Но всё чаще
Вздымались волосы
И искрились зрачки
От битья!

И сочилась
По жилам и ссадинам
Ни к чему бунтовавшая кровь.
И в душе
Разрасталась досадина
На удачу, на жизнь, на любовь.

На любовь!..
Да она ли ответчица
За измены, грехи и разбой?
А любовь — как светилась,
Так светится;
И не знает вины за собой!

1998 г.

Слушая Шаляпина

Когда его голос нарастает волной
И накатывает вал за валом,
Как будто дух бездны вскрыл над мной,
И я, оскользнувшись, повис над провалом.

Там, внизу,
В дикой пене поток.
Скачут воды, ворочая камни...
И хребет мой знобит холодок,
И осклизлая слизь под руками.

Ещё миг – и ослабнет рука,
И очнётся душа на ступенях чертога...
А в глазах – бесконечно! – река,
Та, та самая,
Матушка-Волга!

Та, что в давние времена...
Не теперешняя, не казнённая...
О, Россия, и ты, как она,
Вся затискана, вся разорённая!

То ли рок, то ли веку урок
Преподали, свершив экзекуцию:
Переехали поперёк
И тебя,
И реку твою.

1998 г.

Проба

О, как теперь доступно,
Модно
Коснуться тела и души!
Подходят к нам поочерёдно
И предлагают барышни.

Запястья пробуют,
Предплечья;
Зрачками по ребрам шуршат.
Нужна им масса человечья,
Но более нужна душа.

И, раскрывая свои карты
И утоляя алчный взгляд,
Дают за душу
троекраты
И столько ж сверху норовят!

Но... русская душа – не деньги,
Не узел дьявольских начал.
Святой и преподобный Сергий
Хранить в ней Бога завещал.

1998 г.

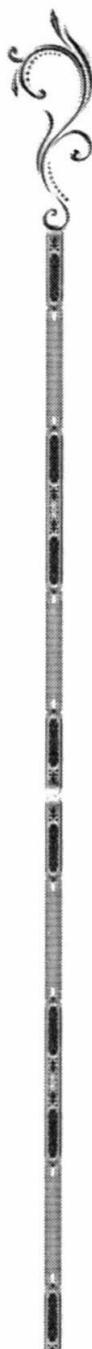
Незадача

Опять
С экрана и центральной прессы
Встают герои
Чёрных наших дней.
У них свои счета и интересы,
И ты для них
Тем лучше, чем бедней.

Они-то знают,
Что в богатстве – сила;
Что сильную тебя не одолеть! ...
Срывают кровли,
Сбрасывают стропила,
По брёвнышку раскатывают клеть.

Растаскивают всю тебя по брёвнышку.
Фундамент подрывают, как кроты,
Колокола уводят и кресты,
Лазурь из глаз
Выдалбливают по зёрнышку...

Ослепшие подручные «Бнай Брита»
Тебя раскопывают до корней
И наполняют золотом корыто
Для их
Всё пожирающих
Свиней.

Темны их лица,
Липки их объятья,
Плюются и слюнявятся уста.
Они давно придумали распятье,
Но нет по росту места и креста!

1998 г.

Что подслушал

«Подумаешь – Отечество!» – я слышу.
«Оно лежит – и век ему не встать!» –
Я слёзную проглатываю жижу
И чувствую распятие Христа.

«Отечество не там, где ты родился...»
И не понять, что в горле:
Ком иль кость?!
Я за другое точно бы не злился,
Но тут – плевок!
И тут законна злость.

«Отечество – не где морят,
Где кормят...»
И отрываются они на все на сто!
Но – как же предки?
Как же ваши корни?
Надгробья,
Церкви,
Остовы крестов?!

Они – в моём Отечестве – откуда?
В ответ – усмешка
Да банкнотный хруст...
За серебро Христа продал Иуда;
У нас Иудой – каждый «новорусс»!

1998 г.

Наказание

Когда-то
Сбивали «салазки»,
Лишили наследства, имён...
О Боже! Да это же сказки
С фантазией наших времён!

Теперь,
Старину изживая
И средневековый обряд,
Полгорода сразу сжигают,
А если поменьше – весь град!

И нету предела сей планке,
И с годом всё выше подъём.
Вот так мы
От пьянки до пьянки,
От битвы до битвы
Живём!

1998 г.

Так бы

Что ж...
И я когда-нибудь сгину.
Время молча меня сметёт,
Как хозяйка с угла паутину,
Совершая суровый поход

При уборке и комнат, и кухни.
Сколько хлама и пыли вокруг!
Вот и я, хоть от крика опухни,
Не уйду от старательных рук.

Потому,
Чтоб героя не корчить
И не вызвать участья к себе,
Помирать буду тихо и молча,
Покорясь неизбежной судьбе.

1998 г.

Суть

В пространствах
гаснут звёзды.
Летят в реку мосты.
А вдоль дороги –
вёрсты,
Надгробья да кресты.

В нас небом
жизнь пролита.
Капелькой росы
Сверкнёт и гаснет,
сбита
Остриём косы.

Чья – в надмогильный
холмик,
Чья – в бронзу и гранит.
А чья – в безвестный томик,
Как лес
из трёх ракит.

Когда бы я
и где бы,
И как бы ни угас,
Навек под этим небом
Два неба
моих глаз!

1998 г.

Новая Россия

Новая Россия...
Нищета...
Блеск двора и президентской рати...
Новая Россия – ты не та,
Не страна любви и благодати.

Новая Россия – криминал!
Герб твой – череп на электробудке!
Полстраны засунуто в пенал,
Полстраны – бомжи да проститутки.

Новая Россия...
В чём же новь?
Уж не в том ли, что в решетках окна?
Что дверей чугунные полотна
Превратили «светлое» в «темно»?

Горько сознавать, что ты в стране,
Где впустую труд и вдохновенье,
Где глаза прикроешь на мгновенье –
И увидишь сам себя на дне.

Новая Россия,
Твоя новь,
Как удавка на хрипящем горле!..
Еле тлеет угль в кузнечном горне,
Вены вскрыты,
Воздух впущен в кровь.

1998 г.

Тупик

Россия!
Богатства.., богатства..,
Их столько в России – не счасть!

Но как обездолено братство,
Но как вознеслось святотатство,
И как обесчещена честь!

Мы – русские,
Стонем да свищем,
Да рядим себя под нагих.
Мы чутки к болящим и нищим,
Но что в этом мире мы ищем
Вслепую, не видя других?

Бунтует в нас кровь исполинья;
Плюём на успех и долги;
Но кто окунул нас в полыньи,
Но кто между нами вбил клинья?
Мы сами к себе – как враги!

Меж нами –
Ни родства, ни братства.
Гордыня,
Чванливость
И злость!
Погубят нас наши богатства,
Погубят нас наши пространства,
Как стаю
Ничтожная кость.

1998 г.

Откровение

Смотрю в небеса и твержу откровенно:
– Что толку от нас необъятной Вселенной?

Упёртые слепо в значенье своё,
Неужто собою мы красим её?

И с первой звездою приходит ответ:
– Вы мною любуетесь, я вами нет. –

1998 г.

Слух

Пустили слух,
Что я упал в безнравственности грязь,
Что я свои глаза
Прикрыл бессовестности ватою.
Я не боюсь.
Я выше этих дрязг,
Я – похоХатываю.

Уже зубов у горла
Слышиу волчьих лязг,
Что мёртвой хваткой
Всё живое схватывают.
Я не боюсь.
Я и на этот раз –
ПохоХатываю!

Сижу перед костром,
вникая в суть огня,
И крошки хлебные
В горошины закатываю,
И всем
в лицо,
Которые кивают на меня, –
ПохоХатываю!

1998 г.

Выдюжим

Вплетаемся в бумажную игру.
Что мозг и руки рвать на производство!
Спасибо, Президент!
Ты – тот гуру,
Что узаконил на Руси уродство.

Уродство маклеров и торгашей,
Воров, бандитов, спекулянтов, дворни...
Мы задыхаемся от толмачей,
Пустивших в наши души свои корни.

Мы – как подлодки – залегли на дно.
Обличье – в землю, в небеса – затылки.
Распластанные мы,
Нам всё равно,
Что там над нами:
Глина иль опилки!

Но из-под ног,
С-под праха,
С-под дерьма,
Пронзая наслоенье лжи и чванства,
Сияет луч
надежды и ума
В далёкие надзвёздные пространства.

Мы знаем:
Могут кровь нашу пролить.
И тело могут умертвить – мы знаем...
Но дух страны
Вовек не укротить,
Его не вздёрнуть, не укоротить,
Неуловим он
И недосягаем!

1998 г.

Раздумье

Прислонюсь, ошалелый, к столбу,
Обопрусь о его неподвижность.
Соберу все морщины на лбу
И прикину:
Что есть и что видно?

Как шахтёр, ковыряюсь в мозгах.
Вместо золата в забое и меди.
Натыкаюсь на слёзы,
На страх, обращённые в камни,
На беды...

Это – в прошлом...
А что же теперь?
Прохожу по извилинам штрека
И в слегка приоткрытую дверь
Вижу свежий ... скелет человека.

И вскипаю распятым умом
И фонтаном взбесившейся крови:
– Чья земля эта?
Чей это дом?
Кто обрушил крепленья и кровли?! –

Вдаль заглядываю... И там
То же самое, что под ногами:
Разорённость,
Заброшенность,
Хлам
И взметённая пыль
Сапогами...

Видно, рота прошла
Или полк...
И из пыли, как призраки мертвых,
Промелькнут то собаки, то волк,
Поджидая бредущие жертвы.
Ум теряется. Падает кровь.
И глаза превращаются в стёкла.
А в сторонке
Подранком – ЛЮБОВЬ
Вся от боли слезами промокла.

1998 г.

Слепость

Продута,
пропита,
пропета...

Бездомная! – Во, довели!
Жизнь стала разменной монетой
На большем пространстве Земли.

Жизнь стала обычной игрушкой
На картах, на белом листе,
Даже на званых пирушких
И на священном кресте.

Жизнь стала бесстыдно дешевой!
И те, что стреляют и жгут,
Смеясь, за полкости моржовой
Полтысячи их отберут!

Мы знаем:
Сердца наши теплит
Любовью Господь.
Но в делах,
Но в злобе настолько ослепли,
Терзаем друг друга, как слепни,*
Не видя Его в двух шагах.

И, переступая законы,
Заповеди и посты,
Летим, как родимцы Горгоны,
Стреляем и сеем...
Кресты.

1998 г.

---

*Оводы

Над обрывом

Толпа деревьев над обрывом.
Обрыв — скалой.
Под ним — река...
Чья неестественным порывом
Сюда их бросила рука?

Внизу студёная водица
Звенит, обильна и скрупа...
Кто их заставил так толпиться
И друг на друга наступать?

И в этой тесноте и давке
Нет и намёка на вражду,
Летят с обрыва комья, палки,
Деревья участи сей ждут.

И в эти скорбные мгновенья
Они, не жалуясь, живут.
И обречённым на паденье,
Как руки, ветви подают.

...Вот нам бы так!
Содвинув плечи
И головы, и этажи,—
Одним усилием человечьим
Спасать
Единственную
Жизнь.

1998 г.

Тьма

Как пылинки в общей куче пыли,
Каждая: судьба — авторитет!
Сбились без имён и без фамилий

В лежбище,
В какой-то дикий бред.

Не видать ни лиц, ни глаз –
Лиши крики
Да взметнувшиеся кулаки!
Господи, протри нам наши лики,
Дай нам цель и посох для руки.

Богохульцы мы и многожёны,
В блуде – будто в осыпи парши.
Нашим светом сделались червонцы,
Вытеснив свет Божий из души.

Дай нам, Господи, успокоенья,
Дай нам мира и любви нам дай...
За спиною дышат поколенья
Что в них?
Вифлеем или Клондайк?

1998 г.

Кто доживет?

Когда-нибудь и я скажу:
– Ну, всё!
И к небу подниму глаза,
К зениту.
А там –
гроза
Деревья туч трясёт
И сыплет, как хозяйка курам,
Град из сита.

И он ложится в зелень,
Слой на слой,
Шлифованный, обсосанный, отлитый.

И от него исходит холод злой,
Такой же, как на бедных от элиты.

Несовместимы троны и тряпьё,
Обношенное до последней нитки,
Как эта зелень, цвет, листва, репьё
И тихо умирающие слитки.

Ещё несметно
В мире нас погрёт,
И промелькнут века ещё – как годы,
Пока поймём,
Что гений и урод,
Богач и нищий –
Все одной породы!

1998 г.

В конце

Когда земное бытие моё
Иссякнет, истончится, изнеможет,
Возьму я древнее копьё,
И пусть мне Божий дух поможет
Собраться
И в последний раз,
Как прежде, выйти на охоту.

Какое пиршество для глаз –
Взглянуть
На рук своих работу

И – оценить; и в глубине
Почувствовать, как грандиозно
То, что оплавилось в огне
И так сработано серьёзно!

И здесь,
В заветнейшей тиши,
Где лишь теней пересеченье,
Хотя бы краешком души
Понять своё предназначенье.

1998 г.

Про себя

Ни до звёзд,
Ни до туч не достану.
Мал я — крыши рукой не достать.
Скоро жить и работать устану,
Покоробятся стройность и стать.

Да и глаз уж не тот.
Прежде — чаще
Полыхали в нём май ли, заря?..
А теперь — всё облезшие чащи,
Да творожная грязь октября;

Да туман, что космат и приземист,
Изготовленный зверем к прыжку,
Да в тумане — лопух, как туземец,
Принакрывшийся рванью из шкур;

Да земли беспросветная сырость
Слита с сыростью серых небес,
Да промокшей овчиной
Унылость
Навалилась на душу и лес.

1998 г.

Rаспад

Еду вдоль дороги —
Буераком.
Дальних звёзд ловлю холодный свет.

Пропадает след мой за бараком,
Словно его не было и — нет.

Мы опять в миру как приложение
Для чужой забавы и утех...
Или это чьё распоряжение?
Или это наш посмертный грех?
Господи...
Неужто не избудем
Над собою дьявольскую власть?
Или — себя сами не разбудим'?
Или мы — лишь пьянствовать да красть?

Замкнут круг — как горизонт.
И уже
Полосы бумаги свет зари...
Что ни день, нам хуже всё и хуже,
Тьма — в мозгах,
Бессильны фонари.

1998 г.

Останки

Прости нас, Господи, за батюшку-царя,
Которого до сей поры
Мы ворошим останки.
Мы — варвары! Короче говоря,
Когда — не в топоры
На брата брат,
То — в танки!

Костей мы наломали!
Не отмыть
От крови рук,
И суетимся в лести.
Нам не дано прозренья
Отделить

Те кости,
Что достойны царской чести.

Догадок и анализов – не счасть!
Комиссии под глазом зампремьера.
Бесчестные! Спешим восславить честь
Свою!
И между дел впадаем в веру!
Царю не царской смертью
Привелось
Оставить мир сей.
Страшна суть изнанки!..
Прости нас, Господи...
Но как бы не пришлось
Нам хоронить,..
Страны своей
Останки.

И слышу:
С неба льётся благовест.
К нему я устремляю слух и зренье
И – чувствую,
Как хор благих невест
Поёт России гимны воскресенья.

1998 г.

Право

У женщины есть право
Сказать, надев пальто:
– Я есть твоя держава,
Люби меня за то.

А если не по нраву
Кому-то будет так,
У женщины есть право
Тому сказать: «Мудак!»

1998 г.

Сумерки

Сумерки над городом ползут,
Будто по булыжнику мазут,
В толчее пролитый из ведра.
И пятно — чернее, чем дыра.

Сумерек сиреневая тень
Поглотила надоевший день,
Что валялся, бился, говорил,
Властвовал, кожилился, творил,
Бедствовал, и пил, и изменял,
И бегущих догонял и мял....

Сумерки повисли над землёй.
Голову свою посыпь золой
И смотри, как суета сует
Заедает бестолковый свет.

1998 г.

Обыденное

Беды обрушаются как напасть.
Но напасти не так часты, как редки;
Это когда заедается власть
Или раздерутся соседки.

Но власти обычно не так глупы,
Чтобы заедаться так часто.
А соседки настолько тупы,
Что не вызывают участья.

Я бы не стал подымать вой
И беду отделять от лени.
Беда — когда над твоей головой
Ветвятся рога олены!

1998 г.

Однозначно

Хоть завтра, хоть сейчас умри,
Хоть проживи ещё столетье,
Что мир замещен на крови
Так явственно, как порка плетью,

Как рябый столб на рубеже,
Как молоко даёт корова,
Как отпечаток на душе
От грубо сказанного слова.

Чем дольше век, тем глубже кровь,
Как реки на подходе к морю.
О, как беспомощна любовь –
Челнок в бушующем просторе!

Без паруса и без весла
Он – как добыча на вертелах.
Его стихия занесла
Ибросила, и завертела!

И гибнет он во всей красе,
Над ним воронкой свились волны.
Стоит убивец на шоссе
И улыбается, довольный.

1998 г.

Бывает и так...

Итак, устав от диких драк
И от пустого окруженья,
Я ухожу в духовный мрак,
В его шуршащее скольжение;

Я ухожу в небытие,
В его текучее пространство,

Где вдохновение мое
Приобретает христианство;

Я ухожу за облак створ
И чувствую дыханье Бога.
Есть божество!
Есть божество!
Но, Боже! Где к нему дорога?

1998 г.

Надоело

Апрель кончается.
Апрель!..
А снег лежит, совсем не тронут,
Непроходимый, как дредноут,
И не озвучена капель.

И нету проблеска в утрах,
На потепление нет намёка.
И дуют сильные ветра:
То северные, то с востока.

Как надоела нагота
Деревьев, парков, палисадов...
Как очевидна маesta
Души
Во тьме молчащих взглядов.

1998 г.

Обиталище?

Из окон гляну на Вселенную,
В ночной чарующий простор...
Душа моя! Ты — птица пленная,
Я — твой,
Покрытый мраком
Двор,

Где свет погас. Безводна скважина.
Калитка настежь. Без запор.
Где всё запущено, загажено
И молчаливо, как укор;

Где растворённую во множестве
Суть подавила суета...
Душа моя, в таком убожестве
Тебе ли, вечной,
Обитать?

1998 г.

Пора бы

Пустили славу и державу побоку.
Сам чёрт над нами филином хохочет.
Не сами ль уподобились мы облаку.
И ветер носит нас, куда захочет.

Мы дрогнули от своего бессилия.
Безволье наше — как на шее камень!
Нет перспектив...
Упёрся глаз в остылые
Развалины и глыбы
Под ногами.

Что проку
В прошлом черпать утешенье?
О мёртвом помни — думай о живом.
Произошло души опустошенье.
На прахе мёртвых не воздвигнешь дом.

Быть может, есть резон в несовместимости.
Но, чтобы придать уверенность рукам,
Скорее надо выскрести и вымести,
И окна предоставить сквознякам.

Пусть взворошат,
Взбунтуют,
Вихрем выхлестнут
Обломки и останки,
Прах и тлен,
Одну навеки утверждая истину:
Чтобы подняться – надо встать с колен!

1998 г.

Усталость

О Север белобровый!
Октябрь – и тот суровый.
А что и говорить о ноябре?
На ветках – ни листочка,
На шее – ни платочка,
Пальто, ботинки, шапки на дворе.

Декабрь – ветра, метели.
Скрипят и гнутся ели.
По небу месяц мчится – не догнать!
Без шороха и шума
Январь впихает в шубы
И в шубах нас старается достать.

Февраль метельный с марта
Раскидывают карты:
Кто в дураках: весна или зима?
Идёт, сучка ногами,
Апрель, больной снегами,
А за апрелем – благодатный май.

А в мае...

А в мае
Махну я на Гаваи
И буду там на солнышке лежать.
Там волны голубые,

Там женщины хмельные
Меня любовью будут ублажать!

1998 г.

За день до 1999 г.

Друг мой, здравствуй!
Помнишь, как на корте
Мяч гоняя, сетку теребя,
Ты мечтал о западной свободе –
Наша непригодна для тебя.

Наслаждаясь жизни новой даром,
Проходя, где тропы поросли.
Видишь, что наделали гайдары,
Видишь, что чубайсы привнесли?
Криминал, разруха, обнищанье,
Дети, старики – черны, как ночь.
Уходя в затоны совещанья,
Пожелай мне смерти на прощанье,
При такой свободе жить невмочь!

1998 г.

Предновогоднее

Мельтешит, визжит, вертится
На экране карнавал!
Поднимаю в дань традиций
Полный горечи бокал.

Ком проглатываю боли,
Оставляя хмель на дне.
Мало солнца, мало воли
В нашей северной стране.

Не на что облокотиться,
И в лицо не заглянуть.
За окном пурга дымится,
Месяц кутается в муть.

А с экрана визг да хохот,
Да жующие столы,
Да стекающая похоть
На блестящие полы.

1998 г.

В последний час

Часы истекают...
Приблизился год:
Однойка ведёт три девятки.
Сейчас на экране появится кот
И станет играть с нами в прятки.

Потом себе слово возьмёт Президент
И, сделавши мину острожью,
Что нам пожелает он в данный момент –
Назавтра окажется ложью.

Такое бывало не раз и не два...
Бесстрастно свеченье экрана...
И будут нас мучить пустые слова,
Как жажда среди океана.

1998 г.

Неразрешимость

Гляну на небо, как безмятежно
Ночное убранство его.
Гляну на землю, как безнадежно
Наше на ней бытиё.

Грудь раздираем,
Колени,
Млеем в экстазе дурном;
Сколько до нас поколений
Билось над тем же зерном?!

Космос
И вогнут, и выгнут,
Свет превращается в прах,
Мучась, галактики гибнут
Прямо на наших глазах.

1998 г.

Полустанок

Давно прошёл мой полдень...
Так давно...
Туман закостенел в пустой глухи осенней.
Как пахарь на остывшее гумно,
Иду на полустанок свой последний.
Я знаю:
На гумне том ни зерна,
Косяк усталых птиц
Склевал его намедни.
Но кем-то на ходьбу нога обречена –
Иду на полустанок свой последний.

Плотней стены
Дерев опалых полоса;
Темнеют сучья их замшелостью столетней.
Уже совсем изъедены глаза –
Иду на полустанок свой последний.

Из прежних дивных лет веселья –
Никого!
Оброненной слезой в колодце месяц бледный.
Всё дальше день рождения моего,
Всё ближе полустанок мой последний.

1998 г.

О Пушкине скажите величаво

Юбилейное

Весёлый

Словно майский ливень,
И грустный, как осенний дождь,
Кипучий, как поток в разливе,
И нежный, как цветенье рощ.

Одновременно – свят и грешен,
Одновременно – прав и лжив,
Любитель женщин и черешен,
Любимец городов и нив.

Разнообразный и красивый:
Кому – брюнет, кому – блондин...
Возлюбленный всея РОССИИ
И всей планеты гражданин!

Ниспровергатель верховенства,
Богач, друживший с нищетой,
Любовник славы и блаженства,
Ума и мысли совершенство
И сын гармонии святой.

Властитель муз и вдохновенья!
Возвышен, волен, вездесущ,
Как вихорь – лёгок и могуч,
Не признающий снисхожденья,
И в свой
Двухсотый
День рожденья
Всё так же молод,
Страстен,
Жгуч!

1999 г.

Стезя

Восторг витал:
О Пушкин! Пушкин!
Опережал,.. катился вслед...
Что – Пушкин? Баловень пирушки!
И Божьей милостью ПОЭТ!

И – ГЕНИЙ!
Да! Всесветно – Гений!
В ряду своих – номер один!
Был, есть и будет впереди
Толпы идущих поколений...

А так – невзрачный мужичонка.
Всего-то блеску – взгляд да трость.
А по ночам болит печёнка,
И к непогоде ноет кость,

И всуе заедает ревность:
Жена красавица, а он...
Ещё безденежье и бедность...
И – отвратительный закон:

Повесы деньги прожигают
В спиртном угаре день и ночь;
А у него долги взлетают
И – Боже! Некому помочь...

И он мрачнел от этой скверны,
Ругался и протестовал!
«Не пасть ли уж к ногам царевны
За милостью?..» Но тут же гнал

Слепую мысль... Ему ли с трона
Певца Свободы и Любви
Молиться перед сей матроной
С немецкой вялостью в крови?

Ему ли с огненной душою,
Умом, живительней луча,
Чело клонить перед толпою,
Пытаяющейся поучать?..

И, потешаясь зло и едко
Над слабостью своей души,
Бродил в михайловской глухи,
Вспоминал далёких предков,

Сопоставлял жары и стужи,
Вникал в истоки ремесла
Крестьян, дворовых, сельских кузен
И чувствовал, как здесь не нужен,
Как в жизни роль его мала...

О, эти дерзкие сомненья!
Кто их знал, кто пережил,
Тот на костёр самосожженья
Себя заранее сложил...

И, преисполнясь вышней силы,
Он прерывал земного сеть!
Его под звёзды уносило
К потусторонней полосе,

Откуда видел он все язвы
И все достоинства земных...
Не рассмотрел вот только разве,
Как будут мчать на почтовых

Его с той самой Чорной речки
На исповедь, на плач родным.
Как маленькие человечки
Во мгле заплящут перед ним:

Они загородят дорогу:
Как много их! Им нет числа!..
То и смотри — отдавят ногу...
А тройка с храпом вскачь неслася...

ПОЭТ щадить себя не вправе.
Как человек и гражданин.
Не ради прихоти и славы,
За честь свою и честь державы
Бесстрашно выступил один!

1999 г.

Мастер

О Пушкине стихом
Скажите величаво:
Так о себе сказать
Он заработал право.

Так о себе сказать
Достоин только Мастер,
Что корабли пускал,
Вязал стальные снасти.

Что пушки отливал,
Колокола и шпили,
И лемеха ковал
И правил на точиле...

Он собирал слова,
Как собирают камни,
И чудный храм воздвиг —
И настежь — двери, ставни,

Чтоб солнца невпролаз,
А ночью звёзды рдели.
В трубе и под окном,
Чтоб сквозняки гудели...

Глагол к глаголу клал
И в поздний час, и в ранний
И создавал язык,
Божественному равный!

Гранил его, строгал,
Бросал из горна в воду
И навсегда отдал
Российскому народу.

И с ним Россия в мир
Входила не безлика,
А русским языком
Могучая и велика!

Давно ПОЭТА нет,
Но дух его витает.
Отечеству служить
Потомков подвигает...

О Пушкине стихом
Скажите вдохновенно:
Он Мастер на Земле
По замыслу Вселенной!

1999 г.

Rok

Гарцует Николай на скакуне,
И с ним Данtes, морозный и красивый.
И женщина в узорчатом окне
Сияет им улыбкою игривой.

В улыбке той и божество, и страсть,
И чтот-то, от чего озноб по коже;
И царь не пропасть поставить на кон власть,
Но есть Данtes, — он ярче и моложе!

И... шепоток пополз...
Потом – привстал,
И нагло влез в подставленное ухо...
И покатился он из уст в уста
На раменах жиреющего слуха.

Уже ухмылки попадались встречь,
Тая в себе занозы и иголки...
И напрямую выходила речь,
Которой разговаривают волки.

И вот... запой... прозренье и – дуэль!
И – сон: с Петраркой примеряли тоги...
И засыпает санный след метель...
И люди, как огарки, вдоль дороги.

Москва оделась в траур. Но – потом...
Теперь она бурлила и гуляла.
Дантес блистал и не жалел о том,
Что Натали рыданьем душу рвала.

Едва тащились сани...
Чёрный гроб...
Полиция. Жуковский. Коммерсанты...
Из Франции депеша... Снег на лоб
Ложился и не таял...
Никли франты.

Всех опечалил роковой конец...
И даже царь в сердцах изрек:
«Умнейший
России муж...»
Но глух тому певец,
С невысказанной тайною
Ущедший.

Теперь
    несметно
У него родни...
А в изголовье, сердце надрывая,
Две матери склоняются над ним:
Убийцы мать и Мать его родная.

1999 г.

На Тверском бульваре

Рекламный блеск и живость шума...
А по Тверской волна течёт
Людей, померкших в вечных думах.
Над ними – рок, как «нечет – чёт».

И милицейские фуражки,
И женских шляпок полукруг,
И инвалидов деревяшки,
И культи – вдовы бывших рук.

Вон вылощенный, как из бани,
И улыбается, как князь.
А вон в замызганном тюрбане
Бредущий, будто бы на казнь.

Кто в небо смотрит, кто под ноги,
А кто, забыв про переход,
Бросается к автодороге
В забытый шинами проход.

И понеслась неразбериха!
Клаксоны шваками вопят.
Водители, ругаясь лихо,
Под самым носом тормозят;

Внезапное столпотворенье,
Как летний дождь – из ничего!

А тот, виновник, — весь смятенье,
Несут и двигают его.

Отталкивают, крутят, вертят
И чертыхаются в сердцах!
И что он жив, почти не верят,
На лицах скомканность и страх...

Как в необузданной пирушке —
Людской клубок!
Как в штурме — чёлн!..
В их лица,
вглядываясь,
Пушкин
И удивлён, и огорчён.

1999 г.

Призыв

И очарован, и чарующ,
И властен, как июльский гром.
Подобно облаку кочующ,
Приемлем всюду и кругом.

Глубок, задумчив и азартен,
Угрюм, бунтующ и скорбящ,
Всепроникающ и возвратен,
Могущ, ликующ и горящ.

Не знающ ни границ, ни наций,
Эпохи спрессовав в года,
Зовёт любить, объединяться
И чашей жизни наслаждаться,
Доколе жив. И — навсегда!

И человечество, ругаясь,
Враждуя с небом и судьбой,

Его призывом наполняясь,
Все ближе сходится с собой.

1999 г.

Дар

О, знаменитое корыто,
Что гений Пушкина воспел!
Не стало б ты столь знаменито,
Возьмись другой за комплекс дел.

Но так угодно было Богу.
И гений взялся за перо,
И посадил в корыто зло,
И осветил добру дорогу.

Казалось бы, любви, раздолья,
Успокоения в сердцах –
Как солнца вешнего в струях!..
Но в доброту вбивают колья
С отравою на остриях.

1999 г.

Цыгане

Цыгане,
Вещие цыгане...
Костры. Дороги. Холода.
Загадочные, как в тумане,
Мерцающие города.

Какой-то
Древностью и тенью
От ваших глаз, от ваших лиц
Несет, и полнятся смятеньем
Сердца околиц и столиц.

Не разгадали вас поэты,
Ни даже Пушкин – ваш пророк.
Через границы и запреты
Что гонит вас по белу свету:
Предначертанье или рок?

Или
Судьбы вселенской пытки
Вас повязали по рукам?..
В закате катятся кибитки,
Как будто слезы по щекам.

Благословенны ваши вёрсты
И приютивший вас плетень,
Незатерявшиеся звёзды
Российских сел и деревень.

1999 г.

Эпилог

Непонимания с лихвою
Подкинул нам двадцатый век...
Пишу онегинской строфою
Я – современный человек.

Пусть кто-то скажет, мол, немодно.
И будет ли кому угодно,
Свою под ноги бросив гать,
Стопами чуждыми шагать?

И сами мы не лыком шиты
И напиваемся зело!
На кончик перьев садим зло
И пробиваемся в элиты...

Но, милые мои друзья,
Мы – в нём,
мы в нём
От «А» до «Я»!

1999 г.

Перемена

Нет в душе моей сиянья,
Нет в груди моей огня.
Ни прогулки, ни собранья
Уж не радуют меня.

Юных уст влюблённый лепет
Не живит мои черты,
И мой глаз уже не слепнет
От грозящей красоты.

И походкою игривой
Не пленяется мой взор...
Так над речкою бурливой
Тихо дремлет косогор.

Он давно отцвёл и замер
И для общества потух.
Лишь рокочущий гекзаметр
Услаждает его слух.

1999 г.

У Тибра

Кто, за скалою место выбрав,
Сидел, покуда день не мерк,
Смотрел и видел: струи Тибра,
Как битых стёкол пересверк.

Потом могучими мазками
Переносил на полотно
И белый с прозеленью камень,
И солнцем устланное дно.

И огнь Везувия текучий
Из раскалённого нутра,

И дыма, пепла, пыли тучи,
Затмившие приход утра?..

И мой собрат, язык картавый
Толпы отверг, откинув прядь,
Волнообразные октавы
В свою выписывал тетрадь.

Он взвешивал их на ладони,
Как меру слитков золотых,
И кланялся святой Мадонне
За полнозвучный влажный стих!

1999 г.

Италии

Италия! Ты так близка мне,
Хоть не ступал на берег твой,
А издали смотрел на камни
И чувствовал, как плотен зной

И не топтал я улиц узких,
Не пробовал сладчайших блюд...
Благодарю тебя за русских,
Не тех, что «новыми» зовут;

Не этих, мускульно-глыбастых,
В крестах и цепи золотой.
Наружно — оченно лобастых,
Внутри — с пещерной пустотой.

Не козаностровские маски ль
Втянули их в свою волну?
Они — всего лишь жалкий пасквиль
На благородную страну!

Благодарю тебя за тех я,
Кто, верен творческой судьбе,
В часы тяжбы и лихолетья
Здесь находил приют себе.

Кто, вдохновляясь чудным цветом
Дворцов, осыпанных луной,
Один сражался с целым светом
За имя феи площадной.

И в наше время, как и прежде,
Испытывая робость чувств,
Спешим мы в радостной надежде
Прильнуть к святынищу искусств.

Мы убеждались: в Риме древнем,
В его развалинах пустых,
Прекрасное даётся тернием,
А не наличием лир златых.

И помнят полные салоны,
И просто люди на песке,
Как бормотал свои канцонны
Еврей на русском языке;

Он говорил своим твореньем
На площадях, наедине:
Была Россия вдохновеньем
С тобой и небом наравне.

1999 г.

Утра

Сегодня третья января.
Довольно жесткая погода.
Слепа вечерняя заря,
И день явился без восхода.

По городу разлита муть
Тумана, смога и позёмки.
Не освещён идущим путь,
В душе могильные потёмки.

Но ничего темнее нет
Как завтрашнего дня России.
И стыдно мне, что мы такие,
И горько, что утрачен свет.

1999 г.

Между нулей

То, что мир идёт к нулю,
Движется к уничтожению –
Никого не удивлю
Этим ясным откровеньем.

Нет начала, нет конца...
Нет меж этих двух понятий
Обновлённого лица
С новшеством мероприятий.

Дни прошедших – сочтены,
Дни прибудущих – сочтутся:
Так у временной стены
Гибнут сонмы эволюций.
Вот две грани бытия:
Ноль и ноль чрез единицу.
И никто: ни ты, ни я –
Не изменим ту границу.

Меж нулями наша жизнь
Плачет, пляшет и смеётся...
Так у брошенной межи
Колосок осенний бьётся.

1999 г.

Сбились!

С какою страстью мы стремились к воле!
Замки сбивали! Рвали ором рот!
Но кормчий наш
То в стельку пьян, то болен —
И подхватил корабль водоворот.

И закружило нас,
И завертело...
И понесло к оскалу диких скал...
И мы уже не чувствовали тела,
Над головами дух могил витал.

Но, видно, в нас осталось
Что-то Божье.
С пробитым дном,
С проломами в бортах,
Охваченные страха смертной дрожью,
Мы, как пласти, лежали на камнях...

Мы потеряли ориентировку,
Законами судьбы пренебрегли.
И вот из жил и нервов въём верёвку:
Связаться,
Чтобы сгинуть не могли.

Вдруг осенило:
Встали на колени
И руки вознесли к лицу небес.
А рядом, задыхаясь в пухлой пене,
Поток
схватить нас
Всё на камни лез.

1999 г.

Krax

От прошлого –
И духу не осталось,
И будущее не даёт корней.
Мы ввергнуты в разор,
Распад
и хаос
Не злюю волей – глупостью своей.

Стоим
Среди земного шара –
Голы
И порами вбираем свой позор!
И нет о нас скорбящего глагола,
И Божий отвернулся от нас взор.

И, кажется, не будет нам прощенья
За то, что жили мы не веря, не любя.
И наше
к нашей чести
Возвращенье
Теперь зависит только от себя.

1999 г.

Вотчина

Я царь в своём именье – на листе.
И как я царствую –
кому какое дело?
Я распинаю душу на кресте,
Хотя душа и не грешна, как тело.
Я сам себя не возвышаю в ранг,
Поскольку это гибелю чревато.
Запущенный в пространство
бумеранг
Вернётся в запустителя когда-то!

О, жаждущие мной повелевать!
Да будет жизни многая вам лета.
Сверните за обочину
Блевать,
Чтоб в скверну не ступить
Ноге поэта.

Вы помните:
Исаия-пророк
Вещал непросвещённым иудеям:
— Сровняйте путь,
которым идет Бог!
Так зарождалась новая идея.

Так зарождалась
Вера Христиан
По всей Земле
На два тысячелетья.
Евангелье
глубок, как океан;
И Дьявол, как рыбак, с соблазнов сетью.

Какой тропой пойдёшь ты, человек?
Которой Авель шёл
Или которой — Каин?
Уже двадцатый на исходе век,
А ты не приобщён и неприкаян!

В твоём уме и сердце
произвол
Свил крепость и навек укоренился.
И ты не только к Богу не пришёл,
Но злобой дел своих и мыслей —
Отдалился.
Царюю на изодранном листке,
И умерщвляю здесь, и оживляю.
Светильник неколеблемый в руке

Меня проводит
всех времён по краю.

Что видит око — сердцу не смолчать.
И вновь, и вновь
На белый лист бумаги
Кладу
души
Высокую печать
Я — в царственной надежде и отваге.

1999 г.

По Руси

Еду полем: Русь да Русь!
Нет числа дорогам.
Заработка — напьюсь
Так, чтоб в землю — рогом!

Друг мой милый!
Старина!
Как душа рыдает!
Наплевать мне, что мошна
Пустотой зияет!

Из всего,
чём жизнь полна,
Не терплю обмана.
У стакана нету дна,
Дно есть у кармана.

1999 г.

Олигархи

Два паука залезли в одну колбу.
Богаты оба, оба имениты.
Ну что бы проще:

Дать друг другу по лбу
И молча разойтись;
Они же, шипя сердито,

Подняли шум с Великого Ивана,
Ни чести не щадя и ни кармана.
Неважно им костями в колбе лечь,
Важнее – больше мошкины привлечь!

1999 г.

Судьба

Вечерний свет,
Таинственный и нежный,
Заполнил переулки и дворы.
Сошёл покой,
И звёздный мир безбрежный
Раскрылся, как персидские ковры.

Когда смотреть на те ковры подолгу,
В уме считая тысяч до пяти,
То можно подсмотреть свою дорогу,
Которую дано тебе пройти.

И я смотрю, не отрывая взгляда,
Не чувствуя, как жалят комары,
Мне видится моя дорога

адом:

Овраги, камни, рытвины, бугры.

И – ни тропинки, ни следа – всё дико;
На каждой кочке гады, пауки...
И глухну я от собственного крика,
И некому вокруг подать руки.

Кляну судьбу:
– Куда ты затащила!

Но рядом только визг и вой собак;
Надежда на спасенье истощилась,
И коршун в небе – погребенья знак.
Молю её:

– Не кинь меня до срока.
Но так колёса подзасели в грязь –
Не сдвинуться! Нахальная сорока
В лицо хохочет, матерно бранясь.

И час от часу – плоше всё и плоше.
Душа скорбит о всяком и о всём...
Судьба моя – как загнанная лошадь
Ни разу
не кормлённая
Овсом.

1999 г.

Молитва

Благослови меня, Господь,
На день грядущий;
Не умали моих хлопот
Среди бредущих.

Я грешен всюду и кругом,
Прошу отныне:
Дай, Боже, справиться с врагом,
Моей гордыней.

Чтоб мне Тебя всемерно чтить
И помнить чаще,
Скорбей и радостей испить
Пошли мне чашу.

Когда ж окончится мой путь,
О Боже правый,
Поставь меня куда-нибудь,
Но лучше – справа.

1999 г.

Осень

Осень пришла...

Огнебокая, лисья...

Шуршат под ногами опавшие листья;
Ветер таскает их по мостовой,
Слышится в шорохе сонный прибой,
Будто морские валы издалёка,
Сами не помнят, откуда пришли,
Помнят лишь солнца палящее око
Да поцелуи сомлевшой земли;
Теперь приутихи и сладко сопят,
Как стадо под брюхом грудных поросят.

А глаз в этих листьях подметил другое:
Как будто они – отщепенцы, изгои,
Не зная приюта ни здесь и ни там,
Толпами несутся к облезлым кустам;
Минута покоя – и снова опять
Их ветер, найдя, начинает трепать
И гонит их, гонит, толкая взашей,
За стены, за грани родных рубежей.

И дворники листья сгребают в бурты,
Грузят, вывозят и ставят скирды
Из красных, оранжевых и золотых,
Когда-то даривших прохладою их,
Сидевших под дубом или под берёзкой
С бутылкою пива, дымя папироской.

Осень пришла...

Где же наши плоды?

Отечество в пале, над родиной дым:

И нету ветров, чтобы их разогнать...

Ветра, обессилев, отправились спать.

Осень пришла.

1999 г.

Улыбка

Бездельничает в лавке Санчо Панса,
Тайком ныряя в винный погребок.
Плевать ему на титул свинопаса,
Когда он королевством пренебрёг.

Оставил королевство добровольно,
Где любят насмехаться и язвить,
Он чувствует себя настолько вольно,
Что не желает пальцем шевелить.

Под боком — досточтимая Тереза,
Раскинув в пол-Испании халат.
Когда-то ей хватало пол-отреза,
Теперь отрез на платье маловат!

Всё в мире подрастает и полнеет.
На что осёл — и тот, как лошадь, стал.
Красавица красавиц — Дульцинея
Не избежала этого креста.

Всё в мире мудро.
Глупые порою
Такой вопрос поставят перед ним,
Что умники
летают чехардою
Ища ответ!
А он — всего лишь дым.

1999 г.

Раздумье

О, мир, мой мир!
Смотрю в тебя, как в душу.
Необоримы мрак и пустота.
Как из болота —

Лезет мразь наружу.
И вряд спасёт ли
Всех нас
Красота...

1999 г.

Встреча

памяти Д. Кедрина

Как славно утро начиналось!
Рассвет такой костёр разжёг
Полнеба пламенем сияло,
И Солнце вышло на порог.

Оно спросонья огляделось,
Приподнялось, прищуря глаз,
И в тучу чёрную оделось,
Как бы загородясь от нас.

И – словно стало вновь смеркаться,
Камыш на цыпочки привстал,
И частый дождик стал срываться,
И ветер силу обретал.

И он ревел уже, метаясь.
И кто-то, низко наклоняясь,
Шагал, на ветер опирясь,
Взбивая сапогами грязь.

Я тру глаза:
– Уж не во сне ли?
Виденье смахиваю с век...
Ведь только небеса синели –
Вдруг буря, ливень, человек...

В очках. Нетороплив. Размерен;
Струями тонкими овит,

Ко мне подходит Дмитрий Кедрин
И о рыбалке говорит.

— Вот, — говорит, — провёл две ночи
И три чудесные зари;
А только голову морочат
Задрипанные пескари;
Водичка стала мелковата,
А рыбка любит глубину
И не идёт, как шла когда-то,
Ни на червя, ни на блесну.

Был на Оби я — вот рыбалка:
Осётры, нельмы, муксуны!
Там, как за следом катафалка —
Всего отечества сыны! —

И, завязав в лице улыбку,
Глаза — что бархатные сны —
Сказал: «Особо любят рыбку
Руководящие чины».

Но я в политику не лезу;
Бог с ней; мне б словом овладеть,
Чтоб в пику злобному железу
Поющую поставить медь.

И не оркестр громоголосый —
Струны гитарной говорок.
Чтоб птичье пенье,
Рыбы плёсы,
Лес, деревушка, хуторок;

Чтоб вечерком дымок кизячный
Слоями синими стоял;
И новолуния серп изящный
Над ними весело сиял,

Но... Вижу – пауза...
И тут я
О дне сегодняшнем труню:
Что захлестнуло, мол, распутье,
Что, мол, затеяли возню

И впрок не рассчитали силы,
И непосильный взяли груз,..
И что долги свои
России
Оставил рухнувший Союз,
Что отбоярились Прибалты,
Потом – все братья как один
И требуют с России платы,
Как с крепостного господин.

Что Крым,
Где крови русской море
И русских кладбище костей,
Как потерялся при расколе
И попустительстве властей.

И что при их немом согласье
Масоны и «Валютный фонд»
В открытую и позаглазьи
Своих насаживают бонд.

И нашу русскую духовность,
Как величайшую греховность
Уничтожают на корню,
Предав глумлению и огню.

Идёт срастанье и слиянье
Правительств, банд и прочих лиг.
Лишь разбегаются Славяне,..
Доколе ж это разбеганье?
Иль до последнего – в живых?!

Вдруг вижу: путник мой невесел,
Молчит, и лик его в слезах...
Разочарован ли в прогрессе,
Кощунство ль уловил в словах?

И – чувствую: не рад он встрече;
Убит, душевно огорчён,
И, голову втянувши в плечи,
Туманом белым поглощён,
Сокрылся... Так же необычно,
Как подошёл...
И думал я:
Наверно, очень неприлична
Суть нынешнего бытия.

Разбитый... голову понуря,
Я шёл неведомо куда...
И дико завывала буря,
И звонко хлюпала вода.

1999 г.

Тютчев

Да!
Тютчев был не просто господин.
Среди господ – был господином чести.
Такой в сто лет рождается один.
Один во всё российское поместье.

Европу он изведал
вширь и вглубь,
И в душу её глянул ненароком;
И, будучи поэтом и пророком,
Пометку сделал малую в углу

Развёрнутой пророческой тетради,
Что жить в Европе удовольствий ради
Несвойственно российскому уму:

Поскольку дух Европы меркантилен,
Её рассудок язвами обилен
И свет души не проникает тьму.

1999 г.

Праздник

Эти венгры, эти братья
Зажигательней огня!
Раскрываю им объятья,
Славя дар святого дня.

Заключаю их в объятья
И в объятиях душу.
И желанья целовать я
В своём сердце не глушу.

День ненастный не остынет
Полыхание крови.
Кто меня за то осудит,
Что признаюсь им в любви?

Да и как не полюбить их!
Парни так ногами выют,
Что из досок, крепко сбитых,
Щепки скрипками поют!

У девчат алеют губки,
Сплошь сиянье карих глаз,
Эти ножки, эти юбки –
Как у наших, как у нас!

Сколько пылу и потехи!
Удивляйся, грозный век!
Их пророк – Шандор Петефи –
Был весёлый человек!

Он оставил им в наследство
Мысль, как Ариадны нить,
Что соседей и соседство
Надо помнить и любить.

И кружатся в буйном танце,
Как любимые, свои,
Люди разных вер и наций
Человеческой семьи!

1999 г.

Костёр

Костёр горел,
И мотыльков метели,
Как и метели зимнею порой,
На этот свет, на этот блеск летели
И погибали в нём за роем рой.

Костёр горел.
И колебались тени,
Как будто убегали от огня,
Как хоронились.
Суeta смятений
От них волной вливалася в меня.

Я то горел, то остывал,
То пьяный
Напитком неземного бытия,
Летел душой за горизонт румяный,
Где источалась влаги той струя.

А над костром,
Над гибкими тенями
И надо мной, почти лишенным сил,
Горело небо вечными огнями,
И вещий дух тот пламень доносил.

1999 г.

Струна

Как жаль:
Я не рождён с душою тонкой,
Как первая гитарная струна,
Которая своей натурой звонкой
И оживляет, и лишает сна.

Иные из шести – её не хуже
И, может, говорливей, чем она;
Но без неё
Их голос как простужен,
Мелодия криклива и бледна.

Они поют.
Но где живой тот трепет,
Что ввысь несёт и опускает вглубь?
Что стройный образ мирозданья лепит
И светлой скорбью развеивает мглу?

Она одна
Рыдает и смеётся,
Вбирая дух мучителей своих,
И потому, наверно, чаще рвётся,
Что и поёт и плачет
За других.

1999 г.

Удача

Писатель в «стол» – слагаю вирши
И продолжаю наблюдать:
Когда не прыгнешь выше крыши,
То – век удачи не видать.

Она — сорока на колу.
Она — капризная девчонка,
Вертит короткою юбчинкой,
Пока не сладишь с ней в углу.

Потом и любит, и ласкает.
А если снизишь высоту,
И обольёт, и обесславит,
И пригвоздит тебя к кресту.

1999 г.

Зёрна

Чтоб как-то скрасить язвы жизни нашей
И дать в тиши опомниться душе,
Зерном отборным наполняю чаши
И молча выхожу к своей меже.

Зерно ложится в сдобренную землю,
Блестящую, что галочье перо.
Я здесь один;
Я гласу предков внемлю —
Они всесчасно сеяли добро.

И бед, и горя досыта изведав,
Снося несчётно кожу с кулаков,
Не трогали ни ближнего соседа,
Ни дальнего, поскольку — далеко!

Они вино певучее точили,
Из погребов несли шипучий квас,
На всех полях,
На всех бортах флотилий
Гремел по свету их победный глас;

Они полмира на себе держали
И головы держали высоко!

А мы как будто с облаков упали:
Ни чести их, ни доблести не взяли,
А взяли спесь и зависть от врагов.

Сдвигая кружки пенные нередко
В кругу разгорячённого стола,
Пускай не будет лишним
Тост за предков,
За веру их,
За славу,
За дела!

1999 г.

Жизнь

Нас в жизнь
Послали для какой-то пользы.
Её не зная, кто куда бредём.
И чаще терни на пути, чем розы,
Сопровождают нас, пока живём.

И я, хотя и зрячий,
Как на ощупь
Иду в толпе с лопатой на плече.
Я днём завалов разгребаю толщу,
В ночи молюсь при тающей свече.

Вбирая труд мой,
Поле колосится,
И сад цветёт, и зреет сладкий плод...
Но отчего-то сердце тяготится,
И что-то душу гложет и гнетёт.

Когда ж забудусь я,
Что я полезен,
Что нужен просто, как цветку роса,
Тогда с моей души сползает плесень
И чистый звук уходит в небеса.

1999 г.

Воробьи

Пахнуло в воздухе весной,
Согрелся южный бок у почки,
И воробьи свои сорочки
Стирают в лужице гурьбой.

О, как они поглощены
Своей весёлою работой;
Они уж точно ждут весны,
Устав за зиму от заботы.

Смотрю на них,
И у меня
Душа отходит и теплеет...
Так утром край небес алеет
От искры божьего огня.

1999 г.

15 декабря

Декабрь.
На небе — ни звезды,
В земле — ни градуса мороза.
Взяла правления бразды
Ветров изменчивая роза.

Горячий юг
Нам шлёт и шлёт
Потоки воздуха живого.
Обиженно слезливый лёд
Стоит у берега пустого.

Нет у него былинной мощи
Сковать прорехи на броду,
И он напрасно лоб свой морщит
В соннамбулическом бреду.

Стихии встали — клан на клан—
И ждут распоряженья тыла:
Что скажет вечное Светило
И чем ответит Океан?

1999 г.

Июльский сад

Отверзла тьма невидящие очи.
Таинственен и нем июльский сад.
В нём наливные яблоки висят,
Как в поднебесье звёзды полуночи.

И здесь — в саду,
И там — на небесах,
Деревья меж собой настолько схожи,
Что слышишь восхищенья голоса:
Там — ангелов,
Здесь, на земле, — прохожих.

И чувствуешь, и осозаешь их
Ресницами, приосновеньем пальцев,
Переходящих из одних в других,
Невидимых, но внимлюющих скитальцев.

Им нет запрета.
Есть для них одно
Могучее безмерное пространство,
Лишённое покоя, постоянства.
Любви и смерти равно отдано.

Июльский сад.
Тончайший аромат
Стоит туманом над травою пресной.
Плоды, как звёзды, на ветвях висят,
И звёзды, как плоды, вдали небесной.

1999 г.

Снег

О, сколько в небе белых лебедей!
Их пух и день и ночь летит, не прерываясь.
И им земля, надёжно укрываясь,
Идёт ко сну от суетных людей.

Теперь ей не проснуться до весны;
Не тронет плуг её,
Не тронет луч-проказник.
Ей будут сниться розовые сны,
Что снятся детям в новогодний праздник.

1999 г.

Зимний вечер

Застыло всё.
Всё инеем покрылось.
Ослеп фонарь при выходе с двора.
Под комом снега ветка обломилась,
Рассыпав звон и брызги серебра.

Поверх домов,
Ленивые, как дымы,
Возлегшие у ветра на плечах,
Деревьев кроны шапками седыми
Сверкают в розовеющих лучах.

В зелено-красном цвете перекрёстки.
Уж поздно.
Ночь виденьям полна.
Морозный воздух пронизали блёстки,
Как будто их осыпала луна.

Как будто
С запредельной Божьей выси,
Где свет живой ни разу не потух,

Мелодии гирляндами повисли,
Земных созданий услаждая слух.

В такую пору
Я иду из дома.
И вечность ли, иль несколько минут
Мой слабый дух и сладкая истома,
Меня покинув, жизнью той живут.

1999 г.

Слову петь

Надзвёздные сферы как в пламени,
Пронизана светом Земля...
У Слова стою, как у знамени,
Простить за оглохлость моля.

Со слухом моим несуразица,
Как будто наклали печать,
И мигом означилась разница:
Певучесть не стал ощущать.

И стали слова, как булыжники.
Окрест только грохот и треск.
А с неба тот пламень, тот, рыженъкий,
И зарева утренний плеск.

И вот берега окёйные
Довёрчиво отзвались;
Потом голоса потаённые
В бездонную синь поднялись.

И небо от звона кололося,
И лик преклонила свой медь...
Поэт, не лишай Слово голоса –
Оно рождено, чтобы петь!

2000 г.

Вечер

Вечерние лучи отходят постепенно.
Едва освещены верхушки тёмных крон.
И в небе облака, как розовая пена
На рваных лоскутах отбушевавших волн.

Стихают звуки дня и переходят в шорох
Ночных движений,
Вздохов,
Взмахов крыл.
И вспыхивают звёзды, словно порох,
И гаснут, захламлённы и мокры.

Их блёклый свет пока ещё бессилен
И растворён в сияющем огне
Из-за Земли пылающих светилен,
Чей жар лежит на ускользнувшем дне.

И я смотрю с тоскою и смиреньем
На угасанье дня, что только пел и пил,
И с большим трепетом, и с большим нетерпеньем
Жду чар ночных, жду праздника светил.

2000 г.

Река

Весёлый день нетленным оком
И ветер дружеской рукой
Меня настигли ненароком
Над разомлевшую рекой.

Река несла живые воды,
Не колыхаясь, не дробясь,
В ней ниже дна блестели своды
Небес, зеркально отразясь.

Алмазами сверкали плёсы
И по незыблемой воде
Шёл мальчик золотоволосый,
Как по невидимой гряде.

Вот так и было изначально...
И по-нездешнему тоска
Меня и властно, и астрально
Влекла нездешнее искать.

И так хотелось
вдаль, и в небо,
За горизонт, за облака,
Где растворились быль и небыль
И где беседуют века.

2000 г.

Параллельность

Вот выпал снег. Вот снова тает.
Вот в прах рассыпалось кольцо...
Но что-то вечное витает,
Воздушно трогая лицо.

Оно смежает мне ресницы,
Оно теснится у колен,
И, незаснувшему, мне снится,
Как ласков и как сладок плен.

Того не вижу я. Не знаю.
И как бы из небытия
Меня пронзает мысль сквозная:
Оно – невидимое я.

2000 г.

Очищение

Затуманило даль,
Запорошило.
Заровняло овраги, кусты...
В эту вывертень жизнь моя вброшена
До какой – неизвестно – черты.

Выхожу за село,
За окопицу:
В двух шагах ничего не видать.
Слышу – благовест:
В церковке молится
За пропавших за нас чья – то мать.

Я на голос иду...
И на паперти
Стану слушать молебен святой.
И душа моя – птицею взаперти –
Затрепещет от светлости той.

Я покаяюсь в неправде и в праздности,
И что мало кого -то любил;
С сердцем, полным печали и радости.
Посижу, погрущу у могил.

Помечтаю о том, что не прожито,
Погорюю, что прожил не так,
Подымусь – и с надеждою,
Молодо,
Просветлённый,
Пойду на большак.

2000 г.

Ожидание

День, остывая, движется к исходу,
Осела пыль на ближние кусты,

По ясно-золотому небосводу
Дымятся облака лёгкие следы.

Умолкли шумы, суеты, заботы
И голоса людские во дворах;
Ещё далёко до ночной дремоты,
Но, как обычно, в летних вечерах

Терзает грудь какая-то тревога,
Гнетёт тоска, —
И пристальнее мы
Всё чаще всматриваемся в дорогу,
За ближние и дальние холмы.

Так
На краю земли и мирозданья,
Где на сто вёрст ромашки да ковыль,
Притихла Русь в извечном ожиданье
Христа ли,
Чуда ль,
Праздника ль,
Беды ль?..

2000 г.

Откровение

Эл. Ал. П. .ой

В Отечестве
Душою — нет красивей!
И нет красивей в нём тебя самой.
О гордая печальница России,
России той, которая с сумой.

Заброшенной, забытой, оскорблённой,
Униженной безумьем сыновей...
Но — лучезарной,
Чистой и влюблённой
В поля, просёлки, маковки церквей;

Той, что стоит босою в росных нивах
И, заслоняясь от солнышка рукой,
Всё ждёт и ждёт решений справедливых,
Храня в душе надежду и покой;

Не рвущейся к захвату и стяжанью,
Не заряющейся в век на не своё,
Способной к жертвенности,
К созерцанью,
К прощенью за греховное житьё...

О дочь России!
В светлый день и в полночь
Да не иссякнет вера твоя в то,
Что кроме нас –
Нас не спасёт никто!..
В державном деле –
Божья тебе помошь.

2000 г.

Яун-лор

Весна...
Вороний грай да ор.
Трава едва зазеленела.
И расправляет Яун-Лор
Зимою скованное тело.
Он шевельнул одним плечом,
Другим тряхнул, как бы играя,
И бьёт из-подо льда ключом
Вода! А лёд
То, подымая

Ребро почти на вертикаль,
То всею массой рухнув книзу,
Плытвёт в осолнечную даль,
По ходу громоздя карнизы.

Какая мощь! Какой напор!
Как невесома эта тяжесть!
В его проломах блещет взор.
Какая дерзость в нём и ярость!

То, видно, Бог в его очах
Играет силой неуёмной,
То, видно, вызревал в ночах
Порыв души его огромной;

И вот, упруга и вольна,
Вразрез усталости унылой,
Сверкая, катится волна,
Наполненная новой силой.

Ей тесно в берегах.

Она

Полней и шире, что ни сутки...

Играй, волна,

смывай, волна,

Сноси

И сор, и предрассудки!

2000 г.

7 мая, 2000 года

Мы голосом своим ввели тебя во власть.
И вот наказ — главнейший — не едва ли:
Чтобы в России перестали красть,
Как теперь крадут и прежде крали.

Мне
Бесконечно стыдно за страну,
Где власть в коррупции,
Как беглый пёс в коросте;
Коль дальше так — и я не премину,
Чтобы её увидеть на погoste.

Когда бунтует в нас природы естество
Мы лучшие в тот миг слагаем строфы!..
Но – воровство в России...
Воровство –
губительней,
Чем рок и катастрофы!

О Президент!
Ты избран отрубить
Развившийся порок без промедленья.
Промедлишь – и его не победить;
И вместо славы – обретёшь забвенье.

7.05.2000 г.

День ангела

Вере Алексеевой
Открою тихо свои двери,
Перешагну через порог
И загляну к соседке Вере
На именинский пирог.

Установлен стол вином и снедью.
Хлопочет муж вокруг стола,
Где отливают красной медью
Фужеры чешского стекла.

Где сладкий запах благовоний
Хранит Акрополя родство;
Где, как ушедши от погони
И предвкушая торжество,

Толкутся гости бестолково,
В передней курят и острят,
Гранят приветственное слово
И нетерпением горят.

И вот, гостям на удивленье,
Отодвигая спор и смех,
Её – виновницы – явленье
Улыбкой осияло всех!

Сей дивный свет раздвинул стены,
Поднял под небо потолок,
Запели птицы и сирены,
И загремел речей поток!

Но я речей уже не слушал.
При свете импортного бра
В её глазах я видел душу,
Как чашу, полную добра.

И я впивал её глотками,
Сквозь зубы медленно цедил,
И сердца скрытыми очами
Её волнение следил...

Отпелся вечер.
Отплясался
И удалился на покой...
А дивный свет во мне остался,
Как на прощанье – взмах рукой.

2000 г.

Засуха

В моих колодцах нет уже воды,
А лето в первой четверти июня...
Горячий прах слетает с борозды,
Бездадостно пустое новолунье.

Рожки луны на уровне одном,
С неё не соскользнёт ведро с водою;
Сухое небо блещет белым дном,
Оставив нас наедине с бедою.

Хиреют и петрушка, и укроп.
Как чахлы,
Как безжиненны угодья,
Потрескалася почва от безводья.

Хожу, скорбя и потирая лоб,
Среди непониманья и разбродья,
Ищу к истоку сокровенных троп.

2000 г.

Зной

Полдневный жар,..
Полдневный зной...
До хруста сух сомлевший воздух.
Даль отливает белизной,
Забит камнями всякий продух.

Как будто раскалили печь
Над непокрытой головою...
Вода — и та ленится течь,
Прикрывшись сонною травою.

И я под деревом сижу,
Размякший, как недовареный,
И слизываю пот солёный,
И тупо в сторону гляжу.

2000 г.

Гроза

Когда гроза ночами пышет,
Когда трещит небес броня,
Каким огнём смертельно дышит
Пустая бездна на меня?

Тогда с душой своею слит я,
Главу и глаз к земле клоню...

Но нет спасенья, нет укрытья,
Нет укрощения огню.

Хаос и смерть в струях эфира,
Разгул и празднество стихий...
И надо мной свистит секира,
Как будто я виновник Мира
За все вселенские грехи!

2000 г.

Такой вот

Я

день
На даче пропадаю,
А ночью школу сторожу.
Я пальцем в небо попадаю,
Когда о чём – либо сужу.

Наверно, я такой невежда,
Что быть нелепым не стыжусь;
И нету никакой надежды,
Что с общим мнением
Соглашусь.

2000 г.

Дума

Проснёшься
Звёздной, пасмурной ли ночью –
Земля свершает свой привычный круг.
Задумашься и воззришь воочью:
Какая пустота тебя вокруг!

Нас время обыграло в подкидного,
И мы пошли судьбу свою искать...
Ни очага, ни голоса родного,
Лишь где-то ждёт, крестясь и плача, мать.

Бредёшь один во тьме по бездорожью.
Какие звёзды выгравил Творец!
Болезненно сердце хватит дрожью,
И чувствуешь, и думаешь:
— Конец...

Смотрю на свою будущность уныло.
Когда покинуть мир настанет срок,
Никто не посетит моей могилы:
Кто рядом — чужд,
Сомысленник — далёк.

И, предворяя сам себя в последний
Осознанный, неотвратимый путь,
Избавь, Господь, от клеветы и сплетни,
Не дай толпе стоптать ногами грудь.

2000 г.

Монтаж

Я собираю буквы в слово,
Слова монтирую в строку;
Строка — первейшая основа
Стиха. Стихи кладу в строфу.

Так дом кладётся —
Камень в камень.
И крыша в небо — лист к листу;
Душой, усердием, руками
Сообразуем красоту.

А как звучны и сочны строки
И их количество — уже
Определяют катастрофы,
Происходящие в душе.

И чем мощнее катастрофы
И потрясенье глубины,

Тем необыкновенней строфы,
Той катастрофой рождены...

Как дому на природном камне
Веками на земле стоять,—
Так Слову, явленному втайне
Души, не менее сиять!

2000 г.

Земляника

Царица сладких ягод — земляника,
Отшельница глухих лесных полян,
Когда цветёшь ты — нет белее лика,
Когда созреешь — как твой лик румян!

Любуются тобой, остановившись,
Кузнечик, муравей и стрекоза,
Трут кулачком усталые глаза,
Нечаянному чуду удивившись.

К тебе летят и пчёлы, и шмели;
Жужжат и роют что-то деловито
И отлетают — грузные, в пыли,—
И ты, их привечая домовито,
Сладчайший дар выносишь из земли.

2000 г.

На покосе

Как ароматен запах спелых трав,
Когда они на солнышке привяли.
Прошла коса, по лугу просверкав,
Легли валки, а после копны встали.

Потом в тумане поплынут скирды,
Подобно кораблям в зелёном море.

Июнь сияет жаром со среды,
Как золотистый купол на соборе.

Звенит оркестр кузнечиков и ос,
Комар смычком под самым ухом водит.
И бабочки — нарядней райских роз! —
Мерцают в разноцветном хороводе.

Люблю, когда на родине покос
И в небо рвётся птичье желторотье,
И золотые крылышки стрекоз,
Как солнечные блики в половодье.

2000 г.

Предосеннее

Отоспели наши помидоры,
Огурцы завяли, не созрев...
Августово небо
коридоры
Завалило тучами.
Напев

Осени совсем ещё неблизкой.
Но уже ядрёный ветерок
Облачко на лоб надвинет низко
И то в грудь толкнётся, то в висок...

Сразу — и тоскливо, и угрюмо.
Душу бередит вчерашний знай;
Чёрная, подобно туче, дума
Тешится забитой головой.

Нет просвета ни в душе, ни в небе...
Так глухой осеннею порой
Пахарь, помня о насущном хлебе,
Молча возвращается домой.

2000 г.

Возрождение

Там, где шумел,
Плескаясь в тучах, лес
И синь лежала на плечах зелёных,
Всё сгладил,
Всё вокруг сровнял прогресс
Товариществ, на что-то вдохновлённых.

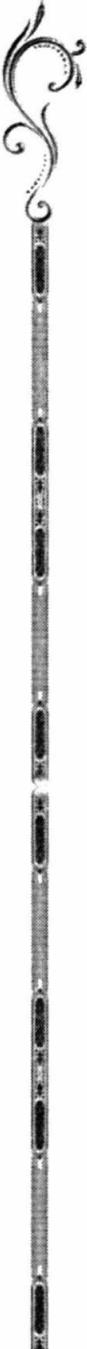
Не стало птиц, гнездившихся в верхах,
Кузнечик – житель трав – ушёл хромая.
Теперь – песок,
Теперь – дорожный прах,
Пустыня, стынившая и немая...

И, кажется, вовек не оживить
Того, что здесь росло и процветало.
Но... непрерывна, вековечна нить
Всего, что Божьей волей
В землю пало.

И вот на вымершем, казалось, пустыре,
Где вихрь гулял, неумолим и дерзок,
Совсем ещё в младенческой поре
В два-три листочка
Шелестит подлесок.

Какое наслажденье для души!
Какая радость сердцу, зренью, слуху,
Когда он так младенчески шуршит
И тянет ввысь листок
Подобно уху!

2000 г.

Сострадание

Когда разбой, разор
Иль гнев святых небес,
Когда живая плоть в смятении от страха,—
Тогда, о Русь моя,
Все, все бегут к тебе,
Как падшие к подножью патриарха.

Воздеты руки их,
Глаза вопят: «Спаси!»
И ты нисходишь к ним,
И как родная матерь,
Впускаешь в дом,
Раскатываешь скатерть,
Сама едва держась от истощенья сил.

Не бросишь камень в них,
Когда они, ожив, проходят стороной,
Тебя не замечая;
Вонзая в тебя глаз тяжёлые ножи,
Вражду и неприязнь открыто источая.

Что ж...

Был бы светел твой грядущий день,
И Божия любовь твой путь бы осеняла,
За то, что ты сама,
Из века в век в беде,
В беду попавшему ни в чём не отказалася.

И пусть над головой безумья дух парит,
И с языка стекает лжи отрава...
О, Русь моя!
Твори добро, твори!
Добро творящему
не здесь,
А в вышних — слава!

2000 г.

Милость

Не понят ни столицей,
Ни провинцией.
То, что я есть – им явно наплевать!
Зато уважен местною милицией,
Пожаловавшей на ночь мне кровать.

Лежу в корыте и привольно думаю,
Как хорошо, что есть ещё приют
Под этой крышей, ржавой и угрюмою,
Где пусты не есть, но высаться дают.

Лежу – свободен...
Рядом друг сомнительный.
Сползает вошь с наколотой руки..
А то, что был в рубашке я смирительной,
Так это ж ерунда и пустяки!

Расходы на меня давно осмечены:
Жить впроголодь – без пива, без сластей.
В моей стране мы все одним помечены:
Вниманием и милостью властей!

1967 г., 1995 г., 2000 г.

Не спеши...

И вот: конец тысячелетию!
Схвативши праздничный пирог,
Ошпаренный боязни плетью,
Ты залетаешь на порог:

Лицо предательски наивно,
Слегка припудренный фингал,
Улыбка горестно –
Невинна:

Вот, мол, чуть-чуть не опоздал;
Мол, задержался в общей массе,
Пока билетик доставал,
А ноги дёргаются в плясе,
Каблук чечётку выбивал...

Блефуешь ты, или чудачишь,
Иль выливаешь боль души,..
Но снова жизнь не перепляшешь,
Как ни играй, как ни пляши!

2000 г.

Как быть?

Скажи мне,
Что с тобою делать?
Ты то близка, то далека.
Другим – уступчивое тело,
Мне недоступное пока.

Вот ты – и ласкова, и жгучая;
Но миг – и ты уже чужда!
Как непролившаяся туча,
На ясный взор сползла вражда.

Кипят бессильным гневом очи,
Извивы злобы на губах...
Вот так змея под кровом ночи
Родится с ядом на зубах.

2000 г.

Общее

Клубятся тучи,
Рвут ветра знамёна.
И что ни утро – заново подъём.
И мы, проснувшись, поимённо
Из точки «А» до точки «Б» идём.

Земля людей –
Есть книга именная,
Где каждому – свой угол и проём.
Живых приветствуя и мёртвых поминая,
Мы из одной и той же чаши
Пьём.

2000 г.

Муравьи

Не знаю: есть ли рядом кто мудрей
И более отчаянный романтик,
Как этот темно-рыжий муравей –
Проныра, ратоборец и флегматик.

Вот он спешит неведомо куда
И вдруг остановился; и антенники
Взывают к обществу: «Сюда!
Скорей сюда!
Какие золотистые здесь пенки!»

И ринулась носильщиков толпа
Таскать к себе заморские трофеи.
Как жар живой, колышется тропа;
Смешались «михаилы», «тимофеи...»

Не видно лиц.
Два встречные потока
Текут, друг друга задевая боком,
Кто налегке,
Кто, надрываясь, в поте.
Все преданы целительной работе!

2000 г.

* * *

Отбросив стяжанье и утлость,
И звоны победных рогов,

Я славлю веселье и мудрость,
И гордую поступь богов.

И воду я славлю от века,
И золотоглавую рожь...
Восславил бы и человека –
Да что-то он мало хорош.

2000 г.

Дождик

Гадала округа,..
Дивилась...
А собственно, что и гадать?
Небесная чаша пролилась –
На землю сошла благодать.

Ожили
Цветы и деревья –
Творения Божиих рук.
С восторгом смотрела деревня
На всё, что ожило вокруг.

И всё,
Что почти умирало:
Пшеница и рожь, и овсы, –
Как в новом наряде предстало,
В избытке любви и росы.

И
Песенный хор уже вёлся,
Язычески славя Восток;
И в хор голосов этих вплёлся –
С иголочку – новый росток!

2000 г.

Не стало весёлого Солнца.
В заречье косматится мрак.
Мучительно давит бессоница,
Как сотня охрипших гуляк.

Зелёные кроны косматятся
И тянутся тысячью рук...
О Боже!
Скажи, где мне спрятаться
От злобы, от боли, от мук?

2000 г.

Перемена

Кружились последние листья,
Шурша кожурой неживой.
Заря — огнерыжая,
                  лисья,
И ветер — поток ножевой.

Снежок ли упал,
Или иней
Слегка пустыри приодел;
И лес
                  всю чёткостью линий
На ясном рассвете редел.

Дремали сырьи угодья,
В ложбине луна — словно брошь.
И, радуясь новой погоде,
Гудела всю ночь
Молодёжь!

Как звонко,
Как сочно смеялись;
И месяц сиял им подстать.
И птицы с утра гуртовались:
Их время пришло — улетать.

2000 г.

Недоразумение

Никак у нас беседа не идёт.
Иль кошка чёрная меж нами пробежала?
Иль гордая, всё зная наперёд,
Змея вражды показывает жало?

Блеснёт ли кровь на лезвие кинжала?
Иль разум вспышку гнева пригасит,
На пир согласья сердце пригласит?
Не раз ведь в споре мудрость побеждала.
Скорей нальём домашнего вина,
Глаза в глаза посмотрим откровенно
И будем слову каждому внимать;

Пусть радуется дружбе нашей мать,
А то, что нас разъединяла скверна,
В том не твоя и не моя вина.

2000 г.

Что делать?

Даль открывалась.
В кострах...
Пламя вставало под звёзды!
Мучил осознанный страх:
Есть ли
к спасению
Отходы?

Слева и справа – межа.
В каменный грунт не втереться...
Некуда будет бежать,
Некуда деться.

Или – идти напролом,
Или – загнать себя в угол...
«Огнь побеждают огнём», –
Властно гремела округа.

2000 г.

Поклон веку

Меня не баловал мой век.
Испытывал на страх и прочность.
Из-за прищура хитрых век
Выслеживал мою порочность.

А я, не бывши дураком,
Записывал его приметы
И вторю русским языком:
— В одни одежды мы одеты.

2000 г.

Что несешь нам, новый век?

Холмы

Повис речной туман, оранжево-лиловый.
Зелёные холмы склонились над водой,
Высматривают что, любуются ль собой,
Глухие молчуны не скажут ни пол слова.

Их плечи поросли травою-муравой,
Душистым чабрецом их темени повиты.
Как лето на дворе —
Над ними дождь и зной,
Зимой ветра секут, нахальны и сердиты.

А у подножья их,
Как будто хоронясь,
Как ими заслонясь от холодов залётных,
Благоухает сад, сиренево светясь,
Как в сумерках снега на перевалах горных.

Где пенье птиц и где,
Пьяня, ручьи звенят,
Где пахнет прелью трав
И где луна багрова,

в моих стихов

всегда цветущий сад

Я собираю всех,
Кто любит звук и слово.

2001 г.

Март

О март!
Опухшие глаза
От пьянок и от зимней спячки,
Хотя трепещет в них азарт
Схватиться с кем-то на кулачки.

Тебя февраль баюкал и,
Хмельной, укутывал в метели,
Лишь синеокие твои
На мир восторженно глядели.

Да в ухо
С серого ранья,
Едва белели неба своды,
Летели враки воронья
О злоключениях погоды.

Но что
тебе
любой финал
И злополучные стеченья,
Когда ты до прихода знал
Вселенское предназначенье.

Я
Разделяю твою прыть –
Не отлежаться по-за трубьем,

Встать
и полмира удивить
И синевой,
И белозубьем!

2001 г.

* * *

Как живу я?
Живу помаленьку...
То болею, то снова здоров.
Напеваю всё песни про Стеньку,
Когда к бане готовлю дров.

Очищаю от листьев дворик,
Чту закон. Чту завет старины
И всё жду: вот появится дворник
И всю гниль
соскоблит
Со страны.

2001 г.

Как?..

Обняла меня усталость,
Побелел я головой,
Сколько мне ещё осталось
Видеть небо над собой?

Сколько я сношу одёжи,
Сколько обуви стопчу?
Знаю: день мой безнадёжен –
Не об этом хлопочу.

Век проведшему в бореньях,
Как мне при вине моей
На трясущихся коленях
Скоротать остаток дней?

2001 г.

* * *

Как жаль расставаться.
Как жалко
В какой-то испорченный час
Не смять твоего полушалка,
Не встать на пути твоих глаз.

Не сдвинуться с места,
Ни шагу
Не сделать навстречу тебе,
Не вспомнить весёлую сагу
О грусти осенних небес.

Как будто бы всё как и было,
И вовсе как будто не так...
Наверно, душа от любила
И тело упало во мрак.

2001 г.

Глаза в глаза

Петру Суханову

И вот пути пересеклись.
Глаза в глаза взглянули.
Как надоели спесь да слизь,
Да всхлипы в сомнамбуле.

Как из колодца луч звезды
Идёт в дневное небо,
Как семя ржи из борозды –
В живую булку хлеба,

Я брёл вслепую,
Наугад,
Продрогший и уставший...
Я – по рожденью – старший брат,
По творчеству –
Ты старший.

2001 г.

Не отдам

Уж наледь снега по виску,
Как дым в рассвете,
Мою зелёную тоску
Не сдунет ветер.

Я чувства сердца не отдам
Кому попало.
В цветенье яростном садам
Простору мало.

И мне — куда ни оглянусь —
Вот так же тесно.
Мою доверчивую Русь
Не любят честно.

И все — кто близок, кто далёк,
Кляня погоду,
На её сердца уголёк
Плескают воду.

О, как стремятся потушить
Её горенье,
Как жаждут вынуть из души
Сопротивенье.

И потому во мне тоска
Зелёной гнилью;
И снег смешался на висках
С дорожной пылью.

2001 г.

Ожидание

Злобствуя, мучась, любя,
В этом затерянном мире,

Ищем мы сами себя,
Струны срываю на лире.

Ясный ли день иль гроза –
Как обречённые свыше,
Мы подаём голоса:
Может быть, кто-то услышит?

Ухо навстречу клоню:
Будет, не будет ли голос?
Оберегает родню
Крик пожирающий Космос.

Так ли и будем одни
В невообразимом пространстве?..
В небе мерцают огни:
Может, любители странствий?

Может быть, кто-то спешит
Из мировых поселений?..
Дух озабочен и бдит
Между надежд и сомнений.

2001 г.

Не перемог

В семье народа многоцветной
Незамечаем, одинок,
Своей печали беспредметной
Я не изжил, не перемог.

Иль кто-то надо мной, широко
Раскинув мощные крыла,
Взирает неусыпным оком
В мои греховные дела?

Хочу подняться над собою –
И не могу,.. и не могу...
Иль я с рожденья пред судьбою
В каком-то дьявольском долгу?

Я рвусь уйти из подчиненья,,.
Почти ушёл! Ушёл! Ушёл!
Но обрываются мгневенье –
Всё те же глаза,, всё тот же щёлк...

И так же мощно распостёрты
Неодолимые крыла...
И – до корней копыта стёрты,
И кровью плачут удила.

2001 г.

Посулы

Проходят тучи низко и лениво.
Едва в окно заглянет робкий луч
И тут же убегает боязливо
Под чёрные подолы влажных туч.

В отечестве моём темно и жутко.
С вершин в низины гонит ветер мглу.
Берёза старая – и та, как институтка,
В миниюбочонке мокнет на углу.

Рождённый к жизни на крылах скитаний,
Не знающий покоя и во сне,
Сулит ей ветер тысячи лобзаний
И золотые серьги по весне...

Суление не есть подспорье воле,
Оно – опустошение души.
Чего-то ждя, не едет пахарь в поле,
Чего-то ждя, стоит обоз в глухи.

Я чувствую: во мне мой дух не умер.
И он меня подталкивает встать...
И слышу голос, хлоп дверей и зуммер,
И новый день – чего ещё желать?

2001 г.

О жизни

О дерево рода людского,
Разросшееся так пышно,
Ни ветка твоя, ни веточка,
Ни даже листок – не лишне.

Могучим питаема корнем.
Роскошнее ты год от года.
В твоей вечнодышащей кроне
Себя обновляет природа.

2001 г.

Утром

На востоке распостёрлись
Золотые облака,
И лучи, как будто копья,
Пронизали их бока;

И лучи как будто держат
Эту лёгкость на себе
И полны живых мерцаний
Рассветающих небес;

Глаз мой радостью налился,
Созерцая эту новь,
Этим золотом и светом
Дышат вечность и любовь.

2001 г.

О цветах

Шла женщина вселенской красоты.
Шла женщина, несла цветов охапку.
Как ласково к груди её цветы
Клонили свою огненную шапку.

Как ласково смотрели ей в лицо,
Сиявшее нездешней красотою,
И чувствовали рук её кольцо,
И благодарны были, что судьбою
Позволено касаться её рук,
Таким обыденным,
Таким обыкновенным!..

О! Как изменчив жизни нашей круг!
Мы радуемся искоркам мгновенным,
Но миг проходит – и святые боги –
Завяли мы и брошены под ноги.

2001 г.

Глушь

Жизнь до конца заморочена.
Днём ли, вечерней порой
Глянешь – сплошная обочина,
И хоть хохочи, хоть вой!

Где-то дорога центральная.
Здесь же на тысячу вёрст
Глушь да беда эпохальная –
Необозримый погост.

Жили когда-то, да вымерли
Не одолевшие страх.
Бури железные вымели
Их разложившийся прах.

2001 г.

Воскрешение

Когда над нашей головой
Вдруг разверзается стихия
И небо дышит синевой,
Как вольным воздухом Россия,

Тогда мы все преклонены
Перед Господним дарованьем.
К нему с любовью и вниманьем
Сердца славян обращены;

Тогда от каждого порога,
Где зиждет русская душа,
Великой славой славят Бога,
Им вдохновляясь и дыша.

2001 г.

Закат

Над Обью закат, огнедыщащ и ал,
Багряные краски на волны плескал.

И волны горели, как жаркая медь,
Что в тёмных плавильнях устала кипеть

И, томная, в воду сползала шипя,
В крутые валы облекая себя.

Катились валы из живого огня
Вослед истекавшего яростью дня;

И пенные хлопья с горящих валов
Срывались, как перья с кровавых орлов,

И вмиг угасали. Но снова и вновь
Летела по ветру горящая кровь...

А щедрый печник всё подкидывал дров,
Любяся лучшим из лучших миров.

2002 г.

Песня

Золотится берёза, полыхает осина,
И рябина горит, будто пламя костра;
Небо полно воды, небо, словно трясина,
Сеет мокрые нити в серой хмари утра.

Журавли помаленьку собираются к югу,
Круг прощальный над полем совершают грустя;
Их отлёту вслед лихо выпорхнут выюги
И начнут куралесить, по кустам шелестя.

Что-то сердце томит, что-то душу тревожит,
В голове кавардак, как за этим окном.
И ещё один день так безрадостно прожит,
И никто не зашёл в мой распахнутый дом.

Видно, время и мне собираться в дорогу;
Не осталось уже ни подруг, ни друзей.
И я молча застыл над раскрытым порогом,
И слежу, и ловлю скорбный крик журавлей.

Золотые деньки откатились далече,
Тучи тянутся с севера, тяжелы и мокры;
Надвигается чёрный, неулыбчивый вечер,
И его не осветят никакие костры.

2002 г.

Пряжа

Всё, что было давно –
Повторится опять.
Никому не дано
Смысла жизни понять.

Над куделью клонюсь
И пряду свою пряжу,
Шерсть закончится, и...
Не заметят пропажу.

2002 г.

Исход

Не спеши умирать –
Всё равно ведь умрёшь.
Дней земных благодать,
Где ещё ты найдёшь?

Может, есть где-то лучше,
Может, есть; ну а мы
Появились из тьмы
И уйдём в лоно тьмы.

2002 г.

Что ждать

Вот и всё...
Разошлись – кто куда.
Не вернуть одного только – годы.
Так расходятся поезда,
Разминувшись на станции.

Своды

Голубых и высоких небес
Разбегаются с высотою...
Нет! И не было в мире чудес –
Всё охвачено пустотою.

Лишь зелёная муть поутру
Рассечётся падучей звездою.
Иль ножом полоснут по нутру,
Как обварят кипящей водою.

2002 г.

За окном

За окном моим – провода,
А за ними – неба вода,
По воде облаков корабли
Уплывают за край Земли.

За окном моим – крыши домов,
А над крышами – крылья дымов
Поднимаются медленно вверх,
Как с гнездовий за стерхом стерх.

А внизу, под моим окном,
Зайчик солнечный – крошечный гном
На стекле оставляет следы,
Отразившись от чьей-то слезы...

За окном моим – провода,
А за ними – неба слюда,
А за этой синей слюдой –
Одиночество и покой.

2002 г.

Город

(баллада)

О город мой болотноокий,
Похожий на большой скандал,
Ты выжал из меня все соки
И ничего взамен не дал.
Я грязь твою месил, как лошадь,
Я забывал, что есть асфальт.
Со дна болот тащил я площадь,
Дома растял из пазух хат.
Твои дороги, как протоки,
Я вплавь порой переплывал;
Из них зимой мороз жестокий

Живые айсберги ковал!
Теперь ты рядишься в брускатку,
Ты крыши ставишь, как шатры...
А в лицах — боли отпечатки
Людей далёкой той поры;
То время им теперь лишь снится,
Сметая с коек, как гроза.
Трепещет в выцветших ресницах
Своей ненужности слеза.
Теперь величье твоё множит
Иной эпохи человек.
А тот, чей век с тобою прожит,
Кто душу за тебя положит,
Увы! — Всего лишь имярек.
Томлением, походкой скорбной
Он для тебя чужой вдвойне,
И лишь за речкою за Чёрной
Со всеми станет наравне.
О город, высосавший души
Первостроителей своих,
Прикрыл глаза, заткнул ты уши
И отвернулся, чтоб не слушать,
Не видеть слёз и воплей их.

2002 г.

Расстались

Ну что ж,.. прости меня,
Прости —
И празднуй дальше,
Да только в душу не впусти
Избыток фальши.

Я знаю:
В правде наших дней
Лжи и обмана — горы!..

Смотри, с кем быть – тебе видней,
Мне – миг на сборы.

Я кланяюсь и ухожу,
Не хлопнув дверью.
Не вознесу,
Не осужу
Свою потерю.

2002 г.

Что это?..

Закат румяной выкрашен –
Слепит улыбкой.
А в небо месяц выброшен
Дынною скибкой.

Иду тропою травною,
Сбиваю росы,
И всё смотрю на славные
Речные плёсы.

На ряби их, как звёздочки,
Заката блики.
Русалок то напёрсточки
Иль бывших лики?

Минуту жизни краткую
Трачу в бездумье.
Над мировой загадкою
Душа в раздумье...

А вечер к ночи клонится,
Стал на колени:
Как инок, тихо молится
В слезах сомнений.

2002 г.

Где?..

Где-то детство кричит обделённое,
Где-то юность бузит ущемлённая,
Где-то зрелость с нужды начинает седеть,
Где-то заживо старость начинает тлеть.

Где-то многое богатств – как на море песку,
Но они погружают в печаль и тоску,
Они цепью у нас по сердцам и рукам
И вовеки веков не достанутся нам.

Потому-то и детство у нас в слезах,
И юность гибнет на наших глазах,
И ярая зрелость седеет до срока,
И старость для всех категорий – морока.

Не ищите на карте эту страну.
Я в просторах её бесконечных тону.
Я любовью её – нелюбовью согрет.
Загляните в глаза мне – и найдёте ответ.

Но вина ли земли, где живу я?
Её ли вина?
Она и сама эту чашу испила до дна;
А чаша бездонна, как бездна, –
Не видно в ней дна.
И сколько ни пьётся –
Она всё полна и полна.

2002 г.

Попытка

Постепенно
Разматываю свою жизнь.
Иду обратным ходом
От времён, когда появились бомжи
И послеперестроичного разброда.

Если откровенно — глаза в глаза,
Отметая незаслужено раздутые даты,
Можно констатировать и сказать:
— Отечество наше продвинулось куда-то.

У того ж, кто, как я, себя перерос,
У кого за прошлое грудь горда,
Встаёт большой — с колокольню — вопрос:
— КУДА?

Испытанные временем в боях и трудах,
Давайте заглянем в душ своих двери:
Хватит ли пальцев у нас на руках
Обозначить потери?!

И всё ж
Из всех вывертов нашей судьбы
Я бы отметил одно:
Блестящие,
Тончайшей работы гробы
Опускают дно!

2002 г.

Сани

Из муторно-моторной жизни
Давно ушедшие навек,
О сани,— лебеди отчизны!
Как изумителен ваш бег!

Как всемогущи ваши чары,
Когда, набравши полный ход,
Косою саженью чубарый
Как бы вприсяд, впристил идёт!

Мелькают вёрсты и постройки,
Назад летит округа вся.

Каким огнём кипели тройки,
В пургу влюблённых унося!

Подковы сумрачно мерцали,
Полозья врезывались в гать,
Метели крылья опускали,
Не мысля бег ваш обогнать!

И, тихо обходя крутизны,
Как чувствуя последний путь,
Тащились вы во время тризыны,
Не смея гроба колыхнуть.

Прошли вы в славе и фаворе,
Мир потрясая красотой,
Навек оставив в русском взоре
Печаль
И душу – сиротой.

2002 г.

Толпа

Шумноголосая толпа
Куражилась и стервенела.
Её тяжёлая стопа
Впотьмах искала девье тело.

И перед девой протекли
Мученья, выпавшие духу.
А крики розгами секли
По умирающему слуху.

Проклятий чёрные слова
Тупым железом сердце рвали;
Раскалывалась голова,
Травою чувства увядали.

Терялась ощущений нить,
Померкло небо в крупных звёздах.
Пустыне грудь её сродни,
Где выгорел последний воздух.

И, словно шорох камыша
Перед рассветною порою,
Из уст её ушла душа
И молча всталла над толпою.

Она глядела, как толпа
В слепом безумье бушевала,
Как грязная её стопа
Над слабым телом ликовала.

2002 г.

Песня

Года прошли, как пропылили
На знаменитых вороных.
Быть может, нет уж, кого любили,
Кого ласкали в ночах хмельных.

Плевать на возраст на мой преклонный,
Спешу к любимой я по наклонной,
По той наклонной, какой ходил,
Когда красив я и молод был.

Цыганка дней мне наворожила,
А я живу всё, на мир гляжу.
Ох, как она меня любила,
А как любила – не расскажу.

Плевать на возраст на мой преклонный,
Спешу к любимой я по наклонной,
По той наклонной, какой ходил,
Когда красив я и молод был.

Года прошли, как пролетели...

О них не стоит горевать...

Ах! Как мы пили, как мы пели!

Эх, подливать бы да подпевать!

Плевать на возраст на мой преклонный,
Спешу к любимой я по наклонной,
По той наклонной, какой ходил,
Когда красив я и молод был.

2002 г.

Так дано

О, как пытается мошна

Тебя свалить своею мощью...

Ты – есть;

И будешь ты – одна –

Дышать и грезить звёздной ночью.

В тебя вошёл вселенский дух

И разомкнул уста немые,

И обострил до звона слух,

Чтоб слышать звуки неземные;

И зоркость дал твоим очам

Следить небесные потоки.

И мысли – равные лучам

На пламенеющем Востоке!

Но мир тебя не хочет знать

И строит козни за порогом...

Да будет Божья благодать

Твоей особости залогом!

2002 г.

До конца

Стаканом водки хлопну по болячкам –
И даль предстанет чудна и светла!
И ни печаль, ни белая горячка
Из рук моих не выбьют ремесла.

А ремесло моё – в цветеньи слова,
В звучании, в мерцании, в огне...
Во всём, в чём есть хоть капелька живого,
Всё то родно,
Всё тоозвучно мне.

Хочу я, чтоб из слов тепло лучилось
И грело одинокие сердца;
И что бы там со мною ни случилось,
Хочу гореть до скорбного конца!

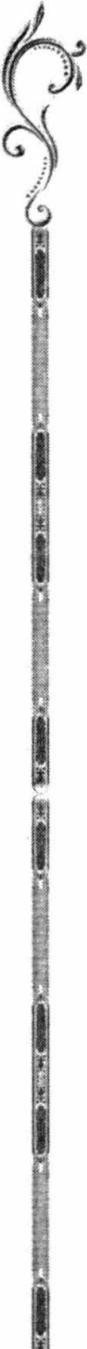
Когда ж могильный холмик надо мною
Поднимется печальным островком,
Я буду молча говорить с луною
Понятным ей и звёздам языком.

2002 г.

Берёзы

Зеленокудрые берёзы,
Сия тела белизной,
Опровергая все прогнозы,
Вступили в лета пыльный зной.

Что им пророки от погоды?
У них свои счета и счёт:
Коль в стуже прожили полгода. –
Полгода жар пускай печёт!

Смотрю на них – и в самом деле
Остались от сезонных прях
От снега – белизна на теле,
От лета – зелень на кудрях.

2002 г.

Все так

Я смотрю, как плывут облака...
Облака – это чьё-то дыханье.
Кто-то дышит сюда с высока,
Может быть, в ожиданьи свиданья?

И букашка,
И тот великан –
Все мы – жители Божьего мира,
И у каждого есть своя лира,
И у каждого – чувств океан.

2002 г.

Птичка

Птичка под моим окном,
Щебечя, на месте вьётся.
Глянет озорным глазком
И как будто улыбнётся.

И как будто подмигнёт
Мне ли иль себе, смущаясь;
И опять спирали вьёт,
По стеклу перемещаясь,

Как пытается понять,
Что за странная стихия
Не даёт себя пронять,
Запорхнуть в края иные?..

Не спеши, златой певец,
В неизвестные чертоги,
Где запоры — там конец
Песенной твоей дороге.

Наблюдаю за игрой
Птицы у стекольной грани...
Так душа моя порой
Бьётся о бездущья камни.

2002 г.

К нам...

В раздумье маюсь до утра,
Мне червь сомненья сердце гложет:
Друзья, какая мишурा
За океаном вас тревожит?

Не оскорбляя чуждый стяг,
(Он чужестранцу равен пыли!)
Каких словес, каких бодяг
На свалках мира вы отрыли?

И что в метаньях обрели?
И что бесславно растеряли!
И как рубеж родной земли
В веселье, в скорби ль покидали?

Хочу окрикнуть россиян:
«Ребята! Или мы всех хуже?!
Да будет трижды окаян,
Кто честью Родине не служит!»

Или избыл наш русский дух?
Или кровь предков истощилась?
Не раз Отечеству в аду
Бывать и прежде приходилось.

Но восставали стар и млад,
И с Божьей помощью,
Усильем
Рассеивали дым и смрад –
И удивляли изобилем!

Достоинств русичей не счесть!
При храме, колокольном звоне
Расправим души и ладони,
Вберём в сердца благую весть
И – за дела! С молитвой горней!

Иначе как России честь
Заблещет вновь на небосклоне?!

2002 г.

Жара

Над чахлой землёй
Воцаряется солнечный день.
В подножье деревьев
Лежит вертикальная тень.

Немые беседки
Не слышат давно голосов.
Зелёные кущи
Скрывают пернатых певцов.

Затихли цикады –
Любители солнечных ванн.
В безбрежной пустыне
Верблюжий прилёт караван.

Песок с небесами
Слились в бесконечной дали.
Не видно границы
Меж небом и краем земли.

Лишь марева море
Серебряной плещет волной.
Как блики зеркал
На отточенной грани стальной;

Да белое солнце,
Как око монарха, следит...
Ветер-задира – и тот,
Зноем подкошенный, спит.

2002 г.

Вспышка

В тревожный миг моей любви,
В туманный день моей печали
На дерзкий бунт моей крови
Вы мне ничем не отвечали.

И от участия ко мне
Вы были так порой далёки,
Так безучастно одиноки,
Как взгляд мой, брошенный к луне.

И понял я: не для меня
Святое ваше отчужденье,
Оно для вас как огражденье
От налетевшего огня.

Огонь без пищи изнемог
И, как подкошенный, свалился;
А ваш незыблемый чертог
До новой вспышки сохранился.

2002 г.

Ветер

Ну и ветер!..
Деревья вразброс.
Как их держат узлатые корни?
А набрякшие ветви берёз –
Так и липнут к дубовой кроне.

Им напора не обороть.
А его осмелевшие руки
Прижимают упругую плоть.
Как они налиты, как упруги!

И юноша обнажённей дрожь
В задыхающихся берёзах...
И – от страха ли – не поймёшь,
От желанья ль – она вся в слёзах.

2002 г.

Родное

Люблю зелёный огород,
Люблю вокруг себя деревья.
Во мне с рождения живёт
Меня родившая деревня.

Меня уклад её вскормил,
И дух её доселе поит.
И как бы ни был город мил,
Меня иное беспокоит:

Живя средь чуждой красоты
Цветком заброшенным и бледным,
Я так хочу, чтоб стала ты
Прибежищем моим последним.

2002 г.

На реке

Ветерок потянул...
Юго-западный.
Три часа.
Засветился восток.
На крыло поднялся комар заспанный,
Оклик утки донёсся с проток.

А за окриком что-то булькнуло.
Видно, выдра добычу взяла;
Шишка о земь увесисто бухнулась
С вознесённого в небо ствола...

Просыпается мир.
Недосуг ему
Продремать краснокрылый рассвет.
И – подобно судёнышку утлому,
Месяц в тучках теряет свой след.

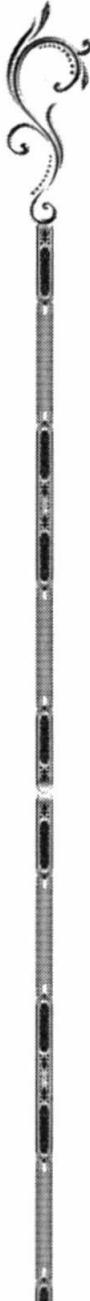
А потом припустился дождичек,
Разухабистый, озорной!
И в ладошки бьёт подорожничек,
Славя танец его шальной.

2002 г.

Боль

Обморожена,
В инее вся,
Не владеющая устами;
Ничего не моля, не прося,
За калитку схватилась руками;

Уронила к порогу лицо,
Словно прячась от белого света,
Ты поникла, как деревцо,
Оскорблённая плетью навета.

Как дрожат,
Как вздыхают плеча,
Как слезами исходит сердце,
Словно вся мировая печаль
Пролилась в это хрупкое тельце!

2002 г.

Святая Русь

Святая Русь... Святая Русь...
Очаг души моей нетленный!
Как ни взгляну, ни обернусь,
Повсюду свет твой вожделенный.

Он – как дыхание, – струяясь,
Исходит, как из запределья,
Неся божественную ясь
Пролить в души моей ущелья.

Его высокие лучи,
Как ангельские песнопенья,
Даруют падшему ключи
Для очищенья и спасенья.

И я наполниться стремлюсь
Его живительною силой...
Но – как стекло о камень – бьюсь
И трепещу, как пред могилой:

Смогу ли душу уберечь,
Ведомый вышею Судьбою?
Все у неё перед собою:
Мои паденья, слёзы, речь,

Мои напрасные тщеты
Постичь мир Божий на досуге,
Метания и суеты
В очерченном мне ею круге...

Я об усопших помолюсь,
Живым напомню о великом...
Свети мне, о Святая Русь,
Пророческим
Духовным Ликом.

2002 г.

О водке

Напиток русский – огненная водка!
Приблизиться на шаг
Что может к ней?
В рубины губ берёт её красотка,
Не обошли её уста царей.

Она была любовницей моей.
Она жена мне
С лёгкою походкой,
Владеющая тонкою обводкой
Нас, грешных, и служителей церквей.
Какой напиток в мире
Равен ей?!

Я погружал в неё и ум, и душу,
Я тряssя в зной
И согревался в стужу,
Когда в стакане истину искал.
Во мне бурлили счастье,
Радость,
Злоба...
Я был в слезах, я доходил до гроба,
Но никогда её не предавал!

Я и теперь её не предаю:
На чём стоял – на том стою.

2002 г.

Не раскачивай лодку

Дни, данные Богом, с любовию славь.
С тобою по жизни пустились мы вплавь.
Вскипает под нами крутой океан,
Вдали перед нами — дожди и туман.

Не раскачивай лодку,
В которой плывёшь,
Не обманывай друга,
С которым идёшь.
Однажды обманешь,
Уйдёт — не вернёшь,
Не раскачивай лодку,
В которой плывёшь.

Тот берег неведом. О, сколько ж нам плыть?
Солёная бездна нас может убить,
Когда без надежды, без веры когда,
А в днище колотится злая вода.

Не раскачивай лодку,
В которой плывёшь,
Не обманывай друга,
С которым идёшь.
Однажды обманешь,
Уйдёт — не вернёшь,
Не раскачивай лодку,
В которой плывёшь.

К желанному берегу чтобы доплыть,
У нас ничего нет — как только любить.
Любовь доведёт нас до пристани той,
Где вместе мы будем, как сердце с мечтой.

Не раскачивай лодку,
В которой плывёшь,
Не обманывай друга,
С которым идёшь.
Однажды обманешь,
Уйдёт — не вернёшь,
Не раскачивай лодку,
В которой плывёшь.

2002 г.

В грозу

Небо тучи собирает
Над мою головой.
Вот уж молнии летают,
Разрывая тьму собой.

Гром проламывает крышу,
Известь падает на пол.
Демонстрируется свыше
Неприкрытым произвол.

Стёкла дребезгом и звонью
Раздирают суть души.
Кто-то там затеял бойню,
От которой мы дрожим.

От чудаческой затеи
Поревзиться, поиграть
Мы от страха каменеем,
Если хуже не сказать!..

При грозе, при ветра вое
И ручьёв с горы литья
Падают в душе устои
Мирового бытия.

2002 г.

О законе

Как поведал дед Авдей:
— Лето будет без дождей.
— Но, — заметил Почеконок, —
Будет дождичек, сынок!

И давай он нас мочить
И налогом, и податью...
И над Божьей благодатью
Коготь дьявола торчит.

2002 г.

Ожидание

Кто там?...
Нету никого...
Нет,.. Никто не подъезжает.
Каждый звук
Из ничего
К содроганью побуждает.

Если б раньше я не ждал,..
Если б сердце не терзало...
Одиночества кинжал
Нервно бредит кровью алой.

Не унять, не удержать
Его огненного жала...
Наступает благодать
После действия кинжала...

У окна сижу,
смотрю.
За колеблющейся веткой,
Узнаю в лицо зарю,
Скрытой лиственою сеткой...

Ну а те, которых жду,
Не подходят и не едут.
Мысли мечутся в бреду,
Время клонится к обеду.

И опять мне одному
Тосковать за чахлым чаем...
Горько духу и уму,
Коль никем ненавещаем.

2002 г.

Внезапность

Гроза...
Откуда ты, гроза?
Тебя ничто не предвещало
И вдруг — как горного обвала
Каменья— ты летишь в глаза!

Мерцают молнии вокруг,
Грома сошлись в кулачной схватке,
Несчётно мечущихся рук
Громят железные палатки!

И всё гудит, и всё летит,
И нет конца переполоха.
И кто-то, видимо, следит,
Чтоб нарастили гул и грохот...

Так сердце —
Вскинется порой,
Расходитя, развеселится.
И не понять: есть ли граница
Междугрозой и игрой?

2002 г.

Усопший

Он умер.
На челе печать
Печали, одолевшей смуты.
Уста, умевшие молчать,
Теперь уже навек сомкнуты.

И усмирилось,
улеглось
Бунтующее вдохновенье,
И по обличью разлилось
Сошедшее отдохновенье.

Да будет принят в небесах
Болящий дух его;
А память
Пусть в наших зиждется сердцах,
Как очищающее пламя.

2002 г.

Просьба

Заблудшему в жизни, о Боже, прости
Грехи, совершённые им на пути.

Он слаб. А кругом суета, суета,
Колени ослабли под ношей креста,

И сердце ослепло, не видит врага,
Неверно ступает босая нога.

Его отвергают и эти, и те,
Терпенье погнулось в такой маете,

И лопнула вера в любовь и добро.
В отчаянье вырвать готов он ребро

И бросить обидчикам – только оставьте,
Освободите, уйдите, отстаньте!

Он их проклинает, не зная, как быть:
Завет им забыт; он не в силах любить.

Он после раскается; после, потом.
Но как быть теперь, когда гонят пинком?

Пошли ему, Господи, праведный суд,
Он – Твой, заблудившийся, падший сосуд.

2002 г.

Приют

И во сне, и наяву
Я летаю над землёю.
Я восславлю синеву
Очень скромною строкою.

Остальные много строк
Я отдам земле в подарок...
На лугу забытый стог,
Одинокий – как подранок.

Когда ветер гнёт кусты
И раскидывает травы,
Он уходит за кресты
Некогда живой державы.

Там остались вороха
Непровеенной пшеницы,
Ею, сорной, потроха
Набивают божьи птицы.

На земле для всех приют,
Всех накормят, обогреют...
И чувствительно клюют,
И уверенно нагреют!

Потому, поймёте вы:
Для земли нужны романы.
А для чистой синевы –
Только звёзды да туманы.

2002 г.

К брату

Фотография брата...
Как, прощаясь, гляжу.
И тоскливо, как вечность
В пленной яме сижу.

Фотография,.. юность,..
В полной силе плечо!
Взгляд сияньем наполнен,
Кровь клокочет ключом!

Руки требуют дела,
Голос громок и брав!
И вулканное пенье
У второго ребра!

Что теперь ты такое?
То ж лучене ль в глазах?
Или жизнь затоптала,
Как меня, в тлен и прах?

Перед зеркалом встану –
И у горла комок:
От того, что любили –
Маловнятный намёк...

2002 г.

K другу

О друг!
Какой бы ни был ты руки,
Прошу: не рви мои черновики.

В них жизнь моя,
В них кровь моя струится,
Она ещё на что-нибудь сгодится!

Она, быть может, тем уже ценна,
Что ей при жизни
Грош была цена.

Я не был в славе,
Не был я в зените,
Но я летел сквозь время на транзите

И видел то,
Что для других темно,
Хотя смотрели все в одно окно...

Вот потому не рви и не сжигай:
А вчитывайся, думай
И – смекай.

2002 г.

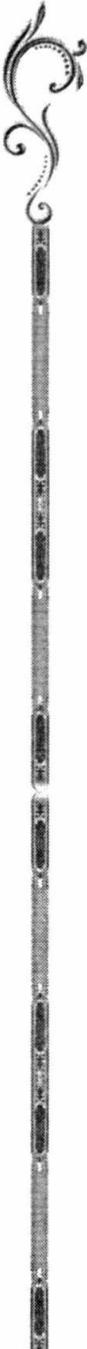
Призыв

Что призадумались?!
Пейте и пойте
И возвышайтесь над пропастью мира!
И – созидайте: творите и спорьте,
Да осенит вас поющая лира.

Злоба исходит в слепом исступленье.
Подлость кресты расставляет заране...
Плюньте на них и – вперёд,
В настуленье!
Через шипы и рога бараньи!

Храм
возведите
Своими руками,
Стройкой опояшьте – как украшенье.
И вам
уготована
Светлая память
Навек,
На века,
До мирокрушенья!

2002 г.

Предвечернее

Зелёные ветви склонялись и млели,
И было далёко ещё до звезды;
Ещё неостывшие дали синели,
И пахарь ещё не ушёл с борозды.

Лиши кой-где мерцали какие-то знаки,
Что вечер подходит, приходит, придёт.
Ещё, развалившись, дремали собаки,
Паук свою сеть ещё бойко плетёт.

На что-то в груди обозначилось к ночи,
Какие-то тонко-тугие ростки
Нет-нет да смущали спокойные очи
Струёю холодной и жёсткой тоски.

И чем-то невнятным душа наполнялась
И всё порывалась умчаться туда,
Где в дальней дали ей одной открывалась
Ещё недоступная глазу звезда.

2002 г.

Помнить

В терпенье и славе
Со всеми людьми
Поклонись державе
И скорбь восприми.

Она под скорбью
О детях своих,
Как пар над прорубью,
Плачет о них.

Печаль увенчана
Темью ночей;

Помнить ей вечно
О свете очей

В сынах горевшем,
(Знай, вороньё!)
Себя не сберегшем,
Но спасшем её.

2002 г.

Muz

Солнце, дождь...
Что за блажь?
Видно, вождь
Входит в раж.

Светит, льёт
Почём зря,
Озорством
Возгоря.

Смотрит бор
С той горы:
Как внизу
Все мокры!

2002 г.

Равные

В распахе августовской ночи,
Когда взглядишься в звёздный пир,
В тебя ответно смотрят очи,
Как на родной и равный мир.

И пусть ты мал. Твоё горенье
Им, великанам, говорит,
Что ты есть Божие творенье,
Что Божий Дух в тебе горит.

И пусть в тебе он краткосочен,
И ты пред ними – только миг.
Но взглядом обменялись очи,
И каждый каждого постиг.

2002 г.

Тайна

Я разгребаю жар руками,
В ладонях угли нянчу я.
В меня летит горящий камень
Из неземного бытия.

Какого мира он обломок?
Какую весть несёт он мне?
Или он – жертва недомолвок?
Или от счастья весь в огне?

В нём тайна вечности сокрыта...
И мне вовеки не узнать:
Любви ли, зла ли в нём избыток,
Чтоб так торжественно сиять!

И я ладони обжигаю,
Следя его весёлый бег,
И от восторга замираю,
Как очевидец чудных вех.

2002 г.

Перемена

Предпоследний лета день.
Солнцу стало тяжелее
Подниматься в гору.
Тень
И прозрачней, и длиннее.

Желтизна блестит в листве,
Как досрочные седины
На удалой голове,
Дожившей до середины.

Птицы в дальние края
Собираются кругами;
Мошка, тучами роясь,
Липнет – не отбить руками.

И ползут с проток, с болот
Клубы белого тумана;
Иногда лишь луч, как крот,
Вырвется на свет обманно,

Пробежит шажок, другой
И зароется поспешно...
Плачет день над головой
Одиноко, безутешно.

2002 г.

Краски

Вот сентябрь...
В Среднеобских краях
Наступила пора увяданья.
И деревья меняют зелёный свой стяг
На багряный и жёлтый.
Как в храме сиянье!

Осень – пир увядающих сил.
Пьют глаза захмелевшие краски.
Каждый куст – до восторга красив –
Льёт мне в душу целебные ласки.

Он копил их до этого дня,
Как скопой золотые монеты.
Брал у солнца живого огня,
Чтоб и в зиму остались согреты

Те, кто тронет их доброй рукой,
Кто и сам не скупится на ласки...
Осень, осень...
Люблю твой покой
И твои ошалелые краски.

2002 г.

Северу

Закат зажёг брильянты все –
Рассвет рассеял.
Я прикипел к твоей красе,
Суровый Север.

Затихнет выюга, и пурга
Уложит пряжи.
Твои немятые снега,
Как пух лебяжий.

Снежинки вьются,
Как рои
Пчёл серебристых.
И ночи белые твои
Светлы и чисты.

Тайги ворсистый изумруд
И мхов свеченье
В воображенье создают
Миров смешенье.

В твоих разломах чернь и медь
Мерцают роком;
Не дай себя ты одолеть
Чужим пророкам.

2002 г.

Окошко

Открылся неба уголок.
Какие высыпали звёзды!
Но тут же ветер наволок
Обрывки туч. Сохи борозды

Заволочили хрустали,
Заборонили, запахали...
На обречённый лик земли
Две капли первые упали;

Холодной влаги перебор
Тоску наводит и унынье...
О, как духовен звёздный хор!
И как прекрасен был он ныне!

2002 г.

В сентябре

Буря – бритвой!
Дождь – со снегом
Застилает мне глаза.
Закатилась диким смехом
Запоздалая гроза.

Не зима ещё;
И вроде
Осени не гнётся стать...
Что-то сдвинулось в природе,
Не дознаться, не понять.

Так от века и до века,
Несмотря на кровь, на пот,
Небо
волю человека
Как захочет, так и гнёт.

2002 г.

Покоя бы

Устали мы от перемен,
От обещаний зычной речи,
От ложных браков и измен,
Свалившихся на наши плечи;

От беготни и суеты,
От ломки духа и уклада,
От нагнетанья правоты
И обездоленного взгляда;

От незаслуженных седин,
От грозных знаков препинанья,
От сотрясения глубин
Природного существованья...

Умерь, о Боже, нам те дни
И те минуты роковые,
Когда ложимся спать – одни,
А просыпаемся – другие.

2002 г.

Берёзки

Под моим окошком
Четыре берёзки,
Четыре подружки,
Четыре сестрёнки;
Ни одна не младше,
Ни одна не старше.
Золотые дочки –
Внучки патриарши.

Маленькими были
В луже ножки мыли,
Паучков поили

С листика – ладошки;
Звёздочки считали,
С ветерком играли
И тянулись кверху
Загляяуть в окошки.

А теперь – невесты
и, как прежде, вместе;
Друг без друга шагу
Не хотят ступить;
Верные подружки
Держатся за ручки,
Никому за это
Их не осудить.

Под моим окошком
Четыре берёзки
Выросли. Теперь я
Снизу вверх гляжу:
Высоки, речисты,
Косы их ручьисты,
Очи ясны, чисты –
С ними я дружу.

2002 г.

Храм

Отцу Виктору

На берегу Оби,
Вблизи косматой Саймы,
Встречая в полной славе дня приход,
Вознёсся Храм златыми куполами,
Зовущий к покаянию народ.

Как белый лебедь, в синеве парящий,
Возникший Божьей милостью,
обрёл

И колокол, и крест животворящий,
В лучах креста – короной ореол.

Телесно-золотистое сиянье
И медленно звучащие псалмы
Предвосхищают с Вечностью свиданье
Идущих к Свету из духовной тьмы.

Сей Храм есть дом Всевышнего...
И каждый,
Кто мимо проходя,
А кто – войдя,
Почувствует душой своей однажды
Живые капли вещего дождя;

Почувствует, как, гордое, глухое,
Вдруг начинает сердце отходить,
Как в суете, во лжи, в крови разбоя
Оно готово плакать и любить;

И как оно, слепое, прозревает,
Наполнившись и смысла, и добра,
Как над собой поднявшись, озирает
Пустынный след,
Где нечего собрать...

А колокол
гудит,
Взываю к миру:
«Опомнитесь,
и поспешайте в Храм...»
И я свою настраиваю лиру
И приобщаясь к неземным хорам.

2002 г.

К вам...

Никону Сочихину, поэту.

Не видно что-то на слуху
Поэтов, как в шестидесятых.
Иль неуютно наверху?
Иль потеряли вкус к стиху
И запрягли коней крылатых
В общедоступную соху?

Иль время гнилью поросло
И недостойно песнопенья?
Или померкли блики Слов
И огненное ремесло
Остыло? Или вдохновенье
Приватизацией снесло?

Друзья! Мне горестно за вас,
Возвышенных и вознесенных!
Ужель пробил ваш поздний час?
Ужель луч творчества увяз
В непровороте туч осенних
И остроту утратил глаз?

Или утрачен горный свет,
Врачующий и дух, и раны?
Иль русских муз святой завет
Отчизну славить и побед
Ей добывать в труде и брани
Сокрылся и замёл свой след?

Но как бы ни было, при вас
Должно быть грозное оружье;
Любви и милости запас,
Терпения — на смертный час
И необъятное радушье,
Как золотой иконостас!

Иначе – всё сойдёт на нет.
И мы погрязнем в заблужденьях.
Ты обречён судьбой, ПОЭТ,
Вбирать душой тоску комет,
Срывать соцветья озлобленья
И возжигать духовный свет!

2002 г.

Bo сне

И надо ж.
Приснится такое...
Такой удручающий сон:
Среди тишины и покоя –
Вдруг взрывы, и крики, и стон.

Взлетели земельные комья
Фонтанами чёрной воды.
Чужие и те, с кем знаком я,
Попали в объятья беды.

Откуда-то взялись мигалки,
Сирены взвывали, давясь,
Ломались чугунные балки,
На брызги осколков дробясь.

Развалин громдные кучи
Росли как холмы, как хребты.
Тащились тяжёлые тучи,
Влача по земле животы.

А в облаке дыма и пыли,
Которое выше взвилось,
Ругались, хрюпели, вопили:
Там грызла сама себя злость!

Хоть время и было не поздно,
И солнце ещё высоко,

Но что-то и мрачно, и грозно
Витало поверх облаков...

Я вплющился в землю,
Вдавился
По самую кожу спины
И тихо молился, молился,
Как в детстве
Во время войны.

2002 г.

В октябре

В последних числах октября
У нас, как в августе, погода;
Так возлюбила нас природа,
Денёчки тёплые даря.

В полнеба алая заря.
Крылатых облак вереницы
Плынут, как огненные птицы,
Над нашей серостью паря.

Уж скоро ветры декабря
Возложат на себя правленье;
Наступит время остуженья,
Но будет всем на удивленье
Всё так же полыхать заря.

2002 г.

Листья

Весна – как невеста.
Венчальный наряд
Под солнца сияющим веером
Сверкает. Росы бриллианты горят
Морозным одышены севером.

Деревья опушил зелёный огонь,
Едва дуновеньем колышимый,
Как с неба упавший в земную ладонь,
То бурный, то вовсе недвижимый.

Его красотою пленилась звезда
И ярче горела от радости...
Но — радость в ворота,
А там уж — беда
Во всей своей чёрной корявости!

И листья, где в трубку свернулись,
Где так
свисали, сонливые, вялые,
А где и желтели, как медный пятак,
Хоть лето в цвету,
Дни жаркие, палые!

Что стало?
Иль корни подгнили на третью,
Копаясь в утробе железистой?
И сучья ослабли, бессильны терпеть
Широкого шумного шелеста?

Иль в силу иных, непонятных причин?..
Но листья всё падают, падают,
Живые, блестевшие в лунной ночи,
У комля валяются падалью...

А вот уж и буря, восстав на крыло,
И бьёт их, и треплет о выступы,
Как будто срывает вселенское зло,
Дойдя в исступленье до приступа.

В кустах,
На панелях скопились они,
В подвалах, где крысы подъездные,
Лишённые ветки родимой — одни —
Грустя, догнивают, болезные.

Не так ли, страна моя,
дети твои
Без ласки,
Гонимые голодом,
Несут неокрепшие души свои
В зловещие улицы города?!

В изысканных обществах им не блистать,
Не знаться со сказочным теремом.
Опомнись, о Родина!
Чтобы не стать
В расцвете
Безлиственным деревом!

2002 г.

В ожиданье

Холодный дождь,
И октября
Сырые зори,
И сумерки, как егеря
В ночном дозоре.

Луны не видно,
И звезда
Навек пропала.
С шуршаньем роется вода
В листве опалой,

Как чьи-то губы
В темноте
О чём-то шепчут.
Как в полуночной немоте
Крыла трепещут.

Пробьётся ль луч,
Или ещё

Темнее станет?
Вдруг — камнем ворон на плечо —
И настежь ставни!

Испуг прорезал по нутру
Струёю жгучей...
Проснулся ветер,
Он к утру
Разгонит тучи!

Не нынче — завтра
Отойдут
Дожди и сумрак;
Лучи и в душу свет прольют,
И на рассудок.

И жизнь,
Рассветами дыша,
Заблещет внове...
Как осиянен первый шаг
К своей любви!

2002 г.

Только здесь

Куда бежать? В какую даль?
Ведь при тебе всегда,
Навеки
Твои обиды и печаль,
И слёз клокочущие реки.

Не лучше ль,
В сердце погрузясь,
Взяв в собеседники рассудок,
Соскресть с себя
Всю ложь и грязь —
И в новый путь с началом суток?

И не в чужбинной стороне,
А – здесь!
На месте, перед всеми,
Пройти
Сквозь выступы камней
И сквозь окалину экземы.

2002 г.

K реке

Что призадумалась, Обь?
Плещешь о берег, как плачешь;
Чёрною шалью на лоб
Тучу тяжелую ташишь.

Туч над тобой – этажи.
Траурно, скорбно убранство.
Всхлипы воды, как ножи,
Режут сырое пространство.

Скоро скуют тебя льды,
Свяжут поверхность и сущу...
Ток благородной воды
Им не отдаст твою душу.

2002 г.

K молодым

Под дых не бейте старика.
Когда-то сами вы состаритесь.
И у него была рука,
Не все с которой ещё справитесь.

И голос звонок был,
И ритм
Сердечный, как часы отстукивал,

И пульс, как дятел в час зари,
Незваных к трапезе отпугивал.

Не бейте старика под дых.
В глухие дни и время смутное
Не станет он средь молодых
Искать прибежище уютное.

Пусть отодвинут и забыт...
Но в сердце нет обиды-зависти;
Он знает бытие и быт,
И благороден в гневной ярости.

Под дых не бейте старика.
Сказать, что есть иль только кажется,
Его кипящая строка
Одна, быть может, и отважится!

2002 г.

Объ

Даль колеблется,
Движется крадучись.
Пересверк ослепляет взор.
Берега раздвигает играючи
Многотонной воды напор.

Объ! Река моя величавая!
В желтой пене крутая волна.
Это мощное и лучавое
Передай мне в руки сполна,

Чтоб на Солнце,
В зенит возвысимое,
Из холодных земных широт
Смотреть гордо и независимо,
Ожемчужив улыбкой рот.

1958, 2002 гг.

Дожди

Дожди подходили нестройной походкой,
Подслепо толкались и вязли в пыли;
Луна между туч прониралась, как лодка,
И вёсла-лучи доставали земли.

И ими она, оттолкнувшись от тверди,
Ныряла куда-то в бездонье, во мглу,
И там пропадала, как поймана в сети,
И вдруг возникала, как столб на углу.

Стихии являли характер и волю,
Вовек не желая ни в чём уступать...
И мчатся дожди по утопшему полю,
И лодка-луна продолжает нырять.

2002 г.

Тучки

Тучки, тучки...
Ночью лунной,
Лесом тёмным, стороной
Вы проходите над умной,
Над загадочной страной.

В той стране –
Не как повсюду...
В той стране, лишь в ней одной,
Бьют на счастье посуду,
Только счастье – стороной.

Бьют из года в год...
Веками...
И вовеки не понять:
Как летящий мимо камень
Попадает в нас опять?!

Иль оставлены мы Богом?
Иль заброшены судьбой?
Тот же камень под порогом,
И посуды тот же бой...

2002 г.

Слякоть

Ступила осень на порог.
Туман. Дожди. Ненастье. Слякоть.
Бездомный пёс насквозь продрог,
Пытается под ветер плакать.

Он чует зиму,
Холода
И как бы просит о защите.
А с крыши капает вода
Как долбит в темя: «Не взыщите».

И тёмной силою гордясь,
Сминая резкий звук и топот,
Ползёт слезящаяся грязь
И медленно, и верно топит!

2002 г.

Сверчок

Глухая ночь...
Лишь трель сверчка струится.
И я не сплю, я слушаю его.
Тяжелых мыслей медленная птица
Крылами бьёт у сердца моего.

Что в песне той?
Иль так же, одинокий,
Утративший надежду и покой,
Он льёт и льёт коротенькие строки,
Пропитанные чёрною тоской?

Что помнит он,
В запечной щёлке сидя?
Что истинно поведал? Что солгал?
Вот так, тоскуя, скорбные Овидий
В чужой земле элегии слагал.

Как горький сок подрубленного бука,
Текли печаль и боль из скорбных строк,
Которых нескончаемый исток
Была с его возлюбленной
Разлука.

Он слёзы лил,
Вернуться в Рим не вправе.
Язык в безмолвье загнивал, как плод.
И слёзы, как жемчужины в оправе,
Замёрзши, с звоном падали на лёд...

И мне мечтою не с кем поделиться,
И словом не обмолвиться подчас.
Поёт сверчок...
А ночь всё длится, длится,
А ночь, как поздних галок вереница,
Выклёвывает сон из моих глаз.

2002 г.

Сравнение

Срывает время за листочком листик.
Всё тоньше
моей жизни
Календарь.
Без восхищений,
выкриков и мистик,
Как реалист,
Смотрю на этот дар.

На шахматной доске ладьи, как обелиски,
В честь офицеров,
королей,
ферзей...

Друзья есть —
Ближе родственников близких,
И есть родня,
Что дальше недрузей.

2002 г.

Элегия

Я в глубь земную заглянул,
Мой взгляд за горизонт простёрся.
Я видел, как я утонул,
Когда о край волны опёрся.

Она скользнула с-под руки
И я остался без опоры.
Сомкнулись надо мной круги,
Надрывно задышали поры;

Умолкло сердце; мозг — как бред.
И в прах рассыпалось вниманье,
И — тьма! Как выключили свет,
И отключилось пониманье...

И я во тьме летел, скользил,
Но не убился, не споткнулся,

И вдруг — как на стену наткнулся:
Внезапный свет меня пронзил!

Я стал осматриваться, и —
Иль наяву, иль показалось,
Как сквозь блестящие струи
Живое око отверзалось!

Оно глядело на меня,
Полню любви, успокоенья...
(Такие странные мгновенья
Бывают на исходе дня!)

Незденший свет меня манил.
Как по земле я проходил —
И предо мной века мелькали,

Где не толпились, не алкали,
Где лица радостью сияли,
Где нет ни плача, ни могил.

2002 г.

О тщете

Тщеславью твоему неведомо границ;
Гордыня твою грудь, как мехи, распирает.
Но небо громыхнёт —

и ты склонился ниц,
И ястреб на тебя
С крутых высот взирает.

Ты на земле дрожишь — он в воздухе парит.
Он на грозу идёт, и яростен, и весел!
И молния его там, в небе, озарит —
Тебя здесь, на земле,
вомнёт в удушье кресел.

И горы, и леса, и океана глубь
Тебе равно страшны.
Пред ними ты трепещешь.
И с фонарём в руках пересекаешь мглу,
И только перейдя, себя удачей тешишь...

Так что же восхищать меня в тебе должно?
Ты, ум обогатив познаньем величайшим,
Не пользуясь им,
как некотором сладчайшим,
А чаще горечь пьёшь и плачешь заодно.

О, гордый человек!
Оставь свою тщету
И ум свой упражняй в тебе доступной дали.
Как яростно б глаза и сердце ни желали –
Тебе не преступить
запретную черту.

2002 г.

Восточный круж

Пролог

Когда змея вползла в конюший двор,
Заржала лошадь вороная в стойле,
Овца копытцем стукнула о поле
И обезьяна заострила взор.

И курица запела петухом,
Собака взвыла, в конуру забившись,
Свинья дремала, обо всём забывшись,
И в настроенье мышь была плохом.

Корова мирно на лугу паслась,
Тигр выжидал и чуял крови сласть,
Метался заяц в розовых снегах,
Дракон снижался, нагоняя страх.

2002 г.

Год Змеи

И вот змея вползла в конюший двор.
Луна с высот чарующе блистала,
Из света сотканное покрывало
Низины облекло и выси гор.

Ей не преграда кровля иль забор.
Два глаза – два магических кристалла.
Она в ночи охотится, как вор,
И вот пора охотиться настала.

Она сполна получит свой паёк.
И – горе, кто восстанет поперёк
Её дороги и её желаньем;

Молниеносный выпад – и бросок!
И полый зуб доставит яда сок.
И жертва умирает с содроганьем.

2002 г.

Год Лошади

Заржала лошадь вороная в стойле,
Подобно грому, влезшему в окно.
И ближнее, и дальнее околье
Тем ржанием было потрясено.

Живая плоть, отлитая в темно,
Скородящая, пашущая поле
Достаток приносящая в застолье,
Как много жизней ею спасено!

Врождённая и красота, и стать,
Она не устаёт в трудах блистать
И грациозна в отдыхе коротком.

Она – как вихорь! Пыль ползёт за ней,
Как шлейф у дам на балах королей,
И клонит голову в поклоне кротком.

2002 г.

Год Овцы

Овца о землю стукнула копытцем –
И Землю обежл тревожный гул.
И праведники бросились молиться,
Разлёт волос сбирая на бегу.

А грешники толклись толпою пьяной,
Им наплевать и на небесный гул!
У этой у толпы непокаянной
Очередной космический загул!

Из темноты, как призрак вырастая,
Вокруг овец кружилась волчья стая,
И рядом раздавался лязг клыков.

Но близилось сияние Востока,
И Солнца немигающее око
Пришло на смену тающих костров.

2002 г.

Год Обезьяны

И обезьяна заострила взор:
Неясный шорох тронул струны слуха;
Навстречу шороху она клонила ухо
И ничего не видела в упор.

Себе ль, ещё ль кому наперекор?
Будь молода она или старуха,
Природа свой в неё вложила вздор
И пожелала: ни пера ни пуха!

И вот – вихлянье, дёрганье, скаканье,
И каждой блёстке – бурное вниманье
Ведут её по жизненной стезе;

И мы, когда в снобическом тумане
Чего-то мямлим на телеэкране,
Уж не родня ли этой егозе?!

2002 г.

Год Курицы

И курица запела петухом.
Она была в ярчайшем вожделенье,
Горело золотое оперенье
На воздухе поджаристо-сухом.

Короток шаг меж светом и грехом.
Цена его равна грехопадению.
И курица в курятнике глухом
Всецело предалась яйцетворенью.

Но в мирозданье крик её петуший
Подвергнул впечатлительные души
Грядущим катаклизмам бытия;

На жалкие от ожиданья плечи
Тяжелой тьмой накатывался вечер,
В обличье что-то грозное тая.

2002 г.

Год Собаки

Собака взвыла, в конуру забившись,
От непредполагаемой тоски.
Там, где должны бы быть её щенки, –
Пустое место! Горем удручившись,

Она бежит, куда глаза глядят.
Её терзают материнства муки,
Присядет, ловит запахи и звуки,
И во всю прыть торопится назад.
А вдруг они пришли?..

Но человек
По-своему щенков измерил век,
Отправив их на дно в мешке с камнями...

Судьба всего живого на земле
Сокрыта, как извоз в дорожной мгле,
С потухшими идущий фонарями.

2002 г.

Год Свиньи

Свинья дремала, обо всём забывшись,
На солнце мозг расплавился, как мёд,
В грязи по ноздри тёплой завалившись,
Она не знает, как сирень цветёт;

Она не знает, как и степь цветёт,
И поле, на ветру расколосившись,
И, как в неведомую высь завившись,
Певун пернатый целый день поёт!

Ей не поднять к зарницам головы.
Её вершина – видеть низ травы
И подрывать питающие корни.

Не ведает, съедая все корма,
Что вскоре будет съедена сама
Бесчисленными ртами жадной дворни.

2002 г.

Год Мыши

В расположенье мышь была плохом:
Весной нору топило половодье,
Теперь дожди насели на угодье.
И то ли всадник проскакал верхом,

Гонимое ли стадо пастухом
Копытом мощным обвалило сводья
Строеня хрупкого? Солончаковый ком
Заклинил вход; а с ним – её отродьё.

Металась мышь в смертеподобной боли,
Кляла себя за выбранное поле
И обливалась горькими слезами;

И груз вины поныне её горбит,
И нет предела материнской скорби,
Как нет предела злу между людьми.

2002 г.

Год Коровы

Корова мирно на лугу паслась.
Цвело, благоухало разнотравье.
Мошка над нею тучею вилась,
Своё являя миру равноправье

Существовать. Корове наплевать
На мелюзги подобной притязанья.
Она в потёмках своего сознанья
Привыкла на рога лишь уповать.

Но Время строго предъявляет счёт
Тому, кто мелочь не берёт в расчёт,
Кто гордый и уверен в своей силе.

Взращённые во сваре и во зле,
Они текут потоком по земле
И одиночек двигают к могиле.

2002 г.

Год Тигра

Тигр выжидал и чуял крови сласть.
От предвкушений трепетали ноздри.
Его в округе безраздельна власть,
Где верховодят клык и коготь острый.

Олень пятнистый, кабаржонок пёстрый,
И птица, что присела яйца класть,
Любую живность он готов украсть,
Легко минута лес железных острий.

Величье редко равен кто ему,
И ёщё реже – равных по уму,
По хитрости и вовсе нету равных.

В лесу его громоподобный рык
Приводит в трепет клановых владык,
Бегущих врассыпную в ранах рваных.

2002 г.

Год Зайца

Метался заяц в розовых снегах.
Мороз крепчал, раскидывая искры.
Любовные заваживались игры
На спящих под сугробами лугах.

Ещё метелей не редели вихры,
И лёд ещё не треснул в берегах.
Но чувств весенних ласковые тигры
Прослеживались в заячьих бегах.

Как солнечных лучей живые токи
О тьму ночную боятся на востоке,
Так боятся токи в заячьей крови.

Лишённый злобы, зависти, стяжанья,
Поставленный в условия выживанья,
Не вымер он благодаря любви.

2002 г.

Год Дракона

Дракон снижался, нагоняя страх.
Ноздрей вулканы извергали пламя.
Казалось, бились мёртвые в гробах,
Живые – жизни свёртывали знамя.

Как траки на тяжёлых тракторах –
Покров его, усыпанный шипами,
Лязг изрыгал и полыхал огнями –
Живая плоть сама ввергалась в страх.

Он озирал и долы, и холмы,
И кроме человечьей кутерьмы
Ничто не врезалось в рассеянное око.

Его не тронули людских деянья рук.
И, завершая жизни своей круг,
Он улетал надолго и далёко.

2002 г.

Эпилог

Двенадцатою частью сомкнут круг.
Так древности Апостолов двенадцать
Навек соединеньем своих рук
Поклялись в мире миру поклоняться.

Но человек – носитель зла и мук,
Не стал в святых заветах разбираться;
Он пренебрёг словами «брат» и «друг»
Во имя необузданных новаций.

Он сам себя поставил надо всем.
И в центре им же созданных систем
Не отыскалось места для любви;

Отбросив добродетели понятья,
Он сам себя приводит на распятье
И топит себя в собственной крови.

2002 г.

Реванши

Памяти Валерия Харламова,
хоккеиста,
народного любимца СССР

Двенадцать лет
бесславья и беспутья.
Двенадцать лет
стриптиз, рулетка, страх.
Двенадцать лет
мне в ухо льют: без пут я!
Двенадцать лет
мой рушится очаг.

Теперь и дальше
никому не нужен, –

Сижу, скуля,
за рамою двойной,
Не зная, где найти
хоть постный ужин
С моей разворованной
страной.

А было время –
были мы не слабы!
Приветствовали стоя наш успех!
Всегда и всем
мы забивали шайбы
И гордо клюшки вскидывали вверх!

И гимн звучал,
и подымал полмира,
И флаг
зарёй
Полнеба освещал,
И к единенью призывала лира,
И дух любви над Родиной витал!

Не властен
своё время я
отдать,
Не разменять на нынешнее время,
Хоть манной с неба
сыплют «благодать»
Уста вождей
И в душу, и на темя.

2003 г.

Конъ

Я уйду за тёмный лес,
За ручей уйду игривый.
Говорят: там сто чудес,
Бродит конь там долгогривый.

Из ноздрей его огонь,
Острый глаз косит, пугая.
Весь клокочет, бьёт ногой,
Нетерпеньем полыхая.

На него вскочу — и враз
Он помчит меня в игрище.
Слёзы — брызгами из глаз,
За спину ветер свищет;

Пыль — столбом — под небеса,
Топотом нальются дали!
Есть на свете чудеса,
Прочь невзгоды и печали!

Ах ты, конь, ты мой!
Мечта!..
Несборкованная птица!
Унеси меня туда,
Чтоб назад не возвратиться.

2003 г.

Не время ль?

Сдвинулись мы, но не в сторону,
Мы отступили назад.
Мечутся чёрные вороны,
Совы надрывно кричат.

Ухают в ельнике филины,
В бездну летят кирпичи.
Тёмные наши извилины,
Как под карнизом сычи:

То заливаются хохотом,
То в них смятенье, то лай...
Кто-то ворочает воротом
Мой неухоженный край...

Будет ли, нет просветление?
Вникнут ли в сердце слова?
Гордое наше терпение
Рвётся, как бечева!

И отступать уже некуда,
И не пробиться вперёд...
Выслушать есть когда,
Некогда ль
Тихий, но грозный народ?!

2003 г.

Перебор

Не болен я и не здоров,
Меня корёжит и сопливит...
По наущенью докторов
Бутылец водки в меня вылит.

О, этот огненный кураж
Меня сорвал с больничной койки!
Мороз. Пурга. А я на пляж
Сбираюсь, как алкаш с попойки!

На мне трусы и поясок,
Через плечо висят кроссовки,
И я – к двери..наискосок,
Мимо вертящейся тусовки –

И – за порог!..
А мне кричат:
«Хоть прихватил бы сигареты!»
И – тьма... И вижу как сейчас:
Глаза вахтёра – как монеты.

2003 г.

В пургу

Я зайду в снега,
Завихрюсь,
Засвищу вослед пурге!
Я твоєю ласкою выпьюсь,
Съемся рыбкой в пироге...

Навострю, намажу лыжи
И тихонько в лес уйду.
Ты меня, конечно, слижешь,
Если я к тебе зайду!

Пусть не видит твоё око.
Хоть и знаю:
Любишь, ждёшь...
Жутко в бурю,
Одиноко,
Будто чуешь чей-то нож!

Будто рядом, хоть не виден,
В тёмных елях лютый зверь...
Не сердись; я безобиден.
Приоткрой немного дверь!

2003 г.

У окна

1

Вот на кухне – хорошо!
На все сто – удобно!
Засмотрелись в синий шёлк
Вымытые окна.

На земле белым-бело.
Крыши – словно ризы.

Как зарёю налило
Красные карнизы!

Южный ветер.
Но зима
Холодней и круче.
Клёво в снежных закромах,
А на кухне — лучше!

2

От зимы осталась третья.
Солнце всё бодрее.
Хорошо в окно смотреть
Возле батареи.

За двойным стеклом пурга
И мороз лютует.
Босая моя нога
Холода не чует.

На трубу смотрю в окно —
Дым столбом и шапкой;
Голубое полотно
С белою обкладкой

2003 г.

В округе

Снега взметнулись и присели.
На поле — вязаная шаль.
Сквозные дали прояснили,
На дно души сползла печаль.

Бежит возок. Скрипят полозья.
Вблизи копён чернеет ряд.
Как на рябине в осень гроздья,
Созвездья на небе висят.

В округе тихо и спокойно.
Уходят мысли в небеса.
А на краю земли законно
Зарозовела полоса.

2003 г.

Помолись

Как ненастье или разлука,
Как свет белый не по глазам,
Я возьму тебя на поруки
И за всё рассчитаюсь сам.

Отведу я тебя в сторонку:
Тут постой и покарауль,
И увидишь, как струйкой тонкой
Просечёт меня трасса пуль.

И не надо тебе томиться,
И не прятаться за ухаб...
Об одном прошу: помолиться
И чуть-чуть погrustить хотя б.

2003 г.

Первые дни

Нас март обрадовал теплом,
Хоть из снегов не выжал воду.
Я выдаю ему диплом
За столь чудесную погоду.

И пусть всего четвёртый день,
Как заглянул он в наши веси,
Чуть-чуть короче стала тень
И лучезарней стали выси.

Лучи подобьем опахал
Бескровные ласкают лица,
И лес впервые услыхал
Весенний наигрыш синицы.

2003 г.

Весна

Чарующей весны творящая рука
Сметает рыхлый снег и разливает краски,
И тёмные с небес уносит облака,
И протирает звёзд серебряные чашки.
И раздвигает даль, и подымает высь,
И чёрный ёщё лес вороньим полнит граем.
И на пустом холме в предчувствии травы
Растаял ком земли, всё ею прогреваем.

Высокая вода в проснувшейся реке
Слагает песнь любви для опущенной ивы.
И слушает напев, присев на бугорке,
Лягушек хоровод, глазастый и болтливый;
Казармы воинов, дворцы секретарей
Таит в себе прибрежный муравейник.
А вот и сам угрюмый муравей,
Как на дозорный столб, вползает на репейник;
Он, видно, главный страж всех крепостных ворот,
Но у руки весны свои ключи к запорам:
От южных и до северных широт
Всё под её животворящим взором.

И я почти ожил; с почти незрячих глаз
Сползает пелена, как утренняя дымка,
И острыя, как нож, боль тихо улеглась,
Как будто, невредим, вернулся с поединка,
Крови поток быстрей несётся в берегах
И размывает в прах осевших тромбов кручи,
И чувствуется, как в ослабленных руках

Уверенность растёт, подобно грозной туче,
Которая хранит глухие голоса
И мощный блеск копит, в себе скрывая,
И вдруг – взрываются! И света полоса
Бьёт по глазам, слепя,
И – тьма, как галок стая!

Так возрождает нас творящая рука
Весны, вернувшейся и на поля, и в душу;
И зеленеет луг, и светится строка,
И талая вода напитывает сушу,
Которой предстоит из лона своего
Насосами корней гнать сок в ростки, в цветенье;
Весна вливает в нас любви живой огонь
И к небесам стремит духовное горенье;

И чувства светлые, и мысли чистый свет
Исходит из души, все грани проникая,
И в нас как бы воскрес Создателя завет –
Мы к ближнему идём, добром к нему пылая;
И в глубине сердец несём ему слова,
Которых он от нас, немотствуя, заждался,
И тем же жаждет сам, услышавши едва,
Нас щедро одарить. Но ждал, но сомневался.

Развеем, о друзья, сомнений наших сеть;
Мы вышли в дальний путь, но нет пути без веры,
Лишь с нею нам дано преграды одолеть,
Дано перетерпеть превратности Химеры;
Не станем мы гадать, что будет в тех краях,
Куда плывём мы все, пройдя свой путь короткий;
То – дело осени!.. Шуми, весенний стяг!..
А крики воробьёв, как выдержки из сводки
О том, как движется и чем живёт весна;
И если над водой его крыло, как парус, –
Не так уж далеко находится она,
Не так уж долго ждать тепла её осталось.

И вот она, блестя, ступила на порог,
Упругою рукой скользнула о перила,
И хрупкого тепла, смеясь, пролила рог
И скромно вербные серёжки опушила,
Зажгла тюльпан дорожным фонарём,
Слепой подснежник вывела из плена
И положила глаз на мёрзлый водоём,
Где из-под льда, шипя, струилась пена;
Откуда-то стеной накатывает зной
Пространство, что в свой час от холода кололось;
И воздух искристый уж полнится грозой,
И где-то первый гром уж пробует свой голос.

2003 г.

Расстались

Белый снег.
Дорога торная.
И бесцветны небеса.
Укатила моя вздорная,
Моя гордая краса
На машине позолоченной...

С Богом,.. с Богом,.. в добрый путь!
Не скажу я, чтобы оченно,
Но, грустя, заныла грудь.

Вон из глаза, вон из памяти!
Накачу стакан вина.
В сумерках, в туманной замятыи,
Не слышна и не видна,
Растворилась ты кометою,
Промелькнувшей невзначай...

Я полчасика посетую
И уйду к друзьям пить чай.

2003 г.

В переходе

Мой век – бандит и моралист.
Его в больших грехах зачали.
Бренчит в проходе гитарист
О немоте своей печали.

В проходе круглый потолок
С такой акустикой отменной,
Что голос хлещет, как поток,
Захлёбывающийся пеной.

И слышится в захлёбах плач
И стон рассерженного ветра,
И видится: стоит палач
Не далее от жертвы метра
И ждёт отмашки; но рука
Остерегается и медлит...

А голос мощью всей колеблет
Крутые своды потолка!
От них, обваливаясь вниз,
Распахивает настежь двери,
Зевак вышвыривает из
Цивилизованной пещеры;

Он зол, он дик!
Но перед ним
Пустынная томится кружка...
Проходят всё: слепой с глухим,
Рубль опускает лишь старушка.

2003 г.

266

Солнечные брызги

Серпа трепещет остирё.
Свирепой выюги стихли визги.
Пусть бросит март в лицо твоё
В морозце
Солнечные брызги.

Не прячь лица,
Не отводи
Потока брызг своей ладонью:
За уваженье – впереди
Он одарит тебя любовью,

И в синеокости его
Ты захлебнёшься и утонешь.
Вот так струну, бывает, тронешь –
И нет блаженней ничего!

2003 г.

Две стихии

Ты мне вчерашнее прости.
Прости позавчерашище.
Воды не удержать в горсти:
Попытка – дело зряшное.

На листьях ветру не лежать:
Лист – то ребром, то – вывертом;
Присел, вздохнул – и вновь бежать
Под шелком неба выгнутом.

Любви в руке не удержать,
Как на игле – монету...
Любовь не надо звать и ждать –
Пришла, прошла – и нету.

2003 г.

К требователю

Любитель кухонь, кабаков
В свежепростиранной рубахе,
Ты любишь лапой об стол бахать
В среде подобных добраяков

И брызгать пенною слюной,
И палец воздвигать свой в небо,
И требовать вина и хлеба,
Не надломясь в трудах спиной!

О, режиссёр стихийных драм!
Смакни слезу и вытри слюни,
Не распускай пред миром нюни
И не устраивай бедлам.
...Стране труды нужны и храм!

2003 г.

Связь

Болота. Заросли. Пещеры.
В корягах роется река.
Здесь древность плятится из щелей
Тяжелым взглядом остыка.

И всхлипы дальние,
И вздохи,
И плач совы, и волчий вой –
Как все умершие эпохи
Перекликаются с собой!

Стою над ними...
Надо мною –
Синеют неба лоскуты,
Как пробиваются сквозь хвою
Не мира здешнего цветы.

Здесь, рядом, холодно и душно.
Переплелись и быль, и явь...
И только время
равнодушно
Проходит,
Ничему не вняв.

2003 г.

Обережь

С желаньем не справлюсь,
Хоть трижды мне горло режь!
Отвергнув и прокляв железный прогресс,
Иду любоваться на тихую обережь:
На вольную воду,
На вдумчивый лес.

Сияют,
трепещут лучи на поверхности
Еле взывающей томной воды,
На листьях,
сомлевших
От солнечной нежности,
На крыльях стрекоз из прозрачной слюды.

Здесь сердце отходит
От гула железного,
И вновь оживает и любит душа,
И глаз прозревает и видит
презренного
Путника
В стройных лесах камыша.

2003 г.

Цвета земли

Цветы, как выюги, землю замели;
Куда ни глянь – с рассвета до заката –
Цветы... цветы...
Но есть Цвета Земли:
Окоп
Кладбище,
Обелиск солдата.

Как вопль небес – страданья и печаль
Времён теперешних,
Прошедших
И грядущих;
И над глазами – траурная шаль
Всех женщин,
По родной земле идущих.

Цвета Земли...
Всё чаще кровь да кровь,
И лица, наклонённые над гробом.
Любовь – есть Бог...
Но где же ты, Любовь?!
Весь мир залит слезами,
Болью,
Стоном.

2003 г.

День скорби

Без ярости, без гнева,
С печалью в глубине
Оплакивает небо
Погибших на войне.

Поприутихли грозы.
А дождик тёпл и тих...

Наверно, это слёзы
Их душ о нас, живых

2003 г.

Молитва

О Господи!
Благослови мой путь,
Наставь на истинное направленье,
Чтоб обойти глумливую толпу
И не познать заноз её язвленье.

От первого на этом свете дня
До этого, когда пишу, — мгновенья
Вся тяжесть бытия свалилась на меня,
Испытывая дух сопротивленья.

Пока огонь душевный не потух
И ум не помутился в споре грязном,
О Боже правый, укрепи мой дух,
Чтоб не поддаться скверне и соблазнам.

2003 г.

Помнить

Важнейшее начало из начал —
Не опуститься в суете до мщенья.
Его оплёвывали —
Он молчал,
Прося для них у Господа прощенья.

Никто здесь, на Земле, нам не судья,
Лишь Небом и судим я, и караем.
Мы — каждый — на подмостках бытия
От тяжести грехов своих страдаем.

Смирясь и разуверившись во всём,
Как ярые участники корриды,
Себя самих мы в жизни не спасём,
Спеша судить нанесших нам обиды.

2003 г.

Bera

Начать всё с белого листа,
Отбросить всё, что было прежде.
Дай Бог мне и в конце моста
Не разувериться в надежде,

Что я на берег тот ступлю
И просияет мне очами
Та, та, которую люблю,
Которую желал ночами,

Которой верю,
как мосту,
Что вынесет меня на берег,
В её любовь и чистоту
Не за металл колец и серег,

А за желание любить
Отчаянно, вразрез дремотью,
За то, что лучше уж не жить,
Когда не жить одною плотью.

2003 г.

Не обмани

Зачем ходить с душевной болью?
Зачем себя, тебя терзать?
И как я всей моей любовью
Могу любимой доказать,

Что я одной лишь ею полон,
Что полон я лишь ей одной...
А сверху стонет чёрный ворон:
– Не пой, красавица, не пой!

2003 г.

Необузданность

Когда душа огнём пылает,
Когда в груди костёр горит,
Не лучше ль слушать, дорогая,
Что нам природа говорит?

Но мы не видим и не слышим,
И в необузданном пылу
Прерывистей и чаще дышим
И жаждем видеть на полу

Не нас, припавших на колени,
Просиящих зло и гнев простить,
А – супротивника, – в смятенье
Прильнувшим ноги оросить.

2003 г.

Презрение

Такой
Непредвиденный выворот,
Как яд – из пчелиных сот,
Берёт меня время за шиворот
И – пьяного будто – трясёт!

Верчусь
Под литыми ручищами
И чувствую: силы не те...
Хочу отбояриться тыщами,
Пока – никого.

В темноте.
И роюсь в карманах...

Но – резкое,
Как молния из-за угла,
Таращится
око вселенское,
Пронзая насквозь,
Как стрела!

2003 г.

К брату

Мой милый брат
Со мной в раздоре,
В обиде, как в руках огня...
О, милый брат!
Раздор есть горе
И для тебя, и для меня...

В разлуке чувства поослабли...
Но в нас одна струится кровь!
Давай отбросим злости сабли
И вознесём на щит
ЛЮБОВЬ!

Пусть будет проклят победитель
В сей необъявленной войне...
Любовь, любовь – путеводитель
Меня к тебе, тебя ко мне!

2003 г.

К столице

Гляжу на жизнь не из столицы,
Не из Садового кольца...
Когда б ты, милая СТОЛИЦА,
Увидела черты лица

Той женщины, что из глубинки,
Её потухшие глаза,
Уста и щёки без кровинки,
Где след оставила слеза,

То поспешила б заказать
Ты по душе своей поминки!
И молча, обходя народ,
Сама взошла б на эшафот!

2003 г.

К Грузии

Грузины!
Дети гор!
Услышьте слово
Из чистых уст и трезвой головы:
Забыли вы Ираклия Второго,
И – опустились, и – упали вы.

Ираклий был умён и дальновиден.
А вы попрали ум его и честь...
Не на соседа надо быть в обиде,
А на своё невежество и спесь.

У нас навеки с вами порубежье –
Не разрубить его, не разодрать!
И нам в хаосе диком разнобежья
Друг другу надо лишь добра желать.

Неужто там, где петь должны свирели,
Сойдутся рати противостоять?
Вас не поймёт ваш символ –
Руставели;
И что б на то Иосиф мог сказать?

Который век мы рядом.
Стремя в стремя!
И вдруг вы отвернули – и в намёт!
Велик соблазн!.. Но надо слушать время:
Оно не к битве, а к любви зовёт!

2003 г.

Вино

Пью красное вино «Киндзмараули»
И вижу: где нависшая скала,
Стоит грузинка.
Водопадом – кудри;
И вдалеке парящего орла.

Красивый тонкий стан овит шелками.
О чём-то шепчут тесные шелка
С пленёнными до самых стоп ногами
При лёгком вздохе рядом ветерка?

Овал бедра – источник вожделенья,
Изгиб руки изящно утончён.
И в спящем камне вспыхнет вдохновенье,
И камень тот под стопы лечь польщён.

Чернее ночи блеск бровей крылатых,
И из-под них – такой же тьмы – глаза.
Века назад – здесь меч гремел о латы
За право первым слово ей сказать!

Теперь ешё,
Когда гранит, как саблей,
Лучом горячим солнца расщеплён,
В прожилках трещин проступают капли,
Пропитанные кровью тех времён...

Сползло на горы покрывало ночи.
Я пью вино и вижу в глубине
Грузинки той улыбчивые очи,
Дарящие покой и радость мне.

2003 г.

Приметы

Луна что гнилая полушка
На дымчатом поле небес.
Печально кукует кукушка
На голый, безлиственный лес.

А есть у народа примета:
Коль голос до листьев,
До гроз –
Не будет хорошего лета
И может случиться мороз.

О рода людского мученье
От этих примет и причуд.
Клокочет над нами теченье
Лукавых часов и минут.

Мы ждём: пронесёт или грят
На головы наши печаль?
О, как ожидание ранит,
Как душу смятенную жаль!

2003 г.

Надрыб

Привет, свободная Россия!
Уж скоро минет двести лет,
Как окна изб твоих резные
Воспел твой искренний поэт.

В строках, отточенных и точных.
Вобравших размышлений плод,
Он не щадил господ порочных,
Не выгораживал народ.

Всё чёрное назвал он чёрным,
На светлое сказал: светло!
Не недосказанным, не спорным
В его устах добро и зло.

И вот через полутораста
Годов, мелькнувших тенью орд,
Ещё наглей чиновья каста,
Ещё униженней народ!

Оковы не разъединились,
Не изжила себя вражда,
Рабы всё не переродились,
Гнусней и глупше господа.

И власть – от низшей до верховной –
Сама собой увлечена!
Так надрывается духовно
Когда-то мощная страна.

Прощай, великая Россия!
Уж не улыбку на устах –
Я вижу смерчи огневые
В твоих измученных глазах.

Я вижу в образе, в походке
Не ту, которая цвела,
А одурманенную водкой,
Переломавшую крыла.

Я вижу, как ты непоклонно
Упала и лежишь в пыли
И тех, которые спокойно
Тебя к падению привели.

Я вижу, как они фарциют,
Справляя собственный уют,
Как у тебя тебя воруют,
И продают, и предают!

2003 г.

Волшебство

Как часто в утреннем дыханье,
В дыханье ветра озорном
Я чувствую существованье
Как бы грядущего в былом.

Или во сне мне это снилось,
Или подслушал чью молву,
Как бывшее преобразилось
В то, что я вижу на яву.

И дивный голос, будто чудо,
Мне говорит на всём пути:
«Что видишь – верь! Это оттуда,
Которое должно прийти».

И я стою, как на распутье
Мной неопознанных времён;
И ускользающей минуте
И дню, и часу – удивлён.

2003 г.

Сургуту

И
Открылся простор –
Дух застыл перед ним!
Во все стороны света, по всем направленьям
Бесконечен,

обманчив,
колюч,
нелюдим,
но влекущий и жаждущий с нами общенья.

Здесь морозы – как звон,
как проклятие – мгла!
От работы мозоли буграми вскипали.
Я хотел, чтобы город расправил крыла,
чтоб они из болот его к Солнцу подняли!

Я влагал в него душу и разум влагал;
сваи в хлябь погружал, пока в твердь не упёрлись.
я тянул его кверху,
я ругался и лгал
и всё думал, чтоб крылья его распостёрлись!

И – они распостёрлись!..
И мир изумлён
их размахом, и мощью, и царственным взлётом!
Я растил этот город под шелест знамён
и любуюсь теперь
его зрелым полётом!

Этот город возник в необжитых краях
как форпост,
как оплот необъятной России.
этот город
стоит
на бетонных корнях –
и НИЧТО
его сдёрнуть и сдвинуть
не в силе!

2004 г.

Ослепший

Отверг. Отрубил. Отлукавал.
Ушёл – не винясь, не скорбя.
Не только её ты оставил,
Ты в чём-то убил и себя.

Не надо доказывать. Точка.
И видно, и ясно без слов...
Тихонько на край узелочка
Слезою скатилась любовь.

След горький не влажен, а жарок!
И вспыхнула вдруг красота,
Как в камне разрушенных арок
Сиянье святого креста.

2004 г.

Огонь

Памяти Марины Цветаевой

Снег вытаивает.
Тишина...
Марина Цветаева,
Кипит глубина
Огня небесного
В твоей душе.

Из зева тесного,
Плавя клише,
Хулой не сбитый,
Сплошной огонь!
Живой, сердитый –
Его не тронь –
Прожжёт, не жалкуя,
И – дальше жечь!..

Крутая, яркая
Русская РЕЧЬ.

Тумном стелется,
Росой кропит,
Седой метелицей
В лицо ракит
Плеснёт – и оглянется:
Мол, не со зла, –
И жить останется,
Светла, бела.

В тиши ль, на площади –
Всюду своя:
В выдохе: Господи!
В возгласе: Я!

Даль ею полнится,
Ею – цветёт...
Марина – поломница
Звучных высот,

Вовек на гребне ты!
С него не сбить,
Как с берёз бересты
Не соскоблить!

2004 г.

Преодоление

Как от ходьбы устали мои ноги,
Как при ходьбе надрывно дышит грудь,
Когда-то я свалюсь среди дороги,
И на земле окончится мой путь.

Я прошагал немало километров.
И прежде, чем подняться на крыльцо,
Сполня познал, как бьют наотмашь ветры,
Как грязь швыряют в душу и лицо.

Я знал, что непогодь подточит силы,
И помнил: остановка – это смерть!
Как звонко сердце отдыха просило,
А дух как бы приказывал: «Не сметь!»

И я, не останавливаясь, плёлся,
Заране зная: завтра вновь пойду...
Так я с своей усталостью боролся,
Так забывал усталость на ходу.

2004 г.

Раскаяние

Мысленно могильный вижу холмик,
Мысленно к нему я подхожу;
Слышу, как невидимый дуковник
Отпевает умерших...
Слежу...

И меня охватывает трепет:
Здесь лежат мои отец и мать:
И душа молчания не терпит –
Рвётся сокровенное сказать:

– Дайте мне
За жизнь мою прощенье!
Знаю: я не сладок – дерзок был,
Отвергал ремень и поученья,
И страдал, и искренно любил...

Тихое и ясное свеченье
Словно дух исходит из земли...

Вижу их: как будто по течению
Вод они — рука в руке — пошли.

Скорбные, согбенные фигурки
Застылает плотная слеза...
Всё исчезло...
Помню только руки,
Как бы вросшие в мои глаза.

2004 г.

В феврале

Надоело бегать по снегам.
Пробежать бы по траве росистой,
Притулиться к тёплым берегам
И заслушаться пичужьим свистом.

Пусть бы надо мной смеялся враль —
Птица, уводящая с дороги...
А пока что вьюжистый февраль
Заплетает пеленою ноги.

Лето ещё за девять земель,
Без колёс пока ещё телега...
И тихонько греет душу хмель
На глазах сверкающего снега.

2004 г.

Приобье

Я
мало странствовал
По свету;
Я лучшей доли не искал.
В полях я кланялся рассвету,
В горах закату присягал.

Ветра давили в грудь и в спину,
Пургою путались в ногах,
Толкали в омут и в трясину
Вот здесь,
На этих берегах.

И я в них врос!
Я въелся ржавью!
Мой дух сошёл к ним
И – объял;
И нежь души,
И мощь державью
Любовью звёздною связал.

По мне
Сахара – льдами выстыни;
Оденься полюс в плоть земель...
Приобье – парус мой
И пристань,
И птиц уставших
Колыбель.

2004 г.

Восхищение

Спустилось солнце за конец деревни.
Улёгся шорох;
Дым прильнул к земле.
Как на лучах луны висят деревья,
Листок огня шевелится в золе.

Смотрю
В ночное небо в изумление
И восхищаюсь кровотоком жил:
О Господи,
Как велико творенье,
В которое
Ты разум свой
Вложил!

2004 г.

Бытовуха

Ничего не льётся в ухо
Из заоблачных высот.
Навалилась бытовуха,
Где всё тлеет и течёт;

Где электрик изощрённый
С пробкой вкрутит вам «жука»,
Где сантехник умудрённый
Вновь сваляет дурака;

А расчётливые ЖЭКи
Вас во всём и обвинят,
И в платёжном вашем чеке
Сверхпроценты навероят.

Ничего не слышит ухо
Из заоблачных высот:
Задавила бытовуха –
Даже конь Пегас
Не ржёт!

2004 г.

К пурге

Плюну на печаль свою,
Пива пенного налью,
Отопью глоток-другой –
И заговорю с пургой.

Что, сестра моя пурга,
Завалила берега,
По которым я ходил
С хороводом заводил?

О пурга, моя сестра,
Помнишь, как ты вокруг костра

Бегала и обожглась,
И слезами пролилась?

Не сердись: костёр небес
Затолкает тебя в лес,
Обогреет берега...
До свидания, пурга!

2004 г.

Бегство

Без сандалий и без сорочки –
Только с рифмами на слуху
Убегу я в глухие строчки,
В поэтическую чепуху,

И укроюсь от диких воплей,
Не умеющих плавать людей,
Что в нужде и в вине утопли,
Пооставив сирот-детей;

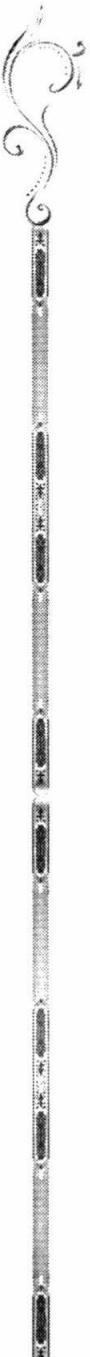
Но и там, за аурной дымкой,
Не избавлюсь, наверно, я
От сквозящего невидимкой
Одуряющего бытия.

2004 г.

Жду

Нам сговориться нелегко
С тобой о встрече и свиданье:
Ты где-то там, ты далеко,
Ты на задворках Мирозданья...

Я вглядываюсь в глубину
Цветущего звездами неба
И вижу там тебя одну
У края, стынущую немо.

Кричу тебе я в пустоту,
Но пустота молчит и дремлет.
Найду ль когда-нибудь я ту,
Которая мой крест разделит.

Найду ль я ту, что боль и страх
Разделит поровну и точно,
Как и улыбку на устах,
И торжество зари восточной?

Но – нет ответа... Я один
В кругу и вихре заблуждений.
С каких краёв, с каких средин
Мне весть подаст всесветный Гений?!

2004 г.

1 апреля

В Европе холодно и сыро,
И пахнет кровью ледяной.
И где-то шествует секира,
Приосвещённая луной.

Она пока ещё далече.
Но назначение её
Не соглашает, а перечит
И отравляет бытие.

К ней рвутся руки...
Как их много,
Желающих махнуть сплеча,
Чтоб кровью залилась дорога,
И захлебнулась в ней свеча.

И так не раз, не два бывало:
И разверзались небеса,

Когда над миром проплывала
Войны железная коса.

2004 г.

Что вижу?

Глаз мой с данностью столкнулся,
Что жива из века в век:
Мир как бы перевернулся
И стоит на голове.

Нет ни проблеска, ни света.
Волчьей стаей – темнота.
Не поднята, не согрета,
А прибита доброта.

И её, ввергаясь в драку
И заглазно лишь любя,
Как бездомнью собаку.
Гонят люди от себя.

2004 г.

Дрёма

Устав от чтива и от чтения,
Решил я малость прикорнуть.
Прикрыл глаза – и вмиг течение
Меня втянуло в свою муть –

И сразу – вниз! Ко дну – и булькало,
Как из бутыли надо мной,
И словно – слышалось – мяукало
Продрогшей кошкой за стеной, –

Но что?..
В догадках тёмных путался;

Пытался вникнуть, объяснить,
Как вдруг о камень донный стукнулся
И стал к поверхности скользить...

Глаза открыл –
Всё в том же кресле я.
И сух, как в воду не входил...
И только кот мой – рыжий бестия –
Лежит, мурлыча, на груди.

2004 г.

Крест

Россия!
Кто тебя изведал?
Кто душу русскую постиг?..
И тот, кто сыто отобедал,
И кто к губам твоим приник,
Не видно, чтобы изумился
Твою истиной простой
И бескорыстно насладился
Непреходящей красотой...

Смотрю:
Какие росы в поле!
Наступишь – море,
Океан!
Но нет тебе счастливой доли,
И от любви не каждый пьян.
И только ветры, как шальные,
Ревут; и пыль в глаза и рот;
И только бабы, как немые,
С седой печалью
У ворот...

2004 г.

К буре

Буря,
Что по полю скачешь?
Что ты буйствуешь в потьмах?
Или путника дурачишь?
Иль с собою не в ладах?

Не меня ли ты заводишь,
Чтоб и я вот так, как ты,
Выплеснулся бы в половодье
Каждодневной суеты?

Если б ты остановилась
И взглянула на меня,
То сама б ошеломилась
О торец гнилого пня!

2004 г.

Обман

Даль пожарами дымится,
По жнивью ползёт туман.
Скорбь в глазах твоих томится,
Видя, как воспрял обман.

Видя, как он горд и весел,
Как его пылает взор,
Как оплёт его вокруг чресел
Им невидимый позор...

Потому и скорбь с тобою,
И одета ты в печаль.
Не закрыться городьбою
От интриг его...
А – жаль!

2004 г.

Снисходительность

Мне белый свет не делал зла
И не подкидывал поблажек.
В глаза смеялся, как с осла,
За череду моих промашек.

Любитель вздора и утех
И снисходительно улыбчив,
Он городил стену помех.
А я, не будучи обидчив,

Привычно жил.
Писал – как жил.
Порою резко, порой грубо –
Но не писал хвальбы и лжи,
Боясь о них порезать губы.

2004 г.

Кара

О русский человек!
Ты – из каких чудес?
И держит на плаву тебя какая сила?
Отверженный всего, ждёшь блага от небес.
Но власть
и здесь
Тебя опередила!

Она тебе сто раз докажет:
– Ты не прав!
Мозги перевернёт крутым напором,
Во всех цветах чиновный явит нрав –
И ты, стыдясь, признаешь себя вором.

Извечна
Горькая и подлая судьба

Простых людей в Отечестве любезном:
Как будто и рождён без признаков раба,
Но доказать им это
Бесполезно!

Согбенный до земли,
О, русский человек,
Возвышенной душой ты в облаках витаешь...
Но как бы ни давил тебя жестокий век,
Ты разгибаешься и побеждаешь.

2004 г.

Галактиону Табидзе

Беседка. Столик.
И «Киндзмараули...»
Ты пел. Я плыл в родительской крови.
Когда б мы свиделись – мы б утонули
В вине, в стихах, в сказаньях о любви.

К немым созвездьям плыл хребет Кавказский;
Горел ледник, и рядом с ним – Луна.
Смотрели мы без страха и опаски
На бег Бараташвили скакуна.

Взвивались искры с-под копыт от камня,
Вытягиваясь в огнецветный шлейф,
Разнообразя звёздное сверканье...
И мы глядели в небо ошелев.

И – помнится: тот день – была суббота.
А завтра – воскресенье – пир богов!
Ты пел... Из строк твоих лилась свобода
И утекала в глубину веков.

Свобода гор превыше истин вечных!
Свет звёзд вбирал и преломлял кристалл.

Так ты букет порывов человечьих
В себе одном носил и сочетал.

Текла свобода до владений Пинда
И обжигала души за версту;
И вот она тоскует над Мтацминда,
Как женщина, чей воин на посту...

А Грузия кипит в эксперименте...
Твой дух следит развитие его
И на национальном инструменте
Наигрывает вечный «Сулико».

2004 г.

7 июня 2004 года

Памяти моего папы
Антохина Кузьмы Ефимовича

Печальный день...
Уже три года,
Как ты ушёл, как нет тебя...
Цветёт беспечная природа...
Лишь иногда, как бы скорбя,

Уронит сверху горстку капель
Из глаз небесных – горстку слёз,
Что серебрятся в хвойной лапе
И в нежных кружевах берёз...

А я скорблю
и вспоминаю
Твой взгляд, походку, голос, лик
И запоздало понимаю,
Как на земле ты был велик!

Пусть неизвестен...
Но в России
Таких мужей не перечесть;
Любовью их,
Умом,
Усилем
Все беды русские осилим
И возродим державы честь!

2004 г.

Место

То ветер –
И дышишь, песками давясь,
И волосы – вдыбь,
Как стерня в страдованье;
То дождь –
И шипит пучеглазая грязь,
Вползая в обутки и множа страданья.

Зима – и поблажек опять никаких;
И воздух колюч, как ежовы одежды;
И мечется выюга, бросаясь, как псих,
И нет
от неё увернуться
Надежды!

Здесь жить невозможно!
Но я здесь живу,
И послан сюда
Своим собственным зовом.
Я жилы минувшим столетиям рву,
И слух мой
Железным здесь полнится звоном!

Не прорвою денег – отрадой жишу –
В чьей пене он тонет и мыслью, и телом –

Я здесь дивиденды
не ждал и не жду,
Я – жил и живу
И – хорош своим делом!

Средь белых ворон, может, всех я белей.
Скажу откровенно:
– Не лебедь я белый...
Отметив последний – в живых – юбилей,
Меня похоронят в томах табелей,
Где значился я,
От любви ошелелый!

2004 г.

Лето

Июнь дошёл до половины.
Гуляют грозы, льют дожди.
Пора цветения рябины,
А там – налива ягод жди.

Нарцис отцвёл.
И одуванец
Золотоглавый поседел.
Он – как среди песков афганец –
Чалму на голову надел.

И, как от жизни отрешенный,
Томится в полузыбытии...
Так я,
Почти опустошенный,
Воспоминаю дни свои.

Я вижу хутор свой умерший,
Где мы – босая ребятня,
От игр и счастья очумевши,
Светились – будто из огня!..

А лето красочней и жарче!
И скоро вспыхнут роз костры.
...Приходят яростней и ярче
Тех, что цвели до сей поры.

2004 г.

Ожидание

Мы – в ожидании грозы.
А будет, нет она – кто знает?
Нас ожиданье убивает,
Как яд настигнувшей гюрзы.

Гюрзу мы видим.
А грозу
Даже предчувствовать не можем.
В глаза вбираем бирюзу,
Доход с расходами итожим;

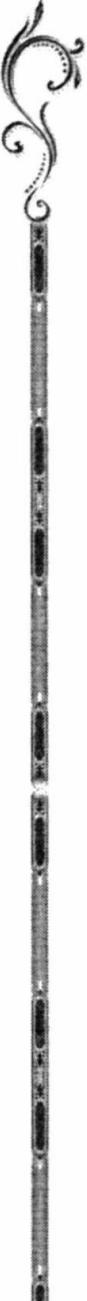
В итоге: обошла гроза,
Над головой небес безбрежье...
И подползает, как гюрза:
Безденежье и безнадежье.

2004 г.

Источник

Заря ли,
полночь,
Полдень ли высокий,
По весям проходя и городам,
Я чувствую, как корни гонят соки,
Давая рост деревьям и плодам.

Загадочен
Убор небес вечерних.
Земля ещё утробно горяча;

И вдруг
    до слуха
Из овражной черни
Доносится весёлый звон ключа.

Достали за день
    пыльная дорога
И зной, пластом лежавший на плечах.
И сами поворачивают ноги
К воде,
    блеснувшей серебром в лучах.

Я подошёл – и пью.
Я не могу напиться.
Всё тяется к источнику рука...
Россия – моя светлая водица
До самого
    последнего
Глотка!

2004 г.

Последствие

Как долго время тянется без действий.
И, выждавшая срок наверняка,
Не сознавая взрыва и последствий,
В душе селится серая тоска.

И начинает, будто моль немая,
Точить живой, несокрушимый дух,
Из мощи его силы изымая,
Перетирая их в песок разруш.

Чем бесконечней время это длится,
Чем тоньше рок интригу может плесть,
Тем глубже зарывается убийца,
И тем страшнее будет его месть!

2004 г.

Встреча

Как ветрено,
Как пасмурно вокруг
И пусто, словно вымерло всё вкупе.
Навстречу мне старинный школьный друг
В каком-то одеянье, как в тулупе.

— Что так одет? — я в лоб ему вопрос,
— Иль не тебя мои узрели вежды?
А он, кривясь, в меня глазами врос
И голосом, без чувства и надежды,

Сказал мне: Той поры прошли года,
И одеваюсь я во что осталось,
На кладбище ночую, а тогда
Оно мне омерзителным казалось.

Сошёлся с ними...
Я — как и они...
Нам чуждо празднование и праздность.
Я прежде плохо жил на трудодни,
Теперь — и трудодни бы стали в радость.

Мы истину тех дней не сберегли,
Хоть павшие беречь её просили;
Мы подло отвернулись от земли,
Короче — отвернулись от России.

Вот я перед тобой — живой порок,
Зачисленный не знаю кем в изгои...»
Я принял, как плевок, его упрёк,
Хоть менее других
Того достоин...

Он отвернулся и продолжил путь
Туда, откуда по утрам выходит.

А мне представилось, как бередя толпу,
В его обличье
Дух паденья бродит.

2004 г.

Юбилей

Разгулялась чайкой-то метелица.
Белой пеной ползут снега;
В четырёх шагах не узнать лица,
Закуржавели берега.

Эту осень
Я грустно праздную:
Выше крыши подпёр юбилей!
И не дань собираю,
А страдную
Горстку зёрен несу с полей.

Пашня ль худо была ухожена?
Пахарь страстно ль любил поддавать?
Злою ль засухой семя сожжено?
Срок нагрянул –
Нечего жать!

Горстка зёрен...
За этой малостью,
Если в суть её заглянуть.
И печалью, и болью, и радостью
Обозначен
Мой долгий путь.

Горстка зёрен...
И мыслью хлесткою
Стеганёт, как огня струёй:
Связан я
Этих зёрен горсткою
С древним духом земли родной.

2004 г.

Утро

Ночью — дождь...
Запах древний,
Краски, свежесть — пьянят.
От востока — деревья,
Как в алмазах стоят.

Луг — как будто дымится,
Сплошь в седом серебре;
С песней ранняя птица
Взмыла навстречь заре.

И звенящий комочек
В сочной голубизне
Из плениительных строчек
Песнь слагает весне.

Дышит грудь благодатью...
Из кустов, где ручьи,
Древне-русскою ратью
Солнце мечет лучи!

2004 г.

Сотворение

Господь сказал: «Огнём очищу;
Хаосу мысль и стройность дам.
Четыре ветра вдоль просвищут
И поперёк, сметая хлам,

За ветрами
Дожди прольются.
Смывая пыль с чела его,
И — жаждущие — все напьются
От силы Духа Моего.

Невообразимые пределы
Наполни разумом живым...»
И я представил
Лист тот белый,
Что распростёрся перед Ним.

Вселенная
ещё дымилась
И жглась огнём, такой чтоб стать,
А Он явил мне
свою милость
Его творенья
Созерцать.

2004 г.

Такие вот!

Гордимся своею осанкой,
И мощью своей щегольнём;
И с горки лобастой
На санках
Стакана в руке не прольём!

И даль нам – не далее локтя,
И высь – чуть повыше волос.
И если пошёл уж колоть я
Дрова – то все щепки вразнос!

И что нам упрёки, помехи,
И что нам людская молва...
Как жаль: мы не видим прорехи,
Одетые в наши слова.

А их не в слова бы – в заплаты,
Чтоб плоть не светилась насквозь...
Но рады тому, чем богаты,
Надеясь на «вдруг» и «авось».

2004 г.

Зяблик

Под сердце,
Под горло,
Под самое яблочко...
Брат, не жми на курок!
Зачем тебе
Горлышко серого зяблика –
Жизни певчей глоток?

Песня, взлетевшая к Млечному,
Она ли твой дух мрачит?
Не жми на курок,
Не перечь небу вечному:
Сам зяблик
в свой час
Замолчит.

2004 г.

Отречение

Опираясь
На душу резвую
И расплачиваясь головой,
Я, рискуя,
по самому лезвию
Обхожу звезду за звездой.

Рядом – женщина,
Ликом
равная
Лишь созданию в небесах!
Удержи меня, своенравная,
Я убьюсь на твоих глазах!

Да и легче мне,
убиенному,

Чем в печали по-волчьи выть,
Чем живому,
Несовременному,
Разучившемуся любить.

2004 г.

Не жду

Уходящее время – как ноль.
Приходщее – «икс» или «игрек».
За спиной, перед грудью – темно,
Как властей подковёрные игры.

И темнили, и будут темнить,
Опираясь на наше согласье.
Ариадны бессмертная нить
Обрывается в одночасье.

Я не жду покаянья во зле
И не вижу прозренья в исходе...
Золотая, как угли в золе,
По потёмкам
Душа моя
Бродит.

2004 г.

Обида

Ни тоске, ни ветру
Не сдамся!
Только шею круче согну,
Подыму воротник – и подамся...
В неизвестность, как в пропасть шагну.

Разобьюсь.
Изломаю ребра.
Раздеру и колени, и грудь...
Ты ж
останься

Красивой и доброй,
И развея мимолётную грусть.

Пусть на мне – ни лица, ни вида.
Я – отживший, почти невесом.
Переехала трижды обида
Через душу мою
Колесом!

Размягчусь я подобно сметане,
Рыбой в сетях забьётся слёза.
Пес бездомный
Навстречу мне встанет
И печально посмотрит в глаза, –

И поймет разуменьем собачьим,
Словно друг, опрокинув стакан,
Что такими слезами
Не плачут
Ни от счастья,
Ни по пустякам.

2004 г.

Круговорот

Ах, весна,..
Повысохли ручьи,
Солнце съело и слижало лужи...
Рано прилетевшие грачи
Поохрипли в предвесенней стуже.

Но июнь
Накатывал тепло,
Изумруды трав стеля под ноги,
Все живое в лето потекло,
Расточая пылкие восторги.

Гогоча,
Смеясь и расцветая,
Выступает, силой налитая
Плоть. И, зрея, к осени спешит
Воплотить начало в завершенье...

Вот слетает мертвый лист с ракит,
Вот снежинок первое круженье
И – зима! И выюги свист и рёв,
И морозы жгучи и спесивы!..

Жалко мне
Бомжей и воробьев:
Как-никак, а граждане России!

2004 г.

Скоро

Скоро
распрощаюсь
С белым светом...
И, как придорожная роса,
Буду унесён весёлым ветром
В дорогие сердцу небеса.

Оглянусь
На реки и на горы,
Гляну на поля – как их любил!
Дух взовьёт меня дорогой горней
Мимо звёзд, дыр чёрных и светил.

Как меня там встретят?
Иль не встретят?..
Жгут сомненья,..
Рвётся в муках кровь...
На Земле оставлю я рассветы,
В неизвестность унесу
Любовь.

2005 г.

Наблюдение

Меня
Слегка бросает в дрожь,
Когда смотрю:
    неторопливо
Проходит рядом молодёжь,
Из банок попивая пиво.

О, молодёжь так молода
И так в поступках безобидна!
Ей кажется, что жизнь – вода,
А воду пить и лить – не стыдно...

А я
    из глубины годов
Протискиваюсь с раздраженьем
И прямо высказать готов
Неуваженье с подозреньем

На то, что власть не может их
Занять иным, помимо пива...
А время
    тройкой вороных,
Не видя виражей крутых,
Летит
К исходу
    торопливо!

2005 г.

Помню

Помню –
Время вечерней вечернего:
Словно зёрна, ронял я слова...
Вылетая из мрака, из черного,
На лету их ловила сова.

Сколько раз подлетала –
Не помню я;
И считать мне – совсем недосуг:
Рядом нежилась самая томная
Из ступавших на Землю подруг!

И не помню
Ни тьмы и ни света я,..
Всех святых позабыл образа,..
Помню лишь,
    как печаль её светлая
Осеняла
Большие глаза.

2005 г.

На меже

Не от бед и не от боли
Что-то смутно на душе.
Переехал трижды поле,
Трижды плакал на меже;

Вдаль смотрел,
Видал кого-то,
Но кого – не разобрать;
Одолела глаз дремота –
Из травы собрал кровать

И к земле припал я ухом,
Помня вечные долги.
И придинулись до слуха
Чьи-то тяжкие шаги.

Я сжимался одичало:
Кто подходит? Чей тут путь?..
Это мать-земля стучала
Своим сердцем в мою грудь.

2005 г.

Сибирский тракт

Пустота на мгновенье очнулась
И зевнула беззубостью рта.
Подо мною дорога прогнулась,
И задергалась нечисть в кустах.

И пролились на весь околоток
Из забытых времен голоса:
Лязг цепей, скрип тесовых колодок,
Слезы падших, святых образа.

И безрукые шли, и хромые
Из времен, угодивших в провал;
Кто повторно, а кто и впервые
Эту серую пыль подымал...

Пустота невпопад улыбалась
Пенью, стонам, утратам любви,..
И – как плесень – дремала усталость
На обличье, лишённом крови.

2005 г.

Крест

Я шёл, задумчив, и набрёл на крест.
И сам себя спросил: «А где же есть я?»
И, оглядевшись рядом и окрест,
Я не признал ни места, ни предместья.

И подошёл поближе я к кресту,
И осмотрел его вокруг, и сбоку, –
И всюду видел только пустоту,
И в мыслях обратился я к пророку.

Волненье ль захлестнуло через край?
Иль начал страх чинить свою издевку?..

Вдруг — голос мне:
— Приблизься и читай,
И исполнил, насколько хватит веку!

Не зная своей участи конца,
Перекрестился я, поправил волос,
Утёр ладонью пыль с «его лица»
И стал читать, как повелел мне голос.

Идти на Запад — значит — на закат:
А это — тьма и мрак, и тлен загробья.
Восток — есть свет! Восток душой богат!..
О, как я этой истине был рад:
Ведь на Востоке ты, моё Приобье!

2005 г.

Признание

Моим мечтаньям сбыться не пришлось.
Меня, как лошадь, обратала леность.
Я помню: сколько мошек обожглось,
Даря огню любовь и откровенность!

Меня порою в плен берёт мгновенность,
И я ему безвольно предаюсь,
Хотя навечно потерять боюсь
Дарованную небом суверенность.

Во мне горит костёр житейских дум,
И я как ряный индивидуум,
Обязан поддержать его горенье.

И чтоб костёр мог сумрак пережить,
Бросаю я в огонь дрова души:
Дарованное небом вдохновенье.

2005 г.

Прости

Небесный свод. Луна и звёзды.
И золотой разлив зари.
И нескончаемые вёрсты
Дорог истерзанной земли.

Потухшие глаза старушек
И молодых в прищуре взгляд,
И овдовевших деревушек
По всей Руси
Щербатый ряд.

И говор, многим непонятный,
С самодовольством на лице;
И – шаг чужой,
Литой, печатный,
На государственном крыльце.

Прости, Россия.
Жить мне малость.
Да и твоя слабеет РЕЧЬ, –
Поскольку русских
Не осталось,
Её

Величие
Беречь!

2005 г.

Идти

Остановлюсь на перекрёстке...
В четыре разных стороны,
Где сквозь дубки,
Где сквозь берёзки
Дороги режут грудь страны.

Стою и думаю:
По той ли
Или по этой вот пойти?
Идти!.. Не оставаться в стойле
И стены смрадом не коптить.

Поскольку стойло есть погибель,
И я печатаю следы,
Хоть на лице небритом –
Выбелъ
Когда-то чёрной бороды.

2005 г.

Признание

Чему-нибудь
Обрадуюсь
И я.
Но что оно,
Что накатило б радость?
Измучен я теченьем бытия.
И подсекает сердце моё
Слабость.

Когда прикинешь, сколько отшагал,
То, кажется, не сделаешь и шагу!
И радуешься:
Родине не лгал
И мерзостям не предавал бумагу.

Пусть
большинство сочтёт,
Что это бред
И посмеётся всуе надо мною...
О, сколько б
страшных
Миновало бед,

Когда бы
ложь
Не правила страною!

2005 г.

К 100-летию сургутских библиотек

Библиотека на Бажова.
А где же ей ещё и быть?
Кто мог ещё родное СЛОВО
Самозабвенно так любить?

Кто мог ещё в Уральской глуби
Найти руду и так гранить,
Чтоб СЛОВО в жар сжигало губы
И дух могло воспламенить?

Чтоб образ,
Вылепленный СЛОВОМ,
Неся создателя печать,
Как в старом веке, так и в новом
Мог теми ж красками сиять.

Библиотека на Бажова!
Пройдёт полвека, век и... пять,
Ты будешь заново и снова
Друзей ПОЭЗИИ скликать!

2005 г.

Читайте!

Всё беспощаднее и круче
Раскручивает век свой нрав...
И вот уж интернет могучий
Отвоевал одно из прав:

Сидеть в тиши, неспешно мыслить,
С героем быть наедине;
Иль написать письмо и выслать
Век доживающей родне;

Или поковыряться в Дале,
Где предков ясные слова
Сведут и разведут печали,
И успокоят: «Русь жива!»

Да, тяжки новые вериги...
Но было б кратко тяжелей,
Когда б не вы, живые книги,
Сопутницы души моей.

2005 г.

О себе

Что-то
Задержалось
Моё время.
Видно, конь ослеп и закружил.
Звонкое в сенях ржавеет стремя.
А какая ржа в разводьях жил?!

Соли жизни
Засорили русло.
На изгибах — галька да песок.
Сквозь слезу, тягучую, как сусло,
Еле видит
Звездный сад
Зрачок...

Испарились сны очарованья
В серой мгле и тучах бытия;
Затерялось первое свиданье,
Как в снегах пустая колея.

Задержалось
Что-то
Мое время,
Словно всходы поздней борозды;
Саженцы садил я... сеял семя...
Где тот сад?
И где его плоды?

И вползает
В душу мне смятенье:
Неужели то, что видел глаз
Было чьей-то проходящей тенью,
Покрывавшей
пеленою нас?

2005 г.

Из детства

Шумят на ветру деревья:
Ясень, осина, ольха...
Деревня моя,
Деревня –
Косы да лемеха.

Да загорелые плечи
Женщин и нас – детей...
Где-то
Далече-далече,
Как древний грек Антей –

Пахарь славянский
Микула
Правит в рассвет борозду;
Длань его мощно метнула
В ковш медвежий узду;

И неостывшие капли
Пены, срывааясь с удил,

Солнечной тенью падали
Там,
где он
Проходил.

2005 г.

К душе

Что молчишь, душа моя?
Или ты уже согласна
С тем, что будни бытия
Обложили тебя властно?

Как в сухих полях цветы
Не внушают изобиля,
Так уже не в силах ты
Вскинуть к небу свои крылья?

Встрепенись!
О чём тужить?
Вопреки спесивой доле
Обязуйся высью жить,
Даже если ты в неволе!

Отрывай от праха плоть
К делу
даже и в субботу!
Бренным дням не обороть
Вещью
твою
Работу.

2005 г.

Исход

Травинка пробила асфальт.
Откуда у немощи сила?
Смотрю на разлом я —

И рад,
Что истина ложь победила.

Затяняется рана его,
Идущий затопчет травинку,
Но корень — вовеки живой,
Готовится вновь к поединку!

И сколько б ни минуло зим
И лет —
Исход будет тот же.
Дух творчества неодолим —
Он новое русло проложит!

2005 г.

Надеюсь

«Умом Россию не понять...»
Как гениален был,
Как точен,
Сумевший о стране сказать
Веков на десять, между прочим!

Когда-нибудь за эту даль
Я загляну пытливым оком:
Что будет? Та же боль, печаль?
Иль радость, бьющая потоком?

И — ум, —
Блистающий и скорый,
Которым счаствия полны
Родные русские просторы
Многострадательной страны?

«Умом Россию не понять...»
Но, если в суть её всмотреться,
Прольётся в душу вам и сердце
Любви небесной благодать.

2005 г.

Стыдно

Уважаемые
Господа – Товарищи!
Шагнули мы

Одуряющее:
Жили в стране самой читающей,
Теперь – в стране,
Копейки считающей!

2005 г.

У реки

Возьмёшь пузырь, раздавиши у реки –
И благодушие
Зальёт костры агоний...
Кровяним
друг о друга
Кулаки
С нагрянувшими к нам
В чужом вагоне!

Пора вагон бы под откос!
Но – нет!
Покуда кормчий будет ползать,
Для них
по всей Руси –
зелёный свет;
Забита ими вся вагона полость...

Смотрю на них из отчего угла,
Пока смотреть терпения хватает...
Всё ниже и темней
Над нами мгла,
А свет
Отодвигается и тает.

2005 г.

318

Печка

Тянется мороза лапа
Чередой холодных дней...
Печка тёплая, как баба,
Разомлевшая на ней,

Обогреет и просушит,
Приголубит и прильнет,
Ототрёт с мороза уши
И устами полыхнет...

И напрасно бьется стужа
У замёрзшего окна.
Печка... женщина без мужа...
Чарка красного вина!

2005 г.

Семья

Октябрь...
И солнечно, и ведро.
И вышел в лес я.
Погулять...
Мне встретилась семейка кедра:
Один, два, три, четыре, пять!

Вот этот, что повыше, — папа,
Пониже, видно, мама их.
Его увесистая лапа
Всех охраняет
Четверых.

И я, присевши на скамейке,
Смотрю на них со стороны:
Какая милая семейка
Большой
Блистательной страны!

2005 г.

Деревья

Безветreno...
Притихший пруд.
В воде деревья выше ростом.
Они когда-нибудь умрут,
Уйдут, как мы, легко и просто.

В лесное зеркало глядясь,
Они не думают об этом;
Они стоят, душой светясь,
И в этом наша с ними связь
И наше утешенье в этом.

2005 г.

Осень

Разбитые мысли сшиваю,
Сбираю, как звуки в аккорд;
Вновь осень, и я оживаю,
И дух моймятежен и бодр.

Противна
Изнеженность лета
С мошкою, с нытьем комарья;
И музя, в лоскутья одета,
Спешит на простор из старья.

Ей надо пройти околотком,
Бглядеться в живые глаза,
И в пику
Зевающим глоткам
Поставить любовь и азарт;

Удариться в хлябь бездорожья,
Отведать грядущих снегов.
И я
С возбужденною дрожью
Иду, не считая шагов,

Туда, где ее ликованье
Достигнет предельных высот!

Ах, осень...
Твое увяданье
Меня, словно крылья,
Несёт!

2005 г.

Протест

Да...
Хоронить или сжигать?
Подход к проблеме самый разный.
Когда твою сжигают мать –
Вопрос не лишний и не праздный.

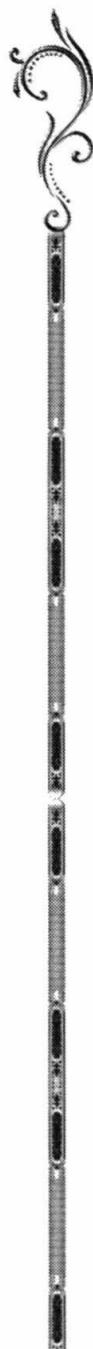
Сожгли. Остался ты один...
Куда пойдёшь с душевной болью?
К чему прильнёшь щекой седин?
Что обрыдаешь слёзной солью?

Откуда силы обретёшь,
Коль ни креста, ни бугорка нет?
Тебя бессилье бросит в дрожь
И в пустоту с тобою канет...

Обидеться?.. Но на кого?
Не ты ли собственною тенью
Направил труп её в огонь,
Чтоб и цветок не цвёл над нею?!

Кричу я всею кровью жил,
Кричу я, как на дыбу поднят:
– Где нет отеческих могил,
Там об Отечестве не помнят!

2005 г.

Терние

И в заоблачных, видно, краях,
Где космический холод и выюга,
Всё закручено на паях
С грязным умыслом
Друг против друга.

Только вымахнет юный рассвет,
А над ним уже черная туча:
— Нет, родименький-миленький,
Нет!
Ты сначала победствуй,
Помучься...

Ты сперва
Продерись сквозь меня,
Проломи эту тьму,
Умойся,
А потом, если хватит огня,
О живущих
Там
Беспокойся.

Не оттуда ль
У нас этот бред?
Ни один, кто на свет явился,
Не прошёл мимо этих бед,
И срывалялся, и возносился!

2005 г

Забава

Подхожу...
В оттяге ребята...
Дух подпития — дымом в глазах.
За веселье их — расплата:
Полдесятка подбитых птах.

Вот рядом лежат на капоте.
Крови алые струйки текут...
— А за что эту птицу бьёте? —
— А за то, что вороной зовут!

Так ревнится элита нынче.
Так свою разгоняет тоску.
Грач, ворона ли, бомж ли, нищий —
Всех к расстрелу!
Всем — дуло к виску!

Что сказать им,
Очезалитым?
И дано ли им слово понять?!
Раз — элита? Значит — элита!
Значит, право за ней —
Стрелять!

2005 г.

Не сбыться

Всех обзвонить иль обойти —
Не хватит времени;
Не хватит рук и кожи на ногах.
Сесть на коня.
Но лёгкий конь и стремя
Пропали где-то в скошенных лугах.

Я выходил не раз.
Свистел в два пальца —
Да только кроме свиста — ничего!
Да на меня из тьмы кромешней
Пляются
Нечёсаные головы стогов.

Эх, если бы над всем над этим
Птицей

Подняться бы и медленно проплыть...
Но тьма
наотмашь
Лупит по глазницам
И усмиряет
Вспыхнувшую прыть.

2005 г.

Грустно

Я
Медленно
Съедаю завтрак
И думаю, когда голодный:
Как мило оказаться б завтра,
Где будет сыто, как сегодня.

Темнеет даль моей дороги.
В ладонь сжимается пространство.
И вот я подвожу итоги:
Любовь, работа, драки, пьянство.

И детства раннего бесхлебье,
И юности пустые руки,
И бабушки в слезах молебье,
За обездоленного муки.

Пошли мне, Господи,
Теперь хоть
Не птицы – жарзлатые перья,
А чтоб с души
опала перхоть
Обиды,
спеси
И неверья.

2005 г.

Рейс

Поразъехались...
Тихо и мирно.
Ни Суханова, ни Волковца.
Капли пота сверкают эфирно
По небритой пустыне лица.

Вот и мы на
Аэровокзале.
Вот и «Аннушка» дышит уже.
Привязные ремни завязали
И развязем их там,
В ле Бурже.

Неуёмна
Упругая тяга.
Под крылом
Бездна дремлющей тьмы.
Так, наверно, байкальский бродяга
Убегал из последней тюрьмы.

Растворяюсь
В рокочущем гуде...
Вдруг – как будто в затылок удар!
– Развяжите ремни. Мы в Сургуте.
Минус восемь...
Глаз слепнет от фар,

Что сбегают потоком красивым
В океан привокзальных огней.
И схожу я
в объятья России,
Изболевшийся в небе
по ней.

2005 г.

*Апострофа**

Павшим в горах
Афгана и Кавказа

* * *

Из царства дальнего,
Из царства неживых,
Где в темноте пещер сухие бродят тени,
Где нет ни радостей, ни горестей земных,
Где об уступы скал не раздробить колени;

Где нет ни певчих птиц,
Ни солнца,
Ни луны,
Где сырость, слизь, и тлен, и нити паутины, —
Сюда, не пережив осьмнадцатой весны,
Сюда свалились мы,
Мы — мальчики-мужчины.

И воле вопреки,
И жизни вопреки,
Ещё небрившихся, не знавших вожделенья,
Неопытных ни в чём —
Собрали нас в полки
И молча бросили в гористые ущелья.

Впервые я среди пещер и гор —
И мой о них последний разговор.

Апострофа — обращение к отсутствующему предмету...

* * *

В горах доселе я
Ни разу не бывал.
Видал на карте их: Что карта?
Лишь бумага...
В мечтах одолевал Крестовый перевал...
Не грела грудь мою чужих людей отвага.

Чужих людей судьба не трогала меня,
Как и моя судьба для них была чужою.
Ночами грелся я у своего огня
И говорил с своей
Там, в небесах, звездою.

Она лила свой свет на тихие поля,
И я её пленился красотою!
Рождённый на Земле — я для неё земля,
Как прах из-под колёс,
И ничего не стою.

Я на земле,
Как там она, — один,
И ни судьбы, ни благ не господин.

* * *

О, если б надо мной
Был только один Бог!..
Едва вошедши в мир,
Попал я в подчиненье
Родителей, родных, блюстителей дорог,
Газет, календарей, скольжения и треня;

И числа на меня
Слетели, как орлы,
И мозг незрелый мой безжалостно клевали;

И дрёма на меня давила, как валы
Морские
Иль ветра на горном перевале;

А городская власть... а прокурор... судья...
Законы и статьи, написанные пошло,
Все скопом надо мной,
Под ними только я;
Одно и радует, что это уже в прошлом...

Теперь свободен я.
Горит камин.
Язык огня касается седин.

* * *

Всё серебро снегов
Свалилось в один день.
Я шёл наперевес тому, кто шёл за тем же.
И, крадучись, ползла за каждым своя тень.
А солнце и луна просматривались реже.

Из-за тяжлых туч
Предвидели они
И прятали глаза от предстоящей драмы...
А я в себе берёг домашние огни
И милое, в слезах
Лицо печальной мамы.

Тяжелый автомат
Свисал с моей груди,
Тройной боезапас плечо ремнями резал...
Вдруг — пламя впереди и пламя позади,
И скрежет ледяной железа о железо!

И не успел взглянуть на меня страх,
Как вижу: проплываю в облаках.

* * *

То плыл не я –
душа

Куда-то там плыла.

А я размётан был по каменной панели.

Мне виделось:

Тропа, сбегая, вниз вела,
И я, не торопясь, по ней блуждал без цели.

И виделось,
что здесь

Всё в пепел сожжено;

А далее смотреть мне тьма не позволяла;

Карабкался я вверх, но упирался в дно,

Нога моя то дно

Как будто догоняла.

Сознанием я стоял,

А ноги сами шли;

И не было во мне того, что б их сдержало.

Как в вихревом столбе – всё путалось в пыли,

А там, что ниже дна,

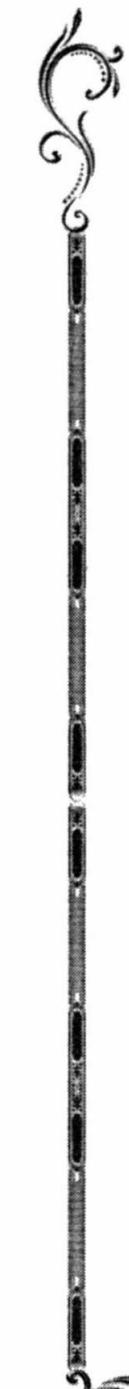
Будто вода журчала...

Со всех сторон меня сжимала тьма –

То пододонная была сама.

* * *

Какой-то блёклый свет
Вдруг вспыхнул вдалеке,
Прокалывая тьму, как острие иголки;
Кровавой капелькой дрожал он на руке,
Как лучик утренний,
Пройдя сквозь окон створки.

Не помню:
Я ли шёл,
Иль свет ко мне летел;
Ни крыльев и ни ног в себе не ощущал я.
Мелькли предо мной
Фрагменты чьих-то тел
И вовсе чуждые какие-то созданья...

Я ближе подходил —
И всё тесней тела;
Уже плечом вперёд меж них я прорвался;
Мертвящей пустотой чернели купола,
А свет то пропадал, то снова появлялся.

Но это где-то там, а здесь, вблизи,
Всё та же тьма,
Хоть червяком ползи.

* * *

И вот приблизился
К воде я и к огню,—
И тысячи теней ко мне оборотились.
Так нивы свежие, мотаясь на корню,
За ветром вслед текли и вразнобой клонились;

То поднимались вдруг —
И чёрною стеной
Как спелые подсолнухи без щляпок —
Лишь будылки;
Иных повыше рост,
Иных — вровень со мной,
И там, где лицам быть, — беззубые ухмылки.

Из густоты теней шарахались тела:
Так в плоть плотнилась тьма,
Переходила в плечи,

То расходилась вновь и лужами текла,
То воплощалась вдруг в огрызки человечьи...

Кипела расщеплявшаяся тьма.
Имей я ум — я бы сошёл с ума!

* * *

Разглядывал и я
Приблизившихся вплоть;
Я глазом мерил их, смотрел в слепые лица,
И пальцем пробовал свернувшуюся плоть —
Но пальцу

не было
За что в ней зацепиться...

И много, много раз
Он проникал её,
Но плоть какой была, такой и оставалась;
Она являла мне презрение своё
И как бы исподволь игрою забавлялась.

А может, пальца нет? — засомневался я,
И стал, словно ножом, крушить ладонью всею.
Но тени напряглись, уверенно стоя,
И сами увлеклись наружностью моей.

И вот стою я, ими окружён,
Меняющейся сутью поражён.

* * *

И вот взгляделись мы:
Они в меня, я — в них.
В тумане голова:
Как спал — и пробуждаюсь;
Смотрю: одни выходят из других

И тянутся ко мне,
И я их не чураюсь.

И показалось мне,
Что я их прежде знал;
Уж если и не всех, то многих поимённо;
И вспомнились сберпункт, комиссия, вокзал,
И лица матерей на площади районной.

События давних дней
Мелькали второпях,
Как за окном купе леса, поля, станицы...
Я сотни рук держал в своих руках,
И влага чистых слёз сочилась сквозь ресницы.

Слезой кристальной вымылись глаза,
В груди под спудом зрели голоса.

* * *

И стали голоса
Кричать, галдеть, вопить;
И стали кулаки свинцово наливаться.
И тяжестью тела на тьму стали давить;
И своды этой тьмы вдруг стали колебаться.

А голос напирал –
И содрогалась тьма...
Под ноги падали какие-то осколки...
Куда-то мчались мы, как без клочка ума –
Так мчатся по степи за добычею волки!

За нами гнались ли?
Иль гнались мы за кем?
Я чувствовал лишь гул от топота и крика.
Так в толчее бежит испуганный гарем,
Спасаясь от разгневанного лика.

Бежали мы.
Но бег наш ложен был –
Не убегают трупы из могил.

* * *

Вдруг, как оцепенев,
Остановились мы
И замерли, таясь, ещё пред большей темью.
На нас откуда-то,
Звения, лились псалмы,
И кто-то, проходя, чертил по лицам тенью;

И вот – плечом к плечу,
И в ризах золотых,
И огненным крестом, в деснице крепко сжатым,
Как в зимнем серебре, в власах своих седых,
Два человека шли, как брат проходит с братом.

И подошедши к нам, воскликнули они
И осенили нас знамением господним;
И мы прозрели вдруг,
И как среди родни,
Обнявшись,
Пели гимн в пещерах преисподней...

Слова любви ласкали жадный слух,
И плыл над нами всепрощенья дух.

* * *

О, как братались мы,
Идя в единый круг!
А он всё ширился, насколько глаз хватало.
Два слова в круге том витало:
«Брат» и «друг»,
И зарождалось в нас какое-то начало.

Сходили с наших лиц
Унынье и тоска.
Преображались мы из нас идущим светом.
И ликованья глас как будто на руках
Качался, как ходил за кающимся ветром...

А взор всё новые пространства проникал,
И дух наш раздвигал пространства и границы,
Обшаривал углы и углубленья скал
И к нам текли,
текли
Из преисподней лица...

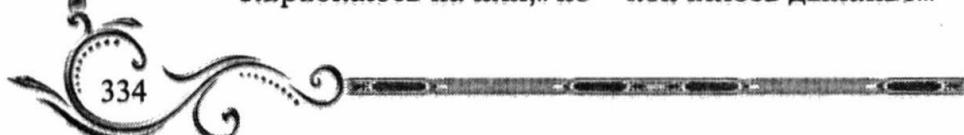
Любви нас обнимала благодать,
Живые, век того вам не понять!

* * *

Мерещилось ли мне,
Или тянулась явь,
Когда я уходил в иное измеренье,
Когда я, внутреннему голосу не вняв,
Рассудок свой и ум не подчинил смиренью;

Когда – растерзанный, ещё соображал,
Ещё мой мозг судил о том,
Что совершилось;
Ещё мгновение он
ТО
В себе держал,
Что точкой в вышине стояло и светилось.

Но что ОНО –
В него не заглянуть.
Какой-то яркий блеск
Вдруг поглотил сознанье.
Немыслимые льды загородили путь...
Карабкаюсь на них,.. но – кончилось дыханье...

Как будто у огня я.
И огонь
мёртв, как и я.
И не печёт ладонь.

2005 г.

2006 год

Новый год!..
Чего ты хочешь?
Новый год, чего сулишь?
И о том ли ты хлопочешь?
И о том ли ты молчишь?

Мне твой день совсем не весел.
В небе чёрная черта.
Что ты надо мной навесил?
Что проносишь мимо рта?

Ждать чего средь ночи тёмной,
Средь сияющего дня?
Или радости огромной,
Иль беды, нет коей дна?

Уберечь. Не уронить бы
Ни достоинство, ни честь;
Песни, пляски, звуки, ритмы,
Православные молитвы,
Острие лечащей бритвы,
Раздвигающую персть
Принимаю – всё как есть!

2006 г.

На рассвете

Не померкла, не погасла –
Жизнь в груди моей стучит.

Отвяжу коня от пряслы —
Пусть мой конь меня умчит

За высокий бор сосновый,
Где таится птица-жар,
Где в рубахе, красной, новой,
Занимается пожар,

Подступившего рассвета.
Раливаясь меж дерев,
Зажигая ткань тенета,
Где паук, смиряя гнев,

Обволакивает муху,
Словно свадебной фатой...
Раздвигая ночи муку,
День сияет добротой!

2006 г.

K Marii

Твоё лицо
В густой сети морщинок.
Но как оно мне мило, дорого,
Как и моё тебе в снегу щетинок,
Где только лоб,
Как скальный камень гол.

Судьба
Навеки нас соединила,
Огонь любви навек в сердца вошёл.
Давай забудем то, что плохо было,
Давай оставим то, что хорошо.

И вот
Почти уже на грани жизни,
Лаская взглядом траурный гранит,

Молюсь тебе, как молятся отчизне,
Которая поймёт и всё простит.

2006 г.

Дрожь

Кругом колокола трезвонят...
О, как печален их напев!
Хоронят на Руси,
Хоронят
В расцвете сил мужей и дев.

Напором стрессы да инфаркты,
Да заграничная вода;
Но чаще
собственные факты:
Как отторжение от труда!

О, сколько в поисках работы
Они избегали дорог –
Ответ один:
– Мол, нету квоты.
И выставляют за порог...

Униженные до обиды,
Неоценённые страной,
Они идут в запои,
В «СПИДы»,
В противоправные «корриды»!
Короче – в омут головой!

Скажи, Россия,
что случилось?
Скажи: себя ты узнаёшь?..
Уходит в землю твоя сила,
Когда хоронят молодёжь!

2006 г.

Ии далёкого

Весенне-летняя теплынь.
В цветах лобастые пригорки.
Какая сочная полынь,
Как сладок запах её горький!

Иду, любуюсь синей далью.
За горизонт умчалась ночь.
Татарники с седой печалью
Угрюмо топчутся обочь.

Изломанные как в сраженье,
Посмотришь: в чём душа жива!..
И мечется в воображенье
Веков истлевших татарва.

И в латах кованых ливонцы,
И чопорные шляхтичи,
И косоглазые японцы,
И с гор Кавказских – басмачи.

Какие сумрачные лица!
И вот по крайним рубежам
То хутор, то село дымится,
И крапом кровь на стёклах рам...

Россия! Что в тебе им надо?
Чем разжигаешь алчность их,
Что восстают они из ада
И жмутся у дверей твоих?

И ожидают: вдруг задремлешь,
Или споткнёшься невзначай...
Но ты привычная издревле
На силу силой отвечать!

Я слышу колокола звоны
И стук мечей, и гром секир,
Степей пронзительные стоны
И во всю мощь — кровавый пир!

И хрипло-жаркое дыханье
Орущих глоток вразнобой.
И небосвода колыханье
Над с плеч слетевшей головой...

Уж росы выпиты до донца...
И вижу я: забот полна,
Ладонь ко лбу — глядит на солнце
Заворожённая страна.

2006 г.

О соловье

Удивляюсь соловью,
Да как он — не запою.

Подойду в ночи украдкой
И, дыханье затая,
О любви моей несладкой
Буду слушать соловья.

Чьё ёщё нежнее пенье
Боли сердца утолит?
Кто смирит его кипенье
И простить уговорит?

Он так сладко распевает,
Будто бы передо мной
Звёзд мелодию собирает
И чарует мир земной.

Улыбаюсь соловью
За восторженность мою!

2006 г.

Печаль

Закатились мои вечера.
Отцвели наливные вишни.
Только что я был весел вчера,
А сегодня уже поникший.

Осыпаются перья зари.
Чёрной шалью завесилась даль.
Ничего мне не говори —
За тебя говорит печаль,

Что таится в немых зрачках,
Словно птица, прячась в гнезде;
Да невольная дрожь в руках,
Да слеза, что подобна звезде.

2006 г.

Болезнь

Что-то жизнь моя споткнулась...
Проходя в вечерний час,
Из-за веток улыбнулась
Дама. Помню как сейчас:

Был наряд её небросок,
Не известные года;
Двух горящих попирисок
Взгляд сразил меня тогда.

Я слегка подрастерялся.
Но, чтоб виду не подать,
Шёл вперёд и улыбался,
Думал, что же ей сказать?

Но чем швыдче шёл, тем дальше
Отбегали огоньки.
Тем деревья стали чаще:
Ствол к стволу — на полруки.

И сомкнулись, как солдаты,
Ставшие плечо к плечу...
Я – бескрылый – стал крылатым
И над ними – как лечу.

Тихо пробую молиться.
И в печально-жуткий час
Вдруг пришлось остановиться
Перед мощью этих глаз!

И свалился я под кроны...
Мерно лес журчал листвой.
Солнце в золотой короне
Наклонилось надо мной.

Рядом – склад янтарных досок.
Из-за них, как бы маня,
Пара глаз из попирисок
Цепко втиснулась в меня

И как будто бы смеётся:
Мол, куда же ты бежишь!..
Жаворонок в небе вьётся,
Рядом ты в слезах лежишь

2006 г.

Раздумье

Снег идёт над всей страной.
Что-то станется со мной?

В этой страшной круговерти
Рыбу ловят только черти.

Как же важить в этот век
Тем, чьё имя – человек?

2006 г.

О чудесах

Чудеса в наш век нередки.
Страны, как марионетки,
Мечутся туда сюда —
Ищут, где вкусней вода.

А вода везде одна —
Ни покрышки ей ни дна!

2006 г.

Близкое

Весна придвинулась и к нам.
Пылает в небе солнышко.
А небо светлое, как храм,
Как вымытое стёклышко.

Ещё не дрогнули снега,
Метели — белой конницей!
Ещё глухие берега
Не оглашались звонницей.

Но воздух чуточку влажней,
И притомлённей вечера;
И свист синицы стал нежней,
Чем был ещё позавчера.

2006 г.

Шажки

На пути к сладкой морошке
То кочка, то впадина.
Сынок
начинается
С отцовской стёжки,
Дочка — с маминой.

2006 г.

Расстались

С утра блистало солнце.
А потом
Сырою хмарью небо затянуло.
Красивая!
Махнула ты платком
И в этой мгле навеки утонула.

В который час?
Не помню я теперь.
Но помню: тьма сгущалась и сгущалась...
Переступил порог я,
Запер дверь –
И всё
за дверью запертой
Осталось.

2006 г

Желание

И мне,
Когда уже у всех
Всё будет, что желают,
Быть может, выпадет успех,
Как гром на хату с краю.

Его я вынесу иль нет?
Но прежде
Пусть случится,
Пусть небывалый этот свет
Войдёт в меня – и длится,

Как то, что было до него
Мучительно и больно...
Мне бы полгорсточки всего –
И – хватит,
И – довольно.

2006 г.

О творчестве

Был неграмотен первый поэт,
Не имел представенья о рифмах,
Лишь в глазах его теплился свет
О былых и о будущих мифах.

Не писал он.
Ходил и молчал;
И не слышал сородичей речи.
Дивный взор его огнь излучал,
От которого плавились свечи.

И, как боли стакан пригубя,
Задыхаясь от горького рева,
Мать его проклинала себя
И своё непотребное чрево.

И опять он не слышал.
Молчал.
И бродил, где речная излука.
Вдруг, как колокол, глас прозвучал:
— Да очнись же ты, божия мука!

И — очнулся. И — заговорил.
И в словах его, полных печали,
Было что-то от мертвых светил
И о том, что живые
Кричали.

2006 г.

Ночь

Закат волной накатывал
Пожаристо, упруго
И день, как скатерть, скатывал
И уносил за угол.

За ним, подолами тряся,
Походкою цыганскою
Входила ночь, в алмазах вся,
Извечной куртизанкою!

И сотворив переполох
В сердцах, умах и душах,
Она спешила за порог
На парусах воздушных,

И, осыпая жемчуга,
Разбрасывала в травы их.
Рассвет приютом очага
Отхаживал оставленных.

2006 г.

Случай

Я не участвовал в той драке,
Не сбрасывал с плеча пальто.
Меня обляяля собаки,
А я не ведаю – за что?

Я был в лесу,
Блуждал меж сосен,
Вбирал небесные огни...
Наверно, дух мой им несносен –
Вот и набросились они.

Но дух
Взошёл на пик удачи –
От всех отбился, от семи...
Да что такое лай собачий
Перед взбешёнными людьми?!

2006 г.

Пространство

Я вышел в широкое поле:
Ни края ему, ни конца!
И крикнул:
— Да здравствует воля!
И робость слетела с лица,
Как будто ворона с забора.

А голос — к овалу овал —
Катался в безбрежье простора
И звёздную высь сотрясал...

Быть может, и глупой казалась
Пустая затея моя,—
Но эхо наживкой болталось
В бездонных краях бытия.

2006 г.

Мать

Сто лет не был дома.
Явился...
Для матери — тысяча лет!
Как только явился — напился!
И есть он теперь,
Или — нет?

Как будто и нету,
И — рядом;
Свалился — ни слова в ответ...
Всё это ей кажется адом,
Ему — как спасительный свет.

Присядет над ним —
И зальётся
Горючей своюю слезой.

А он где-то в небе,
Смеётся –
И смех то весёлый,
То – злой.

Седые тяжёлые пряди
Скрывали страданье лица.
Она, как при тусклой лампаде,
На жизнь промелькнувшую глядя,
Его
в нём узнала
Отца.

2006 г.

O нас

Живём,
Не подавая вида;
В бессилье падаем и пьём.
Нет-нет – да полоснёт обида:
За что нас
по боку
Дубьём?!

За то ль,
Что медленными стали,
Не твёрды в шаге, не стройны?
За то ль, что всех себя отдали
На величайший взлёт страны?

Одни вопросы... нет ответа...
Молчит
Чиновных душ орда!
Как потрясенная,
на это
Взирает с горечью
Звезда.

Туда!
В бескрайнее пространство
Уйдёт встревоженный дух мой...
Я брошен этим государством,
Но слит
С отеческой
Судьбой!

2006 г.

Когда-нибудь

Не рано, не поздно –
В означеный час
Из дали зазвёздной
Взгляну я на вас.

И что же увижу?
Ужели опять
И слёзную жижу?
И в горечи мать?

Хотел бы увидеть
Из небытия
В блистательном виде
Родные края;

И лица в веселье,
И руки в труде,
Чего я доселе
Не вижу нигде

2006 г.

Шутка

Никакого нет резону
В этой жизни, ё-моё!
Баба смотрит на ворону,
А ворона на неё.

Так на ведьминой дороге
Их нелёгкая свела.
У одной болели ноги,
У другой болят крыла.

В дальний путь идти собралась,
И ворона вдаль лететь.
Незаметною подкралась
Боли яростная плеть.

Стеганула их по полной
Где – то посреди пути;
Ждут, когда не будет больно
Той лететь, другой идти.

Говорит вороне баба:
– Ты, подруга, не серчай.
Угостить тебя могла бы,
Да, как видишь, только чай.

А ворона головою
Крутит: ладно, мол, добро,
И когтистою ногою
Бабе врезалась в ребро.

«Ах ты, чёртова приблуда! –
Баба ей кричит вдогон.–
Запущу в тебя посудой!
Чтоб ты сдохла, скорпион!»

Вот такая прибаутка:
С птицей ссориться не шутка.

2006 г.

Несуразица

Прислонился к чему-то рукою.
Только, что под рукой – не понять:
То ли смерть со своею клюкою,
То ли тихо пришедшая мать?

Если смерть –
То чего она медлит?
Если мать – то чего не зовёт?
Тело телу, коснувшись,
Не внемлет,
Как и лужа из лужи
Не пьёт.

Я стою
И в догадках теряюсь.
Мне теперь всё равно,
Всё одно...
И – в порыве – глазами бросаюсь
На открытое в небо окно.

Но как видно,
Я был очень медлен.
И – увидел лишь точку вдали...
Звёздный мир
Показался так бледен
Перед светом,
Ушедшими
С Земли.

2006 г.

Непредвиденное

Мне привиделось нынче такое,
Что и трезвым умом не понять:
На космическом вздохе покоя

Обозначилась
Яркая «ЯТЬ».

Кто там ожил?
А может, заблудший,
Проходя по вселенским садам,
Бьёт
и денно и нощно
Баклуши,
Как известный бездельник Адам?

От вселенского этого вздоха
Докатилось до нашего дна
Эхо,
жуткое,
Как эпоха,
Как морского наката волна.

Эта «ЯТЬ»
Постояла немного,
Что-то сдвинула в звёздных роях
И, на Млечную выйдя дорогу,
Растворилась
В рассветных лучах.

2006 г.

Грёза

Ничего!..
Ни теперь, и ни прежде...
Сбился с толку и что-то ищу;
И восслед промелькнувшей надежде
В десять пальцев
Попарно
свищу.

«Оглянись! – я кричу ей. –
Не надо

Моё чистое имя топтать!»
Под руками трещала ограда,
Под ногами топорщилась гать.

На ладонях и пальцах
Кипела
Двуединовосставшая кровь!..
А надежда
Неслышаще пела
Про берёзовый сок и любовь.

Проклял я гробовое терпенье!
Отвернулся — и уши зажал...
Но звучало всё
грустное пенье
Про Тамару,
любовь
И кинжал.

2006 г.

О желаниях

Под ковром из травы и цветов
Плоть земная просила вниманья.
На ковре
В цвете юных годов
В твоём теле блуждали желанья.

Ты не знала ещё,
отчего
Так на сердце печально и сладко —
Ты не знала ещё,
на кого
Хоть в полглаза взглянуть бы украдкой?

И подруги нет рядом
узнать
Отчего это так?
И надолго ль?..

И земля
Зашептала как мать:
– О моя ненаглядная оголь!

Посмотри на живые цветы –
Не взялись же они ниоткуда?
Из желанья и тайной мечты
Появилось на свет
Это чудо.

2006 г.

Гора

Природа, блестя, ликовала
И ветви клонила: войди.
Гора, как больная, стонала
С надрывистым кашлем в груди.

Когда-то случайным нарывом
На теле Земли поднялась,
С тех пор и клокочет с надрывом
Живая её ипостась.

И словно на радость злодею
Творящему праздник из бед,
Как будто вскипает над нею
Горячий мерцающий свет.

И ходят нелепые слухи:
Мол, ухо приложишь – слыхать,
Как рвутся нечистые духи
Вершинные камни сорвать...

И крестится в страхе старушка,
Не смея на гору смотреть,
И думает: «Рухнет верхушка,
Что будет: спасенье аль смерть?»

2006 г.

Последнее

Как заря горела гордо,
Как небесный свод блистал.
За разделкой огорода
Этот день меня застал
На любимой Почекуйке
Среди сосен и берёз...

Эй, кукушка! Покукуй-ка,
Накукуй мне сладких грёз.
Грёзы горькие достали:
Из-под ног уходит твердь,
И печальнее печали
Сквозь ресницы смотрит Смерть...

Нарошу на грядках зелень,
Если осени дождусь.
Буду весел я и хмелен,
Как бывало в Спасы – Русь!

Ну, а если... Всё быть может...
Пожалею об одном:
Не хватило меня
дожить,
Обустраивая дом.

2006 г.

Расставание

Вот состарился!..
А как будто
От крови ещё не обсох...
Снится мне
мой весёлый хутор:
Дом саманный, низкий порог;

Карамык,
И вода в запруде,
Сплошь зелёная, как трава!
И девчонок русалочки груди,
И во весь небосвод – синева!

И подслепой церквушки звонница,
И пирог посредине стола...
И во всей голове – только Солнце!
И в груди
Только радость цвела!

И – то,
Первое
Втайне свидание,
Чтоб вовеки никто не узнал!..
Расставанье пришло...
Расставание
с тем, что помню,
Что обожествлял.

2006 г.

Цивилизация

Судьба – год от году – не легче.
Во всей системе мировой
На человеческие плечи
Беда нисходит за бедой.

А человечество – смеётся!
Изобретает, пляшет, пьёт,
И на испуг не поддаётся,
И о бессмертии поёт.

И в сути вещего закона
Не замечает оборот:
«Цивилизации Горгона
Себя, любимую, пожрёт!»

2006 г.

Улыбка

Когда ни проблеска, ни света
И воздух едок и колюч,
Когда не дарит вам привета
Запутавшийся в тучах луч,

Когда разбиты вы и вялы,
Когда придавлены к земле;
Когда унылы и усталы,
Душа в томленьи, как во мгле.

Средь жизни грязной, жизни липкой,
Где всякий дёрнуть норовит,
Одна красивыя улыбка
И освежит, и оживит.

И оградит от жизни зряшной;
И вы уже летите вдаль,
Отбросив, как венок вчерашний,
Опустошенье и печаль!

2006 г.

Либенъ

Он
в зное небес
зарождался.
Праматерь его – океан!
О, как его всякий заждался,
И вот он является, пьян!

В лихих завитках крутолобье,
В них
яростных молний
Клинки!
И рядом витает подобье
Невидимой мощной руки.

Шуршанье, шаражанье, натиск
Составом врываются в слух,
Как в клуб веселящейся знати
Какой- нибудь в шкурах пастух!

В растерянности и метанье
Заспавшиеся дерева...
А в небе грозы грохотанье,
Расплылись домов очертанья,
Газонная вспряла трава!

Дождь с ветром хлестали наотмашь
По кровле,
По стёклам окон...
Какая вселенская роскошь!
Как славен небесный закон!

2006 г.

Дорога

Сыну Владимиру

Рассекает дорога лобастый простор.
Светляками по небу рассыпаны звёзды.
В чистоте и в чести
Моей родины двор,
Неоглядны её бесконечные вёрсты.

Влево, вправо ли я
Отмеряю свой шаг.
Мне и века не хватит постичь её дали.
Впереди моей сути
Витает душа
То от счастья светла, то темна от печали.

На вершину взойду ль,
Опущусь ли на дно,

Полнит сердце моё
светозарная радость:
Есть отец и есть сын, есть вино и зерно
По земле проходящему
Что ещё надо?!

2006 г.

O природе

Я о природе не пишу,
Хотя люблю её и слышу.
Боюсь: кого-то насмешу,
Кого-то искренне обижу.

Я о природе не пишу.
В моих глазах полно тумана,
Когда вокруг себя гляжу –
Как в обольщении обмана.

Я о природе не пишу.
Я ощущаю её взоры,
Дыханье, шелест, разговоры,
Нерукотворные узоры –
И этой красотой дышу.

2006 г.

На операцию

И час настал...
И суета
Упала ниц передо мною.
Я перед образом Христа
Стою с открытой головою.

Спокойный Лик суров и строг.
А в глубине очей
Сиянье!

И выхожу я за порог
Уже в больничном одеянье.

О мой хранитель Михаил!
Твоё бесчисленное войско
Придаст мне бодрости и сил,
И твёрдости
В сей схватке жёсткой.

Мой глаз обшарил медь ворот,
Рука толкнула круг вращенья...
Не отрицаю я уход, —
Но жажду
К жизни возвращенья!

2006 г.

Возвращение

Молюсь любви твоей, Господь,
Твоей – архангел Михаил,
За то, что уцелела плоть
От притязаний низших сил.

Они хотели мне помочь.
Но ты, Господь, решил:
«Не так!»

И отлетела немощь прочь,
И отступил телесный мрак...

И, припадая на колени,
Я славлю Вышнего небес!..
Как ни высок людской прогресс –
И всё ж
не выше
Божьей тени.

2006 г.

Романс

Зацвели мои цветы.
Что есть краше и нежнее,
Что есть тише и скромнее
Их небесной красоты?

Зацвели мои цветы.
Я теперь любуюсь ими,
Знаться не хочу с другими,
Так они свежи, чисты...

Зацвели мои цветы.
В них любви моей горенье,
В них ищу отдохновенья
От вседневной суеты.

Зацвели мои цветы.
В них души моей страданье,
В них живёт очарованье
Несвершившейся мечты.

2006 г.

Неизменное

Печальна жизнь.
Гнетут сомненья.
Текут безрадостные дни.
Душа в томленье и смятенье,
И меркнут разума огни.

Куда бреду я?
И откуда?
Что значит прожитый мной день?
И есть ли за горою чудо?
Или от чуда — только тень?

В незнанье жил и в нём останусь.
И кто бы что ни говорил,
Я тленью жадному достанусь
В веках толпящихся могил.

2006 г.

Покорность

Моя страна ко всем добра,
Я ей за это благодарен.
Хотя обида у ребра
Скребёт за то,
Что так бездарен

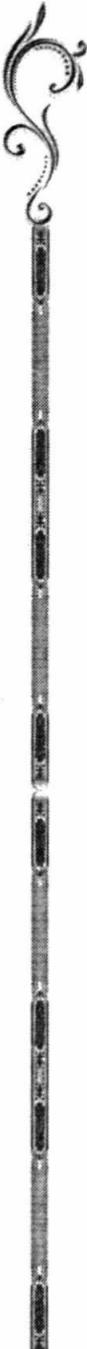
И глух к судьбе своей народ –
Что он в душе лишь чает прибыль,
Что море он осилит вброд
И наплевать ему на гибель!

Он счастлив, что голубизной
Небес любуется и дышит,
Что звуки неземные слышит
И верен лишь душе родной.

Судьба ли, грех ль его в миру,
Иль что себе не прекословит?
Он вечно лишний на пиру,
Что сам рукой своей готовит.

Я, отлучённый от всего,
Едва ташу свою усталость,
Смотрю с улыбкой на него
И веселею оттого,
Что жить недолго мне осталось.

2006 г.

Так вышло

Не надо на меня смотреть,
Как на какую-то особость.
Чтоб от тоски не одуреть
Я проявил к стиху способность.

Я не писал стихи в засид.
Писал, когда душа горела,
Отвергнув иски Немезид
И прихоть свянувшего тела.

Когда глядел я на Восток
Иль пил, когда была получка,
При мне всег был мастерок,
Отвес, угольник, авторучка!

И возведённые дома
Почти под облачную слякоть
Весомей, чем стихов тома:
Что ж? Веселиться или плакать?

Благословлю весенний пух
И пританцую на морозе...
Покуда бодрствует мой дух –
Я предан и стиху, и прозе!

2006 г.

Гололедица

Прекрасна осень первым снегом,
А гололедицей страшна!
Спешат – кто шагом,
А кто бегом,
Как оторвавшись ото сна
И опоздать боясь на дело
Или тем паче – к пиршеству,

И принимает позы тело,
Несвойственные естеству, –
И падает!..
То на колени,
То навзничь – хлёстко, во весь мах!
В глазах обида и смятенье,
В устах – проклятия и мат.

И как бы ни было там больно –
Идут вперёд, перекосясь,
До кончиков ногтей довольны,
Что лёд, он всё-таки не грязь!

Вот так

по жизненному льду
Идёшь, глядишь, вдруг поскользнулся –
Упал – и больше не очнулся...
И – тих ты, как звезда в пруду.

2006 г.

В потоке

Я шёл по улице, о чём-то размышляя,
Порой чужой каблук цеплял своей ногой
И слышал про себя, что, мол, без дела шляюсь.
Я шёл и размышлял, не видя ничего.
О чём я размышлял, теперь уже не знаю,
Другие мысли мой заполонили лоб...
Мне больше нравится не в гуще быть, а с краю:
Оттуда явственней и боль, и смех взахлёб.

Здесь меньше толкотни и нравственного блуда,
И радость явственней сквозь платья и очки;
Коль хочешь правду знать – иди с теченьем люда
И ухо навострий, и расширь язчки.
Услыхшишь тут про рожь, про пенсии и клевер.
Пахнёт в твои уста вчерашнее вино,

Освобождай страду от мусора и плевел
И в сердце запускай отборное зерно.

Нет правды выше той, что носит в себе пахарь,
И чище нет ростка, что лезет из земли...
А усомнившись в чём, коснись его рубахи –
Истина тебя дыханьем опалит;
И что бы ни несли оттуда, из толкучки,
Стремяся заглушить звучанье серебра,
Ты знаешь: светлый дождь идёт из чёрной тучки,
И знаешь: боль язвит у левого ребра.

2006 г.

О сороке

Сидит сорока на колу
И льёт на целый свет хулу.

Пора сороке бы понять,
Что время на себя пенять.

2006 г.

Явление

Ветра затихли и замолкла водь,
Дыханье в небе затаили звёзды.
И в этот миг явился нам Господь,
И радостная весть покрыла вёрсты.

И кто был глух –
Услышал эту весть,
И кто был слеп –
Горящий Лик заметил;
И мир подзвёздный и надзвёздный весь
Торжествовал, неповторим и светел.

И человека смутная душа,
Что в подворотне с тёмной силой билась,

Уйдя от «колеса» и палаша,
Улыбкой неземною
Осветилась.

2007 г.

Тоска

В неё теперь не глянут облака.
И речки той давно уж нет в помине.
И только память глупая
в бока

Толкается и ждёт:
– А вдруг да хлынет!

Взыграет белопенною волной
И омуты смертельные раскрутит!..
Но – нет её...
Камыш сухой стеной
Шуршит
И боль воспоминаний будит...

В песок зыбучий превратилось дно.
О, как оно всех тайною манило!
Ныряя, каждый думал об одном:
Достать голыш
Или пригоршню ила.

С обрыва
с гиком
Прыгал я в волну
И возвращался с вожделенным илом;
Меня теченьем в сторону сносило,
Пока одолевал я глубину.

В неё теперь не глянут облака.
И я уж подошёл к святой долине,
Где буду предан благодатной глине,

Где в прах рассыпляется
Души моей тоска.

2007 г.

К ветру

Догоню я ветер в поле
И ладонью хлопну
по плечу!
Здравствуй, мол, на воле
Побывать с тобой хочу.

Повидать твои набеги
На желтеющую рожь,
Мужика встряхнуть в телеге:
Как, мол, дышишь?
Чем живёшь?

Разудалою походкой
По вершинам прошагать
И с какой-нибудь красоткой
Завалиться на кровать.

Отдохнуть
И потянуться
К самобраному столу...
И в конце – китайским блюдцем
Расшибиться о скалу!

2007 г.

Восхищение

Прекрасна осень скорым снегом
И той последнею листвой,
Пронизанно ясным светом
И кажущейся – восковой.

Прекрасна осень свежей синью
Небес, присевших над землёй,
И загрустившую полынью,
И журавлиною стрелой.

И ты прекрасна зрёлой страстью
Любви, медлительным теплом,
Куда навек готов упасть я,
Не помня сам себя в былом.

2007 г.

Две ипостаси

Всё в нашей жизни заплелось.
Мы убеждаемся воочью,
Как два лица: добро и злость
Глядят друг в друга днём и ночью.

Одно льёт мёд, другое – яд.
И мы не знаем: куда деться,
Когда они сквозь нас глядят
Со стороны ума и сердца?

То до безумия скупы,
А то щедры в слепом наиве...
Слова простые, как серпы,
Гуляют по созревшей ниве.

2007 г.

Далёкое

Душа тоскует – как ни смеялись
По тем далёким временам,
Когда звучало: «Хоть напейтесь!»
Из уст болезных наших мам.

И – кто глоток,
Кто полглоточка
Глотали – и, взбивая пыль,
Бежали, прыгая по кочкам,
Топча и лютик, и ковыль,
Туда, на пруд,
Где в водной глади
Ходили тучами мальки...

И с завистью,
Вослед нам глядя,
Посмеивались мужики
И замечали друг у друга
До слёз щемящую тоску...

Звенела близняя округа,
Сверкали пятки на бегу!

Как далеко всё!
Как далече...
И только в памяти живёт.
Но то, далёкое, и лечит,
И сбиться с ходу не даёт.

2007 г.

Взгляд

Я не могу понять тех слёз,
Что проливаются впустую.
Я понимаю тот колхоз,
И я никак не протестую

Против него:
Ведь он растил
Меня и многих, мне подобных,
И никого он не растлил,
И не крушил сердец свободных,

И на ноги он ставил нас,
Порою слёзы вытирая;
Я познавал в нём сельский класс,
С ладоней кожу обдирая.

И пусть иные голоса
Его хулят и отрицают.
Есть у меня свои глаза:
Они всё видели, всё знают.

2007 г.

Прозреем ли?

Встают рассветы над Землёй...
То тьмы мрачней, то кровянисты,
То молниею, как змей,
Прорезаны, то звонко-чисты.

Многообразная их суть
Сбивает нас с ума и толку,
И мы блуждаем, как в лесу,
Подстать лосёнку или волку.

В нас что-то глохнет, что-то мрёт;
Мы забываемся, мы стонем;
Нас что-то гонит, что-то гнёт
И запирает, как в вагоне,
Готовом ринуться...

Куда?
Вперёд, назад ли?
Иль с обрыва
Махнёт в мерцающую даль,
Где или смерть,
Иль чудо-диво...

О безалаберная Русь!
Меняя разные одежды,
Тебе плевать, что было прежде...
Я суеты твоей боюсь!

2007 г.

Уход

В моей душе всё сожжено,
И угли там давно остывли;
И, видно, мне не суждено
Собрать в щепоть нагорной пыли.

Смотрел я сильному в глаза
И слабому плечо подставил.
Но это было уже за
Пределом действующих правил.

Я стал обузою в кругах,
Творящих оргии бесчестья...
В другие я ушёл предместья,
В других живу я островах.

На них под грёзой красоты
Я слушаю иные звуки,
Что берегут меня от скуки
И от бурлящей суеты.

2007 г.

Что видится?..

Мною много пройдено дорог;
Сколько их ещё передо мною?
Да поможет их осилить Бог
Как и те, что за моей спиною.

Грудь моя заждалась ветерка
Свежего: того, что с океана;
Держит посох правая рука,
Пыль стопа взбивает неустанно;

Смотрит глаз на дальний поворот –
Что он – предпоследний
Иль последний?
Где тот золотой ажур ворот,
Что во сне пригрезился намедни?

...И не золото меня манит.
Чудится мне: за ажуром этим
Божий Лик немеркнущий горит,
Наполняя жизнь духовным светом.

2007 г.

Приди и оживи

Как восхождение вождя
На громогласную трибуну,
Я жду явления дождя,
Тяжелого,
Как поступь гуннов.

Я жду дождя...
Приди! Приди!
И оживи луга и поле.
В твоей руке и смерть,
И воля –
Сам рассуди и осуди.

Скорей уж
К одному концу...
Но я избрал бы продолженье.
Нас ждёт великое сраженье –
И мы готовимся к венцу!

2007 г.

Октябрьская ночь. Поэма

1

И прежде рушились миры
И бились вдребезги короны...
Но никогда до сей поры
Не упразднялись в мире троны.
А было так:
Кровавый трон
Сменял другой,
Жестокий боле,
И перед выстраданной волей
Вставал незыблемой закон.
С орлом двуглавым ли,
Со львом ли,
И ставил выше он всего:
Подвергнуть выселке и ловле
Не уважающих его.
Всё было так до этой ночи,
До этих залпов роковых...
И раскололся мир, как площадь,
На две системы мировых.
Сознанье тёмного народа
Омыла ясности река,
Что завоёвана свобода
Навечно и наверняка!
Что не подложно,
Не формально,
А ощутимо – будто хлеб,
Вошла она материально
Живою тканью в ткань судеб;
И что она,
Свобода эта,

Все судьбы разом подняла
До пониманья сути света
И свой закон всему дала.
И тем, что в кровь её вобрали,
Что слились узами родства,
Представились иные дали,
Иные жизни торжества;
И видели они —
Худые,
Босые,
В рвани и в рубцах,
Как в почве всходы молодые,
Толпясь и раздвигая прах,
Выходят к солнцу,
Навстречь буре.
И этой бурею пьяны —
Идут к железной диктатуре
Бедой разбуженной страны;
И видели —
Живые лица
Свободно слившихся людей...
Спешу той ночи удивиться
И молча поклониться ей.

2

Но где же тот,
Кто эти массы,
Кто эти мускулы и гнев
Объединил названьем:
КЛАССЫ
И закалил в живом огне?
Где он, сказавший,
— Жизнь — не бремя,
Жизнь — вдохновенье и мечта!
И, навалив на плечи время,
Готовил поле он и семя,

И день настал — пришла страда!
Где он?
Кого в веках восславить?
Пред кем клониться и робеть?
А он — он не нуждался в славе,
Нуждался в большем он —
В борьбе!
Нуждался в вере и поддержке,
В тебе нуждался и во мне
И плакал, видя перебежки,
К той, супротивной стороне;
И — горевал,
Когда бросали
Мятущихся бородачей,
Разваленных казачьей саблей:
Был,
Жил,
Любил
И вдруг — ничей...
К жестокости —
Был сам жесток он,
В борьбе идей
Был прям, как гвоздь!
Смотрели на него из окон
И восхищение, и злость.
Он не носил меча, нагана...
Неумолимое перо
Взвало к жизни ураганы
И направляло их зело.
Он не носил меча, нагана...
И даже там, где не был он,
Людей вскипали Мичиганы,
Смывая власти бастион.
Он не носил меча, нагана...
Он болью мучился одной:
Как много пушек настрогано,
А поле пашется сохой...

И как ни бьёмы мы над словом,
В понятье прежнее — герой,
Хоть трижды изогнись подковой,
Его не вставиши;
Он — иной!
Он жизнь иною мерой мерил,
Он шёл к народному уму,
И потому, как к высшей вере,
Ручьи людей текли к нему.
Текли, в речах его услыша,
То, что стучало в их же лбах,
Что век под их ютилось крышей,
Что зрело под холстом рубах,
Что поднимало их средь ночи,
Что наливало кулаки,
Что приводило или к порче,
Иль к наложению руки.
И то,
Что смутно представлялось,
И непонятное совсем
В живое дело облекалось
И становилось ясным всем...

Так кто же он?
Герой ли,
Бог ли?..
Кряхтя, угрюмый бородач:
— Не будь его, — сказал, — подохли бы!
Николка — он не царь — палач.
И в подтвержденье слова
Духом
Сорвал ушанку с головы
И там, где раковины уха,
Чернели дыры лишь, увы!
И предложенем, и примером,
Как между прочим говоря,
Приговорил он к высшей мере

Его величество — царя...
Но где же он?
А он
Незримо
В глазах,
В сознании,
В душе
Присутствовал неколебимо
На каждом сразу рубеже!
А он всечасно,
В полной мере
В живом понятии — народ,
Как в необъятной атмосфере
Источник жизни — кислород.

3

Второе уж идёт столетье
Его рожденья.
Смерти — нет!
Куда бы ни пришлось лететь, я
Повсюду вижу дерзкий свет
Свободы,
Что с Октябрьской ночи,
Круша завалы на пути,
Будя,
Приветствуя,
Пророча,
Сердец и разума достиг
И поселился в них навеки!
А он, кем этот свет зажжён,
Он в каждом новом человеке,
В его деяньях воплощён.
Он — в нарождающихся судьбах
Народов,
Стран,
Материков;

В сладкоголосом слове: КУБА,
И горьком выдохе: ТОГО.
Он – в предстоящих дел
Свершеньях,
он – в гневных лицах и руках,
И в исторических решеньях
Партийных съездов и ЦК;
От дня ко дню,
От века к веку
Понятней,
Зримее,
Родней;
От человека к человеку
Идёт он
Сутью наших дней
И, в лица всматриваясь мудро
С плакатов, авеню и стрит:
– Гуд монинг!
Вива!
С добрым утром! –
Он всей планете говорит.
И никому уже не внове
Материальной мысли нить.
Ничто его не остановит
И некому остановить.
И на космической орбите
Когда-нибудь предстанет он
Как Полномочный Представитель
Земли,
Народов и племён.

4

Я обнажил и ум, и душу
Я обнажил глаза и слух,
Я эту ночь хочу послушать,
Чтоб сердце укрепить и дух.

Все звуки:
Песни,
Марши,
Ругань,
Стрельба,
Проклятья,
Вопли,
Стон,
Шаги,
Ползки,
Пробежки
Вьюгой
Секут меня со всех сторон!
Вот сабля молнией сломалась,
Вот конь ржанул и мёртв упал,
Вот бомба шаром разорвалась –
И опрокинулась толпа!
Вот женщина ночная,
В белом
И чернотой громадных глаз,
Оглядываясь оробело,
На мост чугунный взобралась
И, не крестясь и не ругаясь,
Зажав руками голову,
Как бы от пуль осторегаясь,
Вслепую бросилась в Неву!
Вот два солдата,
Три матроса,
В крестах из пулемётных лент;
Бушлат,
Ботинок,
Папироса...
На всю пятёрку – сотня лет!
Какая юная держава!

Вдруг вспышка – и разверзлась зга!
Как будто проволокой ржавой

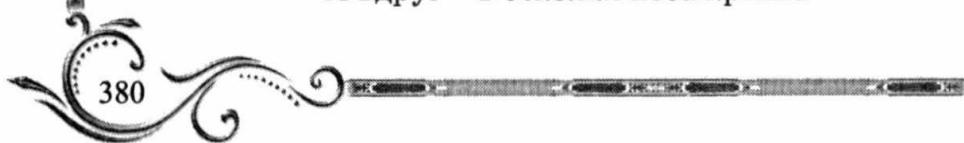

Рванули по живым мозгам,
Рванули, будто парусину
Десятками железных рук;
И битых стёкол звон осиный
Мгновенно задрожал вокруг!
И, как из горького сонета,
Душа отчаянно рвалась:
— Жаннета, где же ты, Жаннет-та?
О, Господи! Ты слышишь, князь? —
Неслось из чёрного проёма,
Из пустоты и в пустоту...
— Не бойся, братцы!
Будь как дома!
Каталось эхо по мосту.
Костры и там, и тут горели,
Носки стучали о каблук,
Кто спины,
Кто коленки грели,
кто в пламя тискал клешни рук.
Неразбираха,
Разорённость,
Неслаженность и суета.
Но прозревала
Озарённость
Во взорах и в улыбках рта.
И разливалась,
И топила
Сырой и серый Петроград.
Железная рождалась сила
Крестьян,
Рабочих
И солдат,
И охорашиваясь как бы,
И вписывая в мир себя,
Она
плечом
Столетий дамбы

Легонько сдвинула,
Щербя
Окатанность и округлённость
Эпох,
Дремавших в сладком сне.
Раскованность и окрылённость
Подобно буре и весне.
Она в сердца и в души влила,
Вложила правду в сталь руки
И на победу вдохновила
Бурлящие материки...

Ночь Октября...
Тобою мерить
Дела и мысли суждено.
Всё настежь:
Судьбы,
Души,
Двери,
И откровенность, и доверье –
Пожатьем рук закреплено!
В тебе и смерть, и ликованье...
Лицом к лицу сошлись
Века
И боевое заседанье
Едва рождённого
ЦеКа.
...И голос!
О, какое чудо!
Ко ртам, впервые без удил,
Из сердца,
Изнутри,
Оттуда,
Накатываясь, подходил.
Но к горлу он пока не вышел.
К ребру катался от ребра.
И вдруг – в осколки неба крыша

От необъятного – Ур-ра-а! –
Забилась, затряслась, заохала
Звенящих отзвуков волна.
И вмиг Вселенная оглохла
И показалась так бедна,
Что вышедший красноармеец
Отправить малую нужду
Проговорил:
– Эх, хоть бы змея
Збросить в этакую жуть!
А гул стонал,
Звенел,
Качался,
Будил,
Подталкивал,
Взывал,
Ослабевал,
Но не кончался –
Лишь новой моци набирал!

И... ЛЕНИН...
Ленин в гуле этом,
Как бы стоя на голосах,
Провозглашает:
– Власть Советам! –
И смотрит время на часах.
И в этом хоре неустанном
Восторга,
Радости,
Любви
Провозгласил:
– Земля крестьянам!
И – зал присел!
О, что в крови
Творилось у людей тех гордых!
А Ленин,
Руку приподняв,

Провозглашает:
— Мир народам!
И ликование до дня
И вновь до ночи не смолкало...
И у костров
Россия вся
По-бабы в тряпочку сморкалась,
Себя к высотам вознося!

И — нету высоты той выше,
Которую избрал народ!
И к ней
Естественно,
Как дышит,
Тропой неторною идёт.
Из поколенья в поколенье
Передаётся эта ночь,
Как миллионов рук
Творенье,
Как Мира радостная Дочь.
И образ ночи той нетленен,
Он — самый светлый день в веках,
Как и нетленно имя
ЛЕНИН,
Планеты всей
На языках.

1987 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1993 — 2000 гг.	
ПОКЛОН ВЕКУ	
Слово	15
Извечная попутчица — печаль	15
Осенний день	16
Что творим?.....	17
Усмирение	19
Завистники	20
В России пьют	20
«Вы обо мне сказали так красиво...»	21
Мои край.....	22
Кавказ	23
«Мелькают дни живого бытия...»	24
Демократизация.....	25
«Чего бы я хотел?..»	25
Душу кое-как ташу и ногу...»	26
Безвременье	27
Предостережение.....	27
Первомай 1993 года.....	27
Романс	28
Сплин	29
«И разлетается стая...»	29
К музе	30
Помутнение	31
Гроза	31
Евразия	31
«Не говорю тебе о ней...»	32
«Когда приходит сил паденье...»	33
Куда идти?	34
Облако	34
Передряги	35
Сон — былъ	36
Безумие	37
Опомнимся ли?	37
«О, как порою в глубине...»	39
«Нет, я не верю утишеньям...»	39
«Теперь живу в изнеможеньи...»	40
Василёк	40
Ода веку	41
О тебе, Москва	42
Москва-заступница	42
Выборы	43
ПОГРЕБОК-1994	
«И вот я в доме, где живёт мой брат...»	44
«Мы будем пить домашнее вино...»	45
«О как раскошно зрелище для глаз... .»	45
«Итак, мы пьём домашнее вино...»	46
«Как радостен, как сладок этот час...»	46
«Все роли сыграны...»	47
Но прежде	48
В памяти	49
Победа	49
Пырей	50
Чаша	51
О любви	52
Не знают	52
Славяне	52
Задумайся	54
Болото	54
Голгофа	55
О рубле	55
О долларе	56
К брату	57
Тучка	58
Загадка	58
Разлом	60

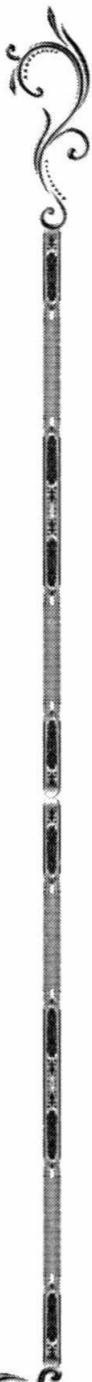
Увиденное.....	61	Промелькнём.....	90
Молчание.....	62	Мытарство.....	91
У океана	63	О правде.....	92
Вечером	63	Предположение.....	92
Непредвиденное.....	64	Боль	93
Усмешка над собою	64	«Знаю я: в стороне не останусь...»	94
Решение.....	65	Журавли.....	95
В деревне.....	66	Неудача	96
Опозднился.....	67	«Отряхнись перед домом молитвы...»	98
Резонно.....	68	Глупость	98
Раскаяние	68	Аванс.....	99
На пороге.....	69	По колее.....	99
Печаль.....	70	Уныние	100
Видение.....	70	Причастность.....	100
Любовь	72	Пророк	101
Созерцание	73	Что петь?	102
Признание.....	73	Искра божия	103
Благодарность.....	74	Затмение.....	103
Видит око.....	74	Горе	104
Май.....	75	Весы	105
Сколько ещё?	76	Обида	105
В лесу.....	77	Со стороны	106
В июле.....	78	Слушая Шаляпина.....	107
Оторопь.....	79	Проба	108
Август.....	80	Нездадча	109
Летом	81	Что подслушал	110
Как петь?	81	Наказание	111
Сила влаги	82	Так бы.....	111
Мгновения	83	Суть	112
В небе.....	83	Новая Россия.....	113
«Проходим по земле как невзначай...»	84	Тупик	113
Раздумье.....	85	Откровение	114
Поэты	85	Слух.....	115
Кто?	86	Выдюжим.....	115
В дождь.....	86	Раздумье.....	116
Поэт.....	87	Слепость	118
За что?	88	Над обрывом	119
Увядание	89	Тьма.....	120

Кто доживёт?	120	По Руси	150
В конце.....	121	Олигархи.....	150
Про себя.....	122	Судьба.....	151
Распад.....	122	Молитва.....	152
Останки	123	Осень.....	153
Право	124	Улыбка	154
Сумерки	125	Раздумье.....	154
Обыденное.....	125	Встреча	155
Однозначно	126	Тютчев.....	158
Бывает и так	126	Праздник.....	159
Надоело	127	Костёр	160
Обиталище?.....	127	Струна	161
Пора бы.....	128	Удача	161
Усталость	129	Зёрна.....	162
За день до 1999 года	130	Жизнь	163
Предновогоднее	130	Воробы	164
В последний час	131	15 декабря	164
Неразрешимость	131	Июльский сад.....	165
Полустанок	132	Снег	166
Зимний вечер			
Слову петь!			
Вечер			
Юбилейное	133	Река.....	168
Стезя	134	Параллельность	169
Мастер	136	Очищение	170
Рок	137	Ожидание.....	170
На Тверском бульваре.....	139	Откровение	171
Призыв	140	Яун-Лор.....	172
Дар	141	7 мая 2000 г.....	173
Цыгане	141	День ангела	174
Эпилог.....	142	Засуха	175
Перемена	143	Зной	176
У Тибра.....	143	Гроза (когда гроза ночами пышет...)	176
Италии.....	144	Такой вот	177
Утрата.....	145	Дума	177
Между нулей	146	Монтаж	178
Сбились	147	Земляника.....	179
Крах.....	148	На покосе	179
Вотчина	148	Предосеннее	180

Возрождение	181	Расстались.....	202
Сострадание	182	Что это?	203
Милость	183	Где?	204
Не спеши....	183	Попытка	204
Как быть?.....	184	Сани	205
Общее	184	Толпа	206
Муравьи	185	Песня.....	207
«Отбросив стяжанье и утлость...»..	185	Так дано	208
Дождик	186	До конца	209
«Не стало весёлого солнца...» ..	187	Берёзы	209
Перемена	187	Всё так	210
Недоразумение.....	188	Птичка	210
Что делать?	188	К нам	211
Поклон веку.....	189	Жара	212
ЧТО НЕСЁШЬ НАМ, НОВЫЙ ВЕК?			
Холмы	189	Вспышка	213
Март	190	Ветер	214
Как живу я?	191	Родное	214
Как?.....	191	На реке.....	215
«Как жаль расставаться...» ..	192	Боль	215
Глаза в глаза	192	Святая Русь.....	216
Не отдаам	193	О водке.....	217
Ожидание.....	193	Не раскачивай лодку	218
Не перемог.....	194	В грозу	219
Посулы.....	195	О законе	219
О жизни	196	Ожидание.....	220
Утром	196	Внезапность.....	221
О цветах	197	Усопший.....	221
Глушь	197	Просьба.....	222
Воскрешение	198	Приют.....	223
Закат	198	К брату	223
Песня.....	199	К другу	224
Пряжа.....	199	Призыв	225
Исход	200	Предвечернее	226
Что ждать.....	200	Помнить	226
За окном	201	Миг	227
Город (баллада)	201	Равные	227
		Тайна	228
		Перемена	228
		Краски.....	229

Северу	230	Реванш.....	256
Окошко.....	231	Конь.....	257
В сентябре	231	Не время ль?	258
Покоя бы.....	232	Перебор	259
Берёзки (под моим окошком)	232	В пургу	260
Храм	235	У окна.....	260
К вам	235	В округе	261
Во сне.....	236	Помолись.....	262
В октябре	237	Первые дни.....	262
Листья.....	237	Весна.....	263
В ожиданье	239	Расстались.....	265
Только здесь.....	240	В переходе	266
К реке.....	241	Солнечные брызги	267
К молодым.....	241	Две стихии	267
Объ	242	К требователю	268
Дожди	243	Связь	268
Тучки	243	Обережь	269
Слякоть	244	Цвета земли	270
Сверчок.....	244	День скорби	270
Сравнение	245	Молитва	271
Элегия	246	Помнить!	271
О щтете	247	Вера	272
ВОСТОЧНЫЙ КРУГ			
Пролог.....	248	Не обмани	272
Год змеи	249	Необузданность	273
Год лошади	249	Презрение	273
Год овцы	250	К брату	274
Год обезьян	250	К столице	274
Год курицы	251	К Грузии	275
Год собаки	252	Вино	276
Год свиньи	252	Приметы	277
Год мыши	253	Надрыв	277
Год коровы	253	Волшебство	279
Год тигра	254	Сургут	279
Год зайца	254	Ослепший	281
Год дракона.....	255	Огонь	281
Эпилог	256	Преодоление	282
		Раскаяние	283
		В феврале	284
		Приобье	284

Восхищение	285	Признание	312
Бытовуха	286	К 100-летию сургутских библиотек	313
К пурге	286	Читайте	313
Бегство	287	О себе	314
Жду	287	Из детства	315
1 апреля	288	К душе	316
Что вижу	289	Исход	316
Дрёма	289	Надеюсь	317
Крест	290	Стыдно	318
К буре	291	У реки	318
Обман	291	Печка	319
Снисходительность	292	Семья	319
Кара	293	Деревья	320
Галактиону Табидзе	293	Осень	320
7 июня 2004 года	294	Протест	321
Место	295	Терние	322
Лето	296	Забава	322
Ожидание	297	Не сбыться	323
Источник	297	Грустно	324
Последствие	298	Рейс	325
Встреча	299	АПОСТРОФА:	
Юбилей	300	«Из царства дальнего...»	326
Утро	301	«В горах доселе	
Сотворение	301	я ни разу не бывал...»	327
Такие вот	302	«О, если б надо мной...»	327
Зяблик	303	«Всё серебро снегов...»	328
Отречение	303	«То плыл не я...»	329
Не ищу	304	«Какой -то блёклый свет...»	329
Обида	304	«И вот приблизился...»	330
Круговорот	305	«Разглядывал и я...»	331
Скоро	306	«И вот взгляделись мы...»	331
Наблюдение	307	«И стали голоса кричать...»	332
Помню	307	«Вдруг, как оцепенев...»	333
На меже	308	«О, как братались мы...»	333
Сибирский тракт	309	«Мерещилось ли мне...»	334
Крест	309	2006 год	335
Признание	310	На рассвете	335
Прости	311		
Иди	311		

К Марии	336	Цивилизация.....	355
Дрожь	337	Улыбка.....	356
Из далёкого	338	Ливень	356
О соловье.....	339	Дорога.....	357
Печаль.....	340	О природе	358
Болезнь	340	На операцию	358
Раздумье.....	341	Возвращение	359
О чудесах	342	Романс	360
Близкое	342	Неизменное	360
Шажки.....	343	Покорность	361
Расстались.....	343	Так вышло	362
Желание.....	343	Гололедица	362
О творчестве.....	344	В потоке идущих	363
Ночь	344	О сороке.....	364
Случай.....	345	Явление	364
Пространство.....	346	Тоска	365
Мать	346	К ветру	366
О нас	347	Восхищение	366
Когда-нибудь	348	Две ипостаси	367
Шутка.....	348	Далёкое	367
Несуразица	350	Взгляд	368
Непредвиденное.....	350	Прозреем ли?	369
Грёзы.....	351	Уход.....	370
О желаниях.....	352	Что видится?	370
Гора	353	Приди и оживи	371
Последнее.....	354	ОКТЯБРЬСКАЯ НОЧЬ (Поэма)	372
Расставание.....	354		

Михаил Антохин

Звон колоколов

стихотворения и поэма

1993–2007 гг.

*Дизайн и компьютерная верстка –
Татьяна Михайлова*

Подписано в печать 02.04.2012. Формат 70x100/32.
Гарнитура «JornalC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 500. Заказ 177.

Отпечатано в ООО «Курганский Дом печати»,

640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

E-mail: zpress@pkzaural.ru

